

САМАРСКИЙ КРАЙ в стихах и прозе

Самарская региональная общественная организация
«Труженики тыла и ветераны труда»

Литературно-творческое объединение «Ли́ра»

САМАРСКИЙ КРАЙ

В СТИХАХ И ПРОЗЕ

Сборник произведений
писателей Самарской области

ИНСОМА-ПРЕСС

САМАРА

2022

УДК 82-82
ББК 84(2Рос=Рус)
С 17

Главный редактор – **Воробьева Инесса Дмитриевна**

Члены редакционного совета:
Завальный Александр Никифорович
Карлинская Лариса Валериевна
Плотников Владимир Иванович
Хаустова Людмила Николаевна

С17 Самарский край в стихах и прозе: сборник произведений писателей Самарской области. – Самара: издательство «Инсома-пресс», 2022. – 280 с., ил.

ISBN 978-5-4317-0508-3

Сборник «Самарский край в стихах и прозе» издан при финансовой поддержке министерства культуры Самарской области. В него вошли произведения 41 автора, проживающего на территории Самарской области.

УДК 82-82
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4317-0508-3

© СРОО «Труженики тыла и ветераны труда», 2022
© Литературно-творческое объединение «Лира», 2022

Дорогие друзья!

Вы держите в руках сборник «Самарский край в стихах и прозе», в него вошли произведения наших с вами земляков, которые с огромной любовью прославляют красоту и достижения Самарской губернии.

Книга станет помощником в знакомстве и изучении современной литературы самарских авторов, сформирует уважение к национальным традициям, толерантности, культуре межличностного и межнационального общения, бережного отношения к материальным и духовным богатствам родного края.

В этом году на базе Центра социализации молодёжи прошёл ежегодный Областной конкурс чтецов «Самарский край в стихах и прозе», в нём приняли участие более 800 молодых людей, в финал вышли 87 чтецов губернии. Итоги конкурса показали, что интерес к творчеству самарских писателей и поэтов огромен, и я надеюсь, что сборник поможет педагогам школ, театральных студий, творческих коллективов в подготовке к последующим конкурсам и сформирует у подрастающего поколения чувство любви к малой Родине и гордости за неё.

Хочу поблагодарить коллектив Самарской региональной общественной организации «Труженики тыла и ветераны труда» и его руководителя Горшкова Петра Александровича за колоссальный труд по популяризации произведений самарских авторов!

*Врио министра культуры Самарской области
Калягина Ирина Евгеньевна*

Уважаемые читатели! Дорогие юные читатели!

Я очень рад, что у вас появилась возможность познакомиться с произведениями писателей Самарской области, вошедшими в сборник. Эта книга вышла в свет не случайно – она стала продолжением большого проекта «Самарский край в стихах и прозе», реализуемого нашей общественной организацией с 2020 года. Цель проекта: познакомить молодежь области с творчеством наших земляков – талантливых литераторов через цикл небольших документальных фильмов. Героем каждого фильма выступил один из 36 человек, рекомендованных председателем Самарской областной организации Союза писателей России Александром Громовым.

Сейчас эти фильмы находятся на многих сайтах в интернете и являются неоценимыми помощниками педагогам для проведения занятий по краеведению и знакомству с литературой самарского края. В них звучат стихи, рассказы, признания в любви к своей малой родине и интересные случаи из жизни писателей. Яркие сюжеты, снятые детскими и молодёжными кинообъединениями, под другим ракурсом раскрывают богатство и красоту любимых с детства мест.

Таким образом, во время работы над проектом был накоплен большой литературный материал со всех уголков нашего края. Во время съёмок, а затем во время презентаций проекта мы получили много пожеланий иметь этот материал в своих руках для дальнейшего использования. Руководством проекта было предложено издать книгу и распространить её в каждую библиотеку

ку и каждую школу Самарской области. И эта идея была одобрена на областном собрании общественных организаций при Губернаторе Самарской области и горячо поддержана моими коллегами из литературно-творческого объединения «Лира». Литобъединение существует при нашей Самарской региональной общественной организации «Труженики тыла и ветераны труда» уже 24 года и имеет многолетний опыт подготовки и издания художественных сборников и альманахов. Многие из них увидели свет благодаря социальным проектам, поддержанным грантами и субсидиями, в том числе большой межрегиональный проект «Живая эстафета памяти», в котором приняло участие 8 областей России.

Всего нашей организацией за годы активной деятельности выпущено 15 сборников общим тиражом более 20 000 экземпляров. И все они наполнены высокодуховной патриотической литературой. Мы, люди старшего поколения, с удовольствием передаем нашим дорогим землякам свои опыт, знания, глубину чувств и любви к Родине.

Я выражаю благодарность министерству культуры Самарской области за финансовую поддержку проекта и издание сборника «Самарский край в стихах и прозе».

*Председатель совета
Самарской региональной общественной организации
«Труженики тыла и ветераны труда»
Горшков Пётр Александрович*

Виды Волги. САМАРА. Пмятникъ Александра IIго.

Дорогие земляки!

Желание с любовью рассказать о своих родных местах в характере каждого русского человека, а жителю Самарской области, мне кажется, присуще вдвойне. Где бы мы ни были, в каких бы экзотических краях ни гостили, нас всегда тянет на Волгу. Этот неповторимый запах волжской воды, смешанный с хвойным ароматом соснового леса, знаком и любим с детства, и едва ощутив его, сердце наполняется атмосферой спокойствия и счастья.

Такой же атмосферой любви к родному краю пронизаны все произведения авторов сборника, который вы держите в руках. В нём представлены стихи, песни, рассказы, отрывки из романов 41-го писателя Самарской области, в их числе: 23 человека из Самары, 5 сызранцев, 4 тольяттинца и 9 жителей малых городов и посёлков.

Вы, наверное, обратили внимание, что на одной из первых страниц книги размещено изображение памятника императору Александру II, который до 1927 года стоял на Алексеевской площади и считался одним из главных символов Самары.

Подбирая иллюстрации к сборнику и учитывая, что он попадёт во все школы области для дополнительного образования в сфере культуры и краеведения, мы решили оживить текстовые материалы фотографиями с настоящих открыток XIX – начала XX века и надеемся, что ребята с удовольствием будут рассматривать картинки из жизни их предшественников.

Коллекцию фотографий из личного архива нам любезно предоставил главный библиограф краеведческой библиотеки Самарской областной универсальной научной библиотеки А.Н. Завальный. Мы благодарим Александра Никифоровича и всех авторов книги за участие в образовательном проекте «Самарский край в стихах и прозе».

*Главный редактор, руководитель
литературно-творческого объединения «Лира»
Воробьева Инесса Дмитриевна*

Агалаков Дмитрий Валентинович Самара

Родился 3 мая 1966 года в Самаре, окончил Самарское художественное училище, факультет театральной режиссуры Самарской академии культуры и искусств, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького в Москве по специализации «проза». Член Союза писателей России и Международной ассоциации писателей-фантастов. Прозаик, поэт, драматург, публицист.

Автор более 50 книг прозы. В 2008 году при поддержке правительства создал в Самаре историко-литературную книжную серию «Лидеры Самарского края». В серию вошли биографии выдающихся людей, внесших неоценимый вклад в создание и развитие города и губернии, например, князя Григория Засекина из рода Рюриковичей, казачьего атамана Ермака, военного историка и общественного деятеля Петра Алабина и других.

**КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ ЗАСЕКИН,
или Воевода Дикого поля
(отрывок из романа)**

Конный разъезд ногаев рысью шел вдоль берега Волги. Великая река то открывалась, то уходила за леса и холмы, напоминая о себе лишь прозрачной голубой дымкой вдаль, по-весеннему свежей. Несколько ногайских орд хозяйничали в этих местах, зовущихся Волжским диким полем, и никак не могли поделить здешние земли. Да и вольное казачество не давало покоя мурзам, выбрав ту же часть Волги местом для нападения на осколки некогда великой Золотой Орды. Уже полстолетия Дикое поле жило в состоянии войны и редких перемирий...

Отряд в полном вооружении, с кривыми саблями, копьями и луками пришёл с юго-запада. Небольшие чёрные кони, мускулистые и выносливые, ветром рассекали луговые травы, гудевшие мириадами насекомых, вырывались на обветренные пустоши, взрывая копытами жёлтую степную пыль.

В полдень, когда первое майское тепло набирало силы и грело уже по-летнему, разъезд оказался напротив Девьих гор. Лесистые вершины, приземистые и тёмные, плотной грядой намечали здесь путь реки, широкое русло которой изгибалось гигантской подковой, оставив на правобережье дикий, кишачий зверьём полуостров.

Вожак поднял руку, и отряд спешил. Узкоглазое прокопчённое лицо предводителя было непроницаемо. Цепко сросшиеся борода и усы резко очерчивали сухие тонкие губы ногайца. Левую скулу уродовал старый узловатый шрам. Степной ветер порывами трепал куний мех его шапки.

– Что случилось, Байарслан? – выехал вперед один из всадников. – Ты чувствуешь опасность?

Но тот остановил его властным движением руки. Вожак явно пытался услышать что-то. Прислушались и другие – странный гул раздавался совсем рядом, точно река пела...

– Туда, – сказал он, кивнув на запад.

И отряд пустил коней по указанному направлению. Они проехали ещё немного. Впереди пошли пологие холмы, за ними, напротив гор, поднималась синяя дымка. Там была Волга. Гул теперь становился явным, отчётливым, грозным...

Плетью ударил ногой своего коня, и тот рванул вперёд.

Отряд вылетел на холмы и тотчас врос в весеннюю землю. Многие кони встали на дыбы. Гул сотен голосов, эхом разносившихся по реке, разом обрушился на степняков.

Многие десятки исполинских плотов тянулись вниз по Волге, и каждый представлял собой большой дом – с палатками и шалашами. Плотами управлял пёстро одетый люд. По всей Волге эхом разносились зычные окрики, и брань гуляла от берега к берегу. А рядом с плотами шли боевые струги – весело взмывали вёсла и резко уходили под воду. Красными пятнами читались стрелецкие кафтаны и шапки, грозно поскверкивали на солнце бердыши. Караван переселенцев, да и только!

– Московиты, – с гневом тихо сказал вожак. Было видно, что даже он, опытный боец, впервые видит такое.

– Откуда их столько пришло сюда, Байарслан? – спросил второй ногой. – И зачем они сплавляют столько деревьев? Ведь они растут по всей реке! Почему не нарубить там, куда плывут?

Глаза командира, и без того узкие, превратились в две свирепые щёлочки.

– Скоро мы это узнаем, – сказал он. – Только жди худого, когда столько царских воинов московиты везут с собой. Поедем следом...

На главном струге, держась за борт, стоял крепкий мужчина в полотняной рубахе и богатом кафтане, наброшенном на плечи. Сабля в дорогих ножнах – не в пример стрелецким или казацким – висела на широком поясе. Волжский ветер легко цапал его густую чернявую шевелюру, чуть побитую серебром. В тёмной бороде тоже было немало седины. Хмурился воевода, оглядывая берега. Красивы они были. Но сколько опасности таили в себе! То и дело, отражая полуденное яркое солнце, сверкал на мизинце воеводы перстень с изумрудом. Непростой то был перстень – подарок царя Иоанна Грозного...

Воеводой был сорокапятiletний князь Григорий Осипович Засекин из рода князей Ярославских, что вели свою родословную от Рюриковичей и Чингизидов. Бывалый воин, Русь исходивший с полками от Ливонии до Урала и от Ладоги до Крыма, в прошлом, 1585-м году по приказу царя Фёдора Иоанновича, а на деле – его шурина Бориса Годунова, князь Засекин был послан Москвой ставить Волжскую засечную черту – супротив Ногайской орды. Главными крепостями засечной черты должны были стать Самара, Саратов, Царицын...

– Вот нехристи косоглазые, а? – весело воскликнул княжеский ординарец Мишка, кивнув на холмы, где остановился отряд ногоаев. – Глядят! И как глядят, батюшка Григорий Осипович! – Придерживая рукой гарду длинной сабли в ножнах,

он ухмылялся в жиденькие светлые усы. – Ох, повидаться нам ещё с ними, братцы, видит Бог, свидеться!

– Типун тебе на язык! – ухающим голосом осадил его стрелецкий сотник Савелий Крутобоков, чьи люди охраняли первый корабль. – Накаркаешь ещё! Ногаев только не хватало на нашу голову.

– А куда от них денешься? Не позовём – сами придут! – поддразнивал его Мишка.

Сейчас многие, и с плотов, и со стругов, глядели на крупный отряд степняков, что минуту назад так стремительно вылетел на холмы, обрывом подходившие к берегу Волги. Чего от них ждать? И может быть, это – всего лишь передовой отряд полков зло ненавидевшего Москву здешнего ногайского владыки Уруса, что вдоль берега крадёт за непрошеными гостями?

Смотрел туда и князь Григорий Засекин – чёрные глаза его не отпускали ногаев, хмурились брови...

– Выпадет доля – свидимся, – сказал он обоим воинам. – И не таких видали!

Отряд степняков уже поворачивал коней и уходил за холмы. Князь пригладил окладистую бороду:

– Нам бы только всё успеть в срок, пока ногайские мурзы не опомнятся. А там уж поглядим, кто кого!

Степняки не знали, что в связанных брёвнах, образовавших плоты, таится крепость, которую срубили ещё под Казанью и теперь сплавляли сюда, к большой Волжской Луке. Что переселенцы на брёвнах – это рабочий люд, строители будущей крепости. А царские стрельцы в красных кафтанах и разудалые казаки – её будущие защитники.

К вечеру, когда солнце зарделось над волжскими степями правобережья, мастеровой-городник Тимоха засуетился: то и дело приставлял ко лбу широкую ладонь, щурясь от закатных лучей, что стелились рябью по Волге и слепили глаза. Неожиданно далеко впереди открылось устье другой реки, впадавшей в Волгу от левого её берега.

– Туточки! – звонко крикнул Тимоха. – Вон урочище! Вот она – Самара! Весёлая речка, казачий притон! Дом родной для душегубов и злодеев! – Но кричал он это радостно и задорно. – Чаль к берегу, братцы, чаль!

..Несколько дней хватило братьям Буровым, санчурским мастерам – Тимохе и Трофиму, чтобы осмотреть местность и нарисовать образ будущей крепости. И вот теперь с казачьего судна дали отмашку, и струг стал медленно уходить влево.

Крики полетели над плотами и от струга к стругу. Они стали неспешно уходить рядами к левому, песчаному, поросшему кустарником берегу, прижиматься к нему...

И скоро уже головной корабль ткнулся носом в прибрежный песок, как раз там, где Самара впадала в Волгу. Тихим казался берег – большие холмы впереди, лесистая круча слева, покойный приток и другой его берег – с густым смешанным лесом.

– Хорошая земля, – сказал князь.

Там, на подъёме, меж этих двух рек они и должны были как можно скорее поднять крепостные стены и башни, пока не очухались ногайские мурзы, пока не решились изничтожить непрошенных гостей...

Алексеева Надежда Яковлевна
село Усолье Шигонского района

Родилась 9 февраля 1959 года в селе Арзамасцевка Богатовского района Куйбышевской области, окончила школу в Усолье Шигонского района, Куйбышевский плановый институт. Она член Союза писателей России и член Союза журналистов.

Работала библиотекарем в школе, методистом музея истории Усольского края, главным бухгалтером, экономистом, корреспондентом районной газеты «Время».

Стихи начала писать ещё в школе. Печаталась в районных газетах «Время», «Красное Приволжье», «Волжские вести», «Литературная Сызрань», альманахе «Сызранская излучина».

Публикации Алексеевой есть и в журнале «Русское эхо», в сборниках «День поэзии», «Писатели Самарского края», «500 золотых страниц», в московских изданиях «Российский писатель», «Наш современник», в книге «Я ещё не вернулся с войны».

Авторские сборники поэтессы: «Любви моей не обмани», «Не просто слова», «Я и небо», «Цветёт тимьян», «Полнолуние», книга детских стихов «Соляная ярмарка» об истории и достопримечательностях села Усолья. В 2018 году был издан первый выпуск литературно-исторического альманаха «Между Волгой и Усой».

ВИШЕНКА

На горе Светёлке* в час заветный,
Улыбаясь ласковой волне,
На заре, в тумане предрассветном,
Распустилась вишня по весне.

Нет цветов милее утром вешним,
И прекрасней чуда на земле,
Стройная, в наряде подвенечном,
Робко машет веточкою мне.

Все сады полны волшебным светом,
И видны они издалека.
Кажется, подхваченные ветром,
Вдруг с небес спустились облака.

Я люблю вишенники густые,
Но дороже мне вон та, в горах,
Вишенка, что в холода любые
Расцветает на семи ветрах.

ЦВЕТЁТ ТИМЬЯН

Холмы, заросшие тимьяном.
В туманной дымке города.
Там, над Елшанкой, мостик пьяный,
Под ним – прозрачная вода.
Напой мне, родина, как прежде,
Простую песню про любовь.
Страну весны, страну надежды
В тебе хочу я видеть вновь.

*Светёлка – самая высокая гора возле Усолья.

Напой мне, матушка, о доме,
Хотя б во сне, во мгле ночей,
Пусть дом давно уже под сломом,
И сад теперь уже ничей.
На пустыре обид вчерашних,
Забытых истин и тревог,
Живу как ветер, затерявшись
В плену просёлочных дорог.
Здесь, как за пазухой Господней,
Он для меня, как талисман,
В полях звездою путеводной
Цветёт обветренный тимьян...
Цветёт тимьян, бесстрашный житель,
Подставив солнцу нежный лик,
Благодарю тебя, Спаситель,
За каждый час, за каждый миг.

* * *

Над Усольем огни, огни...
Вся в сугробах ночная Русь.
Я и небо – одни, одни,
Только вечность и только грусть.

Всюду словно заснеженный рай.
Облака – золотые следы,
Будто вышел святой Николай
К храму возле замёрзшей воды.

И такой в небесах покой,
И такая в них благодать!
Мне бы в небе сиять звездой,
Мне бы снегом в полях лежать...

Мне б постигнуть святую суть
Той божественной тишины...
Дым из труб, словно Млечный путь,
От зимы этот путь до весны...

ПАРОМ

Отчалил паром деловито,
Умытый свинцовой волной.
И всё. Переправа закрыта,
И в воздухе пахнет зимой.

Не требуют волны участия,
Пусть всё остаётся, как есть.
И кто-то уедет, уедет за счастьем,
А кто-то останется здесь.

Особенно нынче, сурово
Седые молчат Жигули.

Ненайденной стынет подковой
Замёрзшая кромка земли.

Своей наслаждаются властью,
Нагрывают тревоги и грусть.
И кажется, кажется в это ненастье,
Что новой весны не дождусь.

РУССКАЯ ДУША

Холодный вечер, хуже не бывает,
Природа стонет, мир вокруг круша...
Кого-то до сих пор она смущает,
Загадочная русская душа...

Мы отдаём себя своим любимым,
Оберегая их, на первый взгляд
Мы кажемся порою нелюдимы,
Но в этом климат резкий виноват.

Когда б мы проживали в куцах райских
И на песочке грели животы,
Тогда б в избытке всем дарили ласки,
В венки свивая яркие цветы.

Нас обвиняют в немощи и лени,
Но на огромной площади страны
Зима стоит полгода, лишь мгновенья
Нам для любви и радости даны.

Но тем прочней, ценнее наши чувства,
Их не сотрут ни годы, ни беда,
Ведь жизнь сама дарует нам искусство
Хранить огонь в любые холода.

Стихи из детской книжки «Соляная ярмарка»

КАК КАРАУЛЬНЫЙ БУГОР СТАЛ СВЕТЁЛКОЙ

На бугре Караульном загорелся маяк.
Там Иван да Семён, не уснуть им никак.
Смотрят вдаль молодцы –
Не нарушен ль покой,
Не видать ли кого днём и ночью глухой...

Как заметят орду – зажигают смольё,
Чтобы дым был погуще, чтоб всем видеть его.
И усольцы бежали с несжатых полей,
И на остров жилой увозили детей.
Убирали мосты, укрываясь в лесок,
Где жестокий ногаец найти их не мог.

Пробежали столетья, словно в Волге вода.
Где маяк был, беседку возвели господа.
На бугре возвышался высокий шатёр.
Как и он, называться стал Светёлкой бугор.

СОЛЯНАЯ ЯРМАРКА

Шёл семнадцатый век. У причала – базар,
И на ярмарке соль – самый главный товар.
Из окрестных селений, больших городов
Приплывали сюда корабли на Покров.
Продолжая традиции давних времён,
У музея усольского в летний сезон
Мастеров собирают, здесь же песни поют,
И, конечно же, соль, как всегда, продают.
Сельский праздник шумит, и ему каждый рад.
В гости ярмарка ждёт, кто талантом богат.

Батюшков Виктор Павлович Самара

Родился 5 сентября 1947 года в селе Красный Яр Куйбышевской области, там же учился в школе, окончил факультет радиосвязи и радиовещания Куйбышевского электротехнического института связи. Работал в телецентре в городе Гурьев Казахской ССР, с 1975 по 2019 год – инженер в ГТРК «Самара».

Увлекается поэзией, фотографией, туризмом. В. Батюшков – многолетний участник волжской кругосветки, член общественного фонда «Центр Владимира Высоцкого в Самаре».

С 2015 года участвует в работе ЛТО «Лира». Дипломант конкурса «Поэтическая радуга». Печатался в нескольких коллективных сборниках ЛТО «Лира».

ВИННОВКА

Вадиму Сушко

Благословенный волжский берег.
Холмов распахнутая ширь.
Опорой красоте и вере
стал возрождённый монастырь.

А небо – сказочно большое.
И лес, и горы, и трава...
И просветлённую душою
находишь нужные слова.

Здесь мастерством и вдохновеньем
ложатся краски на холсты.
И забываешь искушенья
от этой вечной красоты.

ПРОПЛЫВАЯ ШЕЛЕХМЕТЬ

В этом месте, видно, не случайно
Горы с незапамятных времён
Берегут неведомые тайны.
И стихами воздух напоён.

Здесь, на стыке двух тысячелетий,
Плыл над Волгой призрачный рассвет.
В небольшом селенье – Шелехмети,
Как отшельник, жил большой Поэт.

Не была его дорога гладкой,
Но всегда был главным в жизни стих.
Он Шекспира разгадал загадки
И оставил множество своих.

А минуты краткого общенья
И восторг, и горечь принесли.
Были два автографа бесценных,
А взамен – три горсточка земли...

Гении, поэты и пророки,
Достигая творческих вершин,
Дарят удивительные строки
На пределе сердца и души.

Этих строк причудливые фрески
Хочется запомнить неспроста.
И закрыть плотнее занавески,
Чтоб не проникала темнота.

Будем жить, Поэта вспоминая,
Петь и пить, не путать жизнь и смерть,
Даже пролетая Гималаи
Или проплывая Шелехметь.

ВЕСЕННЕЕ

У речного берега
Тёплой весной
Расцвели подснежники
Для тебя одной.
Довелось нам встретиться
На семи ветрах.
Ночью солнце светится
У тебя в глазах.

Голосами птичьими
Лес окружит нас.
Наша песня сложится

В тот полночный час.
Пусть она короткая,
Пусть немного слов.
Пусть плывёт за лодкою
В отблеске костров.

Пусть сгорит печаль моя
В глубине огня.
Пусть опять мы встретимся
На исходе дня.
Или пусть развеется
Сказочный дурман,
И растает в памяти,
Как речной туман.

РАДИОЦЕНТР

Радиоцентр – самый мощный в свои времена.
Семьдесят лет эти башни надёжно стояли.
Был он построен, когда грохотала война.
Фронт далеко, но зенитки его охраняли.

Голос Москвы на полмира отсюда звучал.
Сколько прошло поколений отличных радистов!
Здесь обрели они свой многолетний причал.
Делали всё, чтоб сигнал безусловно был чистым.

Стал он ненужным в практичные наши года.
Не сохранить, не вернуть ничего, не исправить.
Взорваны башни. Казалось, что будут всегда...
Башням высоким – навеки высокая память!

Василь (Деревенцев) Владимир Васильевич Самара

Родился 1 сентября 1952 года в Куйбышеве.

После окончания политехнического института работал в Куйбышевском бюро автоматических систем. Занимался предпринимательством.

Стихи начал писать в зрелом возрасте, печатался в коллективных сборниках. Некоторые его стихи стали песнями. В. Василь – дипломант конкурса «Поэтическая радуга». Член литературно-творческого объединения «Лира».

НА РАССВЕТЕ

Под обрывом течёт река –
Сердце радует,
И целуются берега
С чудо-радугой.
А туман плывёт над рекой –
С ней венчается,
А рассвет-то, смотри какой –
Не кончается.

Ива моет в воде речной
Руки тонкие,
Чередуются с тишиной
Трели звонкие.
То соловушка над ветлой
Заливается,
А рассвет-то, смотри какой –
Не кончается.

А в глазах твоих синь плывёт
Васильковая,
Сладких губ твоих пью я мёд
В утро новое.
Словно лодочка над водой
Мост качается.
А рассвет-то, смотри какой –
Не кончается.

ЛЕТНЯЯ ЗАРИСОВКА

Брызжет вишня красным соком –
Подоспела, значит.
Чёрный ворон нагло, боком
Вдоль забора скачет,

Словно гость в разгаре бала.
Псы лежат у ели,
Смотрят сонно на нахала –
От жары сомлели.

Жёлтый диск висит в зените,
Служит людям верой.
И блестят на солнце нити
Паутины серой.
И бороться с жаром волглым
Просто нету сладу.
И спешит народ на Волгу
В водную прохладу.

УДАЛЁНКА

Я на «удалёнке». Под рукой
Крепкий чай и маковая булка.
Месяц заблудился над рекой,
Тишина плывёт из переулка.

Стелется над Волгою рассвет,
Спозаранку солнце воду греет.
Я встаю до солнышка, чуть свет,
Надивиться, как малина зреет.

Ягоды горят, как от огня,
От реки мотор донёсся гулко.
Я иду на Волгу, а меня
Ждут компьютер, чай и с маком булка.

ДЕРЕВУШКА

К деревушке, бог весть где, заброшенной,
Незаметно подступает осень,
Но иду я по траве нескошенной,
И никто её уже не скосит.

А вокруг разруха и уныние,
Накрест заколоченные ставни.
Не мычат коровы с полным выменем.
Не ведут коней в ночное, в плавни.

Здесь когда-то юные родители
Целовались под седую просинь.
К старой, заколоченной обители
Незаметно подступила осень.

ЛИЦЕИСТ

Сломано перо, исписан лист,
От свечи причудливые тени,
За столом кудрявый лицеист,
В поздний час сидит, поджав колени.

Ясный взгляд, движения легки,
Пишет так, как будто ни при чём он.
И плывут по комнате стихи
О русалке и коте учёном.

Поздней ночью молодой поэт
Над столом склонил худые плечи –
И стихи рождаются на свет,
Эти строки скоро будут вечны.

Это будет после, а пока
Светит месяц из небесной сини
На кудрявый профиль паренька,
Будущего гения России.

БАТАЛЬОНЫ ПРОСЯТ ОГНЯ

Топчут пыль сапоги, дальняя дорога,
От приклада болит правое плечо,
Их, солдат, на войне погибает много,
Им, убитым, давно потерян счет.

Вьётся пыль от кирзы, батальон на марше,
И давно бы пора сделать перекур.
Но молчит старшина – он над ними старший,
И губу прикусил взводный балагур.

Тридцать с плюсом в тени, мокрая пехота,
Был получен приказ, краток и жесток.
И не знает ещё ни комбат, ни ротный
Что войной до холма им отпущен срок.

И идут старички, топают салаги
По июньской пыли в тополиный пух,
Горемыки мои, черти, бедолаги,
Вот и ваш огонёк навсегда потух.

Воробьева Инесса Дмитриевна Самара

Родилась в городе Куйбышеве 15 мая 1965 года. Школа, музыкальная школа, секция баскетбола, танцевальный кружок, народный театр в Клубе железнодорожников 1905 года.

Десять лет с 1982 года работала в Куйбышевском драматическом театре им. Горького декоратором, гримёром-постижёром: репетиции, гастролы, вечерние спектакли, утренние сказки. Дальнейшая её судьба была наполнена разными видами деятельности: компьютерные программы, журналистика, шоу-студия, предпринимательство, туристический бизнес. В настоящее время работает методистом ГБУДОД ЦРТДЮ «Центр социализации молодёжи» министерства образования и науки Самарской области. Ведёт активную общественную работу среди молодёжи и ветеранов.

Поэзией И. Воробьева увлечена с детства. Первые её публикации были ещё в юности в заводской газете. С 2013 года участвует во многих литобъединениях Самары. Имеет авторский сборник «Без сожаления». Редактор и автор многих коллективных сборников, изданных ЛТО «Лира». С 2019 года руководитель литобъединения «Лира».

САМАРСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Тебе ночами помнятся
Ряды казачьей вольницы
И вольные поля,
Земля моя богатая,
Покосами обжатая,
Самарская земля!

Войною в годы чёрные
Столицей наречённая
Указом из Кремля.
Ты стойкая, как женщина,
И доблестью отмечена,
Самарская земля!

Достойными заслугами –
Трудами и науками
Народы окрыля,
Ты к звёздам устремлённая,
В детей своих влюблённая,
Самарская земля!

Заветам древним верная
Самарская губерния –
Раздольные края.
Любовь моя безмерная,
Самарская губерния,
Ты – родина моя!

ЗВЕРОЛОВ. ДИКОЕ ПОЛЕ*

Первородная степь, что от леса лежит,
Изумрудные косы свои распустила.
Слышен топот коней, ажно шибко бежит
С табуном испокон восходящая сила.
Выстилает ей путь серебристый емшан,
Мой летит жеребец краем дикого поля,
Рассекая траву, и ликует душа,
И волна ковылей шепчет: «Вольному воля!»

Из-под ног скакуна из пажитных стеблей
Стайки испуганных птиц устремляются в небо,
Где летящий сапсан над простором полей
Выбирает себе беззаботную потребу.
А в лазурной дали воспаряет орлан,
Прославляя с небес непокорную долю,
С каждым сильным красивейшим взмахом крыла
Над округой разносится: «Вольному воля!»

Ближе к лесу видна вереница телег
С незавидной поклажей для будущей жизни.
В Диком поле приют ходокам и ночлег,
Где от Волги до Яика встанут их избы,
Где для русской души нет преград и оков,
Не висит над челом вопрошенье «Доколе?»,
Нет ни бар, ни господ – есть мечта починков**
О свободной земле – той, где вольному воля!

*Дикое поле – в XVI-XVII веках незаселённая безграничная территория севернее Чёрного моря между Волгой и Уралом, пригодная для земледелия, скотоводства и промыслов.

**Починки – переселенцы Дикого поля.

ЛУННАЯ ДОРОЖКА

По воде иду, аки посуху,
По тропиночке да к луне,
И ведомый я правым посохом,
Аж мурашками по спине.

Как у той реки гладь широкая,
Светляками звёзд выстлан путь,
Не печально мне – одиноко мне,
Да колышется рябь чуть-чуть.

Сколь отмерено мне прожить ещё,
Сколько реченок перейти,
Их водицею окрещённый я
Светлым пращуром во плоти.

Волга. С. Марквиль. № 21.

Окропи, река, мои крылышки
И расправить их мне позволь.
Воскреси, река, мою силушку,
Утопи, река, мою боль...

Я воздам тебе всё что дорого,
Мой не дрогнет меч, я клянусь,
Я повергну в прах хитрых ворогов,
И восславится наша Русь.

КАЗАКИ

Здесь у Волги у реки,
Во широком поле
Поселились казаки –
Люди доброй воли.
Чтоб ногаи-чужаки
Не несли разоры,
Стали стражить казаки
Волжские просторы.

Стали избы городить,
Конопатить струги,
И кордоны возводить
По степной округе.
Тут и свадьбы задались
В вольнице казачьей,
И над Волгой полились
Голоса ребячьи.

Казаки, казачки –
Мастера, рыбачки.
И крестьяне, и стрелки –
Удалые казаки.

ПЕРВЫЙ ПАРОХОД ЖУРАВЛЁВА

*«Чтоб все благие начинанья
застольных тостов оправдались»*

*(13 мая 1885 года,
Александр Дмитриевич Свербеев,
самарский губернатор с 1878 по 1891г.)*

На палубе ажиотаж,
Подтягивают такелаж
И капитан, и экипаж
Новехонького парохода
У стен самарского завода.

Павел Михалыч Журавлёв
К строительству речных судов
Призвал зажиточных купцов,
И их затея непростая
Сбылась 13-го мая.

Под шум толпы и гул речей,
Под цвет весенних Струкачей,
Под крики тех, кто побойчей,
В свой первый путь с самарской верфи
Сошёл корабль с названьем «Первый».

И следом двадцать пять годов
Поболе сорока судов
Спускал на Волгу Журавлёв.
Почёт снискали и признание
Его благие начинанья.

ДОМ СО СЛОНАМИ **(Дача купца Константина Павловича** **Головкина)**

У стенки галоши,
Вода с макинтошей
Стекает на новый дубовый паркет.
За дверью двуколки,
А здесь по-над Волгой
На даче Головкина званный обед.

Течёт медовуха
На сытое брюхо,
Лоснятся в парчовых жилетках бока,
То сладостно льётся,
Что песней зовётся
Про степь и мороз, про того ямщика.

И видно отсюда
Восточное чудо –
Стоят изваяния белых слонов.
И тешатся гости:
«Знать, верно, у Кости
Восстали виденья несбыточных снов...»

...Уж многие лета
Хозяина нету,
Лишь пара застывших слонов на века,
Где сладостно льётся,
Что песней зовётся
Про степь и мороз, про того ямщика...

ДОМ ГУБЕРНАТОРА (Дворец Субботиных-Шихобалова)

Ах, маменька, был что за вечер прекрасный:
Дворец на Казанской в нарядном убранстве,
И бальная зала, залитая светом,
Балкон, а под ним подъезжают кареты,
И тянется шлейфов поток шелестящих
По мраморной лестнице вверх восходящих.

А сверху спускаются в ритмах мажорных
Старания скрипок и бархат валторны.
Под магию вальса и чардаша звуки
Сплетаются в пары и взгляды, и руки.
Смеются и кружат по гляncy паркета
Самарские барышни высшего света...

Ах, маменька, что же молчите вы, право?
Купцу молодому прихлась я по нраву -
Мы с ним танцевали кадрили на рассвете.
Ведь это не сон был? Молю вас, ответьте!
Зачем же ваш взор помутился слезами?
Вы тоже когда-то блистали в том зале?

**ЗОНТИК КРУЖЕВНОЙ
(Дом Александры Курлиной –
Музей модерна)**

По Панской по улице
Летним днём красуется
Нежной белизной
По дороге к пристани
Девичий изысканный
Зонтик кружевной.

Пароходы белые,
Что в Самаре сделаны,
С роскошью кают,
К берегу приставшие,
И господ, и барышень
В Астрахань зовут.

Смутные туманные
Вихри самозванные –
Недруги-враги –
Налетели страшные,
Вырвали у Сашеньки
Зонтик из руки.

Он над старой пристанью
Закружил неистово,
Не умчался прочь –
Жаль хозяйку бывшую,
Красотой прослывшую,
Но нельзя помочь...

В дом её заехали
Комуч с белочехами.
Казни у стены...
Вслед чины советские
Там посольство Шведское
Скрыли в дни войны...

...И летами долгими
Все кружил над Волгою,
Всё ещё мечтал
Раритет купеческий,
В добрый край отеческий
Он хозяйку ждал.

А в Самаре девочки
Все в очках да в кепочках –
И не страшен зной.
Далеко до осени,
Но не нужен вовсе им
Зонтик кружевной.

Нынче люд не давешний,
Скорости прибавивший,
Ходит, нет числа.
Лишь старушка древняя
В парке под деревьями
Зонтик тот нашла:

«Ишь, какой забрызганный,
Временем замызганный...
Нешто кружевной?..
Дай снесу в музей его
Прям по Алексеевской –
В домик Курлиной».

УХОДИТ СТАРАЯ САМАРА

Уходит старая Самара
И никого в том не корит.
Уходит старая Самара,
Теряя яркий колорит

Провинциального уклада
Зерноторговцев и дельцов,
С прохладой Струковского сада,
С неспешной поступью купцов,

И с привиденьями в подвалах,
Пугавшими порой девиц
Средь губернаторского бала
Для первых приближённых лиц,

С царём, из бронзы возведённым,
На постаменте над рекой,
И с православным перезвоном,
Дарящим радость и покой.

Уходит старая Самара
От разрушения и бед –
Уходит старая Самара,
Как славный Китеж в Божий свет.

Закрой глаза и глянь сквозь арки,
Давно поросшие быльем:
Там громогласные товарки
Своё развесили белье,

А в окнах, глянь, герань в горшочках,
Под крышей женский барельеф,
А на Дворянской пиво в бочках,
Почтамт и фотоателье,

И почтальон в казенной форме –
Во взгляде важности «клеймо» –
В дом на углу он каждый вторник
Несёт любовное письмо.

Уходит старая Самара,
Шаги незримы и легки.
Уходит старая Самара
В картины, песни и стихи.

**ПЛОЩАДЬ КУЙБЫШЕВА.
ПАРАД 7 ноября 1941 года**

Вглядитесь, люди, молча в наши лица,
Где мы расчётами идём за рядом ряд!
Нам многим суждено не возвратиться,
Ушедшим с площади в последний свой парад.
По площади – матросы и пехота,
Радисты, танки – все в большой поход!
А в сером небе клином самолёты
Летят «За Родину! За Сталина! Вперёд!»

Запомните, потомки, наши лица.
Узнайте в них знакомые черты!
Наш Куйбышев – военная столица –
Нас провожает на далёкие фронты.

Вглядитесь в провожающие лица!
Вглядитесь в женщин, и детей, и стариков,
За Родину и им придётся биться
Без сна, без отдыха у заводских станков.

А мы в Победу верим неуклонно!
И мы вернёмся, пусть у внуков на руках
Пройдём по этой площади в колоннах
Самарского Бессмертного полка!

Самара

Ванькiй Костелъ

Общий вид г. Самара

Почта.

Самара.

Воронков Валерий Александрович Самара

Родился 16 октября 1954 года в Батуми, столице Абхазии. С 8 лет жил в Куйбышеве.

С первых классов мечтал быть геологом, моряком и писателем. После службы в армии стал геологом, потом рулевым-мотористом прошел Волгу, северные реки и моря: Белое, Баренцево, Балтийское. Одновременно писал в газеты статьи и рассказы. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России.

Работал на Сахалине, на Камчатке, на Курильских островах, побывал в Тихом океане, на мысе Находка, острове Русском. И всегда возвращался в редакцию с интересным материалом о жизни простых людей: шахтёров, рыбаков, моряков, портовых рабочих.

За серию сахалинских репортажей был направлен в Испанию, побывал в 17 городах, посетил Театр-музей Сальвадора Дали.

По делам Южно-Сахалинского издательства ездил в Китай и Германию. В 39 лет вернулся в Самару.

Автор трёх юмористических сборников, трёх книг фантастики и приключений, нескольких книг повестей и рассказов исторического, приключенческого и детективного жанров. Четыре книги вышли и в аудио формате.

БУРЛАКИ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ? **или Предисловие к роману «Дешан»**

О Дешане я узнал, когда мне было всего 13 лет. Это мой прадед, Воронков Василий Павлович. По рассказам моего отца, моей бабушки и дочерей Дешана, которым в то время перевалило за восемьдесят, родился он в 1836-м или в 1838 году. О том, как он умирал в 1944 году, написано в эпилоге романа. То есть он прожил то ли 106, то ли 108 лет.

Узнав об удивительной жизни своего далекого предка, я до тошно выспрашивал о его жизни, а потом стал интересоваться, а кто же они, эти загадочные бурлаки: отбросы общества или мужественные и отчаянные люди, не боявшиеся опасностей и лишений?

Скажу сразу: мнение о том, что это были безвольные, безропотные и подневольные люди – полная чушь!

Бурлачество существует с тех пор, как появились речные торговые пути. А это измеряется не веками, а тысячами лет.

Может быть, на Ниле или Дунае для транспортировки грузов против течения использовался труд рабов, которых сопровождала вооружённая охрана. Не спорю. От рабовладельцев всего можно ожидать. Но у русских никогда не было рабства. Никогда. Ни пять тысяч лет назад, ни в более позднее время (ради интереса почитайте хотя бы «Сказание о Земле Русской» Александра Нечволодова).

Правда, император Петр I по примеру европейцев насадил в России в 1711 году крепостное право, которое просуществовало 150 лет и которое отменил другой русский император Александр II.

Иностранные историки почему-то крепостное право отождествляют с рабством. Их понять можно: ненависть к России и ко всему русскому за рубежом не имеет границ, поэтому подмена понятий для них, как азартная игра. Они не понимают (а может, наоборот), что рабство – это полное бесправие,

отсутствие семьи, частной собственности и свободы. А крепостной имел надел, дом, семью, детей. У помещика отрабатывал барщину или платил оброк. А излишками своей трудовой деятельности распоряжался по своему усмотрению: менял, продавал, дарил и т.п.

Да, были среди помещиков самодуры и моральные уроды. Например, всем известная Салтычиха. Но, в конечном итоге, она была осуждена и наказана. В Европе подобных примеров не найти.

Так вот, исходя из исторических фактов и менталитета русского общества, на территории нашего государства бурлачество формировалось совсем иначе. Для этого надо рассмотреть другой фактор, имеющий давние исторические корни, а именно – пиратство на просторах Волги.

Речные пираты существовали на Волге во времена, когда она называлась Ра, а потом Итиль.

При этом, какая река раньше именовалась Ра – Волга или Нил, до сих пор не доказано.

Вполне возможно, что Волга называлась Ра раньше, а потом древние путешественники перенесли это название на Нил, так как «солнце» и там, и там называлось «Ра».

Волжские пираты – это не толпа пьяных отморожков, нападающих на проходящие корабли и баржи. Это организованное сообщество хорошо вооружённых и дисциплинированных людей разных сословий и вероисповеданий.

Первые проявления демократических отношений зародились не в древнегреческих полисах во время избрания сенаторов, а у разбойников, когда они выбирали себе атаманов. Они давали клятву выполнять любые приказы, не щадя живота своего. Но и имели возможность в любое время объявить импичмент в виде «чёрной метки». Поэтому вопросы дисциплины и взаимной ответственности были не пустым звуком. Вспомните, как сотоварищи Степана Разина подчинялись ему, но когда зароптали, что он променял их на бабу, то тот сразу же выбросил персидскую княжну за борт.

И пусть это песенный вариант печальной истории с перси-янской, но в каждой легенде есть доля правды о существовав-ших традициях и правилах.

Речных волжских пиратов народ и власть называли разбой-никами, ушкуйниками, вольницей, ватажниками и братками. Они во все века наводили страх и ужас на тех, кого грабили.

Однако русских они не убивали. А бусурман – да.

Надо учесть, что правый берег Волги принадлежал славя-нам, а также марийцам, чувашам, мордве и другим народам, с которыми русские жили в ладу в течение многих веков. А левый берег – татарам, булгарам и прочим тюркам. Вот их-то и называли бусурманами и, грабя, ничуть не жалели. Особенно доставалось караванам Золотой Орды. Волжские пираты потопили монголов значительно больше, чем тех полегло на полях сражений Куликовской битвы.

Доставалось и русским купцам. Карательные экспедиции против речных разбойников организовывали Дмитрий Дон-ской, Иван Грозный и даже Петр I. Но Петр I первым понял, что истребить пиратство невозможно. Даже если он направит

на это дело десятки тысяч хорошо обученных воинов. Ведь любой пират может быстро переодеться и прикинуться простым рыбаком или скрыться в бескрайних волжских лесах, оврагах и горной местности.

И тогда Петр I решил повысить статус бурлаков, предписав им хранить перевозимое хозяйское добро.

Дело в том, что некоторые бурлаки были информаторами разбойников, сообщая о перевозимых грузах. А петровский указ рушил эту связь. Тем более, что наказание за подобную информацию было очень жестоким: виновных подвешивали за рёбра на железные крючки и спускали на плотках вниз по Волге.

Дело Петра I продолжила императрица Елизавета, а потом Павел I и Александр I. Лишь с появлением парового флота пиратство на Волге пошло на убыль. Чтобы доставить грузы вверх по течению в целости и сохранности, многие купцы переманивали к себе речных разбойников, которые становились вожаками бурлацких артелей.

Бурлацкий труд оплачивался хорошо. Поэтому попасть в ватагу было весьма сложно. Главные критерии при отборе – большая физическая сила, выносливость и смелость, так как иногда приходилось вступать в противоборство с речными пиратами.

В бурлацких артелях трудились сбежавшие каторжники, крепостные крестьяне и солдаты, спившиеся актеры, проигравшиеся в карты дворяне и просто искатели приключений. Например, Дешан сбежал из села Астрадамовка Симбирской губернии в 14 лет. А уже через несколько лет построил на родимой стороне добротный дом.

К концу XIX столетия пароходы полностью вытеснили с Волги бурлаков. Бурлачество сохранилось лишь на притоках: Каме, Оке, Суре и других. А также на северных реках, где паровое судоходство только зарождалось. Даже при советской власти при крупных сибирских колхозах существовали бурлацкие артели, вплоть до 50-х годов XX века.

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА «ДЕШАН»

В январе 1906 года губернатором Самарской губернии был назначен Иван Львович Блок, красивый интеллигентный дворянин с окладистой седой бородой. До этого он был Гродненским губернатором. На новом месте он сразу же принялся наводить должный порядок.

В Самарской губернии творился хаос. Крестьяне жгли усадьбы, захватывали помещичьи земли, создавали коммуны и даже сельские республики со своим правительством и министрами (например, Старобуяновская республика). Помещики, которые были не за границей, семьями сбегались в Самару под защиту местного гарнизона и казаков.

Когда же на места выезжали карательные экспедиции, то зачинщиков уже не было. Крестьяне как ни в чем не бывало пожимали плечами и объясняли, мол, приезжал тут к ним студент, показывал газеты и говорил, что за погромы им ничего не будет.

Иван Львович чуть ли не через день бывал в уездах, рискуя жизнью, встречался со смутьянами и убеждал их прекратить погромы. Однажды его окружила большая толпа крестьян, которые выглядели весьма озлобленно.

– Ты вот скажи нам, мил человек, почему царские указы до народа не доходят?

– Какие указы? – удивился Блок.

– Как какие? Тут к нам недели две назад из Самары умные люди приезжали и все нам растолковали да показали царские указы, что помещичья земля подлежит раздаче крестьянам вместе с усадьбами и урожаем. Мы сами те указы видели и печати императорские на них.

– Нет таких указов, и не было, – спокойно сказал Иван Львович. – Вас просто ввели в заблуждение.

– А как же печати?! Мы их сами видели!

– В одной только Самаре сегодня более двадцати типографий. Вполне возможно, что какую-то из них для изготовления

фальшивок используют эти провокаторы, которые к вам сюда приезжали. И я, как новый губернатор, вас заверяю – таких указов не было. Вас специально втравливают в конфликт с законом, чтобы вы совершили преступление, а вас за это привлекли к суду. Это вызовет среди вас волну протеста. Поэтому я вас всех очень прошу, если к вам опять приедут «умные люди» с новыми указами, то препроводите их ко мне. Ведь, как я понимаю, их сейчас здесь нет?

– Нет, – согласились мужики и заскребли в затылках...

Однажды на ужине у губернатора отец Сергей сказал:

– Послушайте все – интересный случай вспомнил. Так вот, прошлой осенью купец Парашин познакомил меня с одним бурлаком. Легендарная, скажу вам, личность – на картине Репина «Бурлаки на Волге» нарисован...

– Это который он там? – спросил вице-губернатор Иван Францевич Кошко.

– Второй стоит. Лохматый такой. Самый здоровый из всех. Так вот, этот бурлак (не помню, как его зовут) прошлым летом как бы умер (летаргия или ещё что), и его схоронили. Очнулся он в гробу и там увидел ангела, который показал ему дорогу наверх и придал силу невероятную. И бурлак сам, без посторонней помощи, выбрался наружу. И после этого он занялся богоискательством. Со всех сторон к нему съехались сектанты и начали переманивать на свою сторону. Хорошо, что мужик с головой оказался, разобрался сам, что к чему.

Подошли к причалам. Около одного дебаркадера была пришвартована крупная баржа. С неё грузчики носили на «козах», закреплённых за спиной, здоровенные кули с солью по девять пудов каждый. Кули складывали под навес, где их считал и что-то записывал в тетрадку молодой приказчик.

Сверху по улице Рабочей к навесу стал спускаться обоз телег.

– Грузите на телеги! – крикнул приказчик грузчикам.

К навесу подошло с десяток мужиков, среди которых резко выделялся загорелый кудрявый бородач с могучим торсом.

– Дешан! – крикнули ему с баржи. – Покажи всем форсу!

– Это можно, – ответил Василий Павлович, подцепил зубами куль и с маху швырнул его на ближайшую телегу. Перекидав таким образом кулей двадцать, он смахнул пот со лба и присел передохнуть. Его заменили другие грузчики, которые по двое хватали огромные мешки и укладывали в обоз.

По сходням с дебаркадера спустился купец Филимонов. Он снял с головы картуз и вытер пот, бежавший со лба, будто это он только что носил кули с солью.

– Братцы! – наконец сказал он. – Выручайте! У меня на барже лежит бронзовый бюст Фонвизину. А в нём двадцать семь пудов. А вы ж сами видите, по сходням может спуститься лишь один человек. Придумайте что-нибудь, чтобы этого Фонвизина на берег спустить.

– А кто хоть такой, что его в бронзе отлили? Генерал или учёный какой?

– Писатель.

– Ну, раз писатель – надо что-то придумать.

– А что тут придумаешь – мостки надо расширять.

– Да как я их расширю?! – засуетился купец. – Это ж сваи надо в дно вколачивать. А у меня времени нет. Мое время у причала уже закончилось. Выручайте, братцы. Может, кто один сподобится снести.

– Ага! Сам неси – пуп-то у нас не казённый. Враз развяжется.

– Даю две четверти водки и десять рублей! – в отчаянии махнул рукой Филимонов.

– Точно дашь? – подошёл к нему Дешан.

– Вот те крест! – быстро перекрестился купец.

Василий Павлович поскреб пальцем в затылке.

– Верёвки, однако, надо, – наконец сказал он.

– А для чего? – поинтересовались его товарищи.

– Этого Фонвизина ко мне привяжите, чтобы он в воду не упал.

– А коли сам свалишься? Не вынырнешь с такой тяжестью.

– Делайте, что я вам сказал! – и сам с шестью самыми крепкими мужиками пошел на баржу.

Все вместе они принесли бьют к мосткам. Дешан надел за спину «козу».

– Поднимайте! – сказал он.

Шестеро грузчиков поставили груз на заплечник и принялись его привязывать к Василию Павловичу. Потом отошли в сторону.

У Дешана подогнулись ноги, и он почувствовал невероятную тяжесть. Лямки «козы» впились в плечи, жилы вздулись на шее и на руках. От невыносимой нагрузки закрылись веки и перед глазами поплыли круги, точно так же было, когда он вылезал из могилы. Сердце билось, казалось, в том месте, где был кадык.

Василий Павлович попробовал оторвать ногу от палубы дебаркадера. Не тут-то было. Тогда осторожно, чтобы не пошатнуться, продвинул правую ногу на сходни.

Сходни сбиты из двух толстых досок, которые по очереди прогибались по мере продвижения бурлака. Любое неверное движение, и всё. Из верёвок не выпутаться...

На берегу собралась толпа зевак.

– Вот дурак! – язвительно сказал Жмыга. – За каких-то десять рублей жизнью рискует. Ну, получит он эти деньги и две четверти водки, и сегодня же всей артелью всё пропьют. И это ты называешь нормальной жизнью?

– Ты не прав, Алексей, – ответил Гурьян. – Мужик несёт эту статую не за деньги.

– А за что ещё?

– Ты видел, как он кули зубами кидал?

– Ну.

– Кураж это у него. Сам себя на прочность испытывает. Я по молодости любил на отвесные скалы лазить, каждый раз рискуя сорваться вниз. Думаешь, для чего это?

– Дурь это.

– Не дурь, Лёша, а проверка самого себя. Этот мужик, видать, всю свою жизнь себя испытывает.

– Тогда он дурак вдвойне!

Гурьян в раздражении махнул рукой и продолжал наблюдать за Дешаном, который уже спустился на берег. К нему подбежали товарищи и принялись распутывать верёвки.

Когда сняли груз, Василий Павлович вздохнул полной грудью и радостно сказал:

– Я теперь этого Фонвизина на всю оставшуюся жизнь запомню. О чём он хоть писал?

– А бес его знает, – ответил Филимонов, доставая из толстого бумажника десять рублей. Из кармана его жилетки висела толстая золотая цепь от часов. На двух пальцах были массивные перстни. Тоже из золота.

Воронцов Александр Свиридович Тольятти

Родился 14 июня 1939 года в селе Радченское Богучарского района Воронежской области. Отец погиб на фронте в 1941-м. Пережил оккупацию в 1942 году.

Жил и учился в разных областях и республиках СССР. С 1970-го живёт в Тольятти.

Ветеран труда, ветеран ВАЗа. 29 лет работал на заводе, 25 из них – инженером-конструктором. Имеет награды за трудовую деятельность.

Член Союза писателей России. Автор книг «Ты понимаешь, я – не идол», «Дымок», «Неизъяснимая нежность моя», «Трубач», «Что помнится крепче», «Метеорит», «Дорожные мотивы», «Стихи последних лет», многожанрового двухтомника «Вначале была жизнь» и сборника песен «Сердце не знало оков». Представлен в антологии «Писатели Самарского края» в числе 100 авторов от середины XIX века до современности. Печатался во многих коллективных сборниках, во всесоюзных и областных альманахах «День поэзии», «Истоки», «Русское эхо», «Стрежень», «Сызранская излучина». Имеет медали за активное участие в общественной жизни. Награждён «Гоголевской медалью» ЮНЕСКО.

МЕТЕОРИТ

Сквозь пустоту тысячелетий
Летит, летит
Навстречу точечке-планете
Метеорит.
Летит, а на Земле не знает
Никто о нём:
Ни поэтесса молодая,
Ни астроном.
Летит безмолвный, неуклюжий
Под блеск лучей,
Холодный, никому не нужный,
Ведь он – ничей.
Летит, пронзая мир трёхмерный,
Почти пустой,
Но вот столкнулся с атмосферой –
И стал звездой!
Он режет небо яркой трассой –
Не подступись!
Да, он умрёт, но всё ж украсит
И ночь, и жизнь.
Теперь с восторгом наблюдают
За тем огнём
И поэтесса молодая,
И астроном...
Сгорел. Угас. Огонь растрочен –
Не в этом суть,
А в том, что он звездой горячей
Закончил путь!

ВЕТЕР

Ветер, дубы и орешник сгибая,
По жигулёвскому мечется краю,
Воет отчаянно, словно от боли,
Словно попал ненароком в неволю.

Как во хмелю, иступленно и яро
Бьётся в окошко прибрежной хибары:
В море беды натворил – и в испуге
Хочет запрятаться в жалкой лачуге.

Сжалился я и впустил бы злодея,
Да на жильё это прав не имею:
Видишь ли, ветер, собрат мой печальный,
В этом приюте я тоже случайный,

Тоже на время, в надежде, что вскоре
Буря утихнет в душе и на море,
Ты понимаешь, я сам не безгрешен,
И потому мне тебя не утешить

* * *

Не жажду я славы Мессии,
Но в жизни извечном бою
Ответствен за судьбы России
И, прежде всего, – за твою.

Пускай это сказано хлёстко,
Но я не наигранно лих:
Ответствен за каждую блёстку
В дрожащих ресницах твоих.

За лёгкие нотки грустинки,
Что вдруг появились в речах,
За синие-синие льдинки
В небесных когда-то очах.

За хрупкость невзрослую милых
Уже утомившихся плеч,
За всё, от чего был не в силах,
Не смог, не сумел уберечь.

За голод, за взрывы снарядов,
За грохот обрушенных стен,
За то, что страна стала адом
В годину лихих перемен.

Не жажду я славы Мессии,
Но я до скончания дней
Ответствен за судьбы России,
Что так неразрывны с твоей.

ЭЛЕКТРОСВАРКА

Не в костре – на электродах
Загорелся рыжий сноп.
Подойти бы да потрогать
Этот огненный озноб,
Потрепать бы эту гриву,
Взять в ладошку звёздный дождь.
Жаль, машина не игрива –
Просто так не подойдёшь.

Я стою оторопело
(Не сочли бы только пнём!)

Удивляюсь, как умело
Управляешь ты огнём.
Эх, дистанция меж нами!
Но метнулось на меня
Озорной улыбки пламя
Той владычицы огня –
Мне и одаль стало жарко,
Только ей и невдомёк,
Что намного жарче сварки
Глаз весёлых огонёк.

ЗЕРКАЛЬЦЕ

В цехе – автоматика,
Темп работы бешеный,
А к станине – нате-ка! –
Зеркальце привешено.
Перед ним удачненько
Разместилась женщина,
Рыжим одуванчиком
Весело увенчана.
И в секунды краткие
(Расписанье жёсткое)
Женщина украдкою
Вдруг взмахнет расчёскою!
Поправляет локоны
Жестом идилическим,
В ограждение около –
Робот металлический.
Он поводит хоботом
Как-то так застенчиво:
Даже рядом с роботом
Женщина есть женщина!

РОДИНА

В чувствах к небу и земле России
Расплеснётся кто-то, ну и что ж?
Родина – не просто много сини,
И не только в жарком поле рожь.

К ней любовь – не просто умиление
Перед лугом, холмиком, избой,
А сердец, ей преданных, горенье
И готовность вечная на бой.

Родина сложилась из народа,
Каждый человек в котором – наш,
Потому в любое время года
Я люблю её, а не пейзаж.

Мало мне бескрайности таёжной,
Узок даже горизонт степной –
Родину люблю в друзьях надёжных
И в тебе, желанной и родной.

ГОРОДУ ТОЛЬЯТТИ

Мы с ним выросли, как братья,
Поэтому дорог и мил
Мне город, что имя Тольятти,
Как знамя в бою, подхватил.

Друг друга мы строили прочно,
В фундаментах наших бетон.
В историю город, как строчку,
Вписал я нелёгким трудом.

Трудясь, постигая науки,
Мой город меня перерос.
Он мастер теперь на все руки –
Он химик, строитель, матрос.

И нет его славе преграды:
В просторы бескрайней земли
Проворные «Нивы» и «Лады»
Навеки её разнесли.

Растёт он, высок и чудесен,
В венце жигулёвских полян,
Ему величальные песни
Возносит плотина-баян.

Быть может, есть город красивей,
Но города нету милей,
Чем этот у сердца России,
У вольных её Жигулей

Глазкова Эвелина Николаевна Самара

Годы жизни: 1940 – 2022 гг. Родилась в Куйбышеве инженер по профессии. Творчеством занялась после выхода на пенсию. Член Российского союза профессиональных литераторов, поэт и прозаик. Лауреат именной премии Губернатора, номинант Международной премии «Филантроп» в двух номинациях: «Композитор» и «Литератор», награждена почётным знаком «За заслуги перед Самарой». Выпустила 14 книг, 6 из которых – детские.

С 2002 года была членом ЛТО «Лира», принимала активное участие во всех творческих проектах и коллективных сборниках. Выпустила три авторских сборника стихов и посвящений, соавтор десяти поэтических сборников. Написано более шестидесяти песен и романсов.

ПАМЯТЬ

Почему я об этом пишу? Что не дает мне забыть этот школьный эпизод из моего уже давно ушедшего детства?

Я хочу показать, как легко можно исковеркать детское сознание, превратив ребёнка из доброго, честного, неискушённого человека в слепое орудие чьих-то тёмных планов.

1953-й год. Самарская школа.

– Кто? Они? – палец директора нашей школы направлен на пацанов, стоящих, потупив глаза, напротив нас.

Мы – это моя лучшая подруга Фая, с которой мы сидим за одной партой, и я. У Фаи красный распухший нос, у меня недурной синяк на лбу. У наших визави тоже следы битвы на лицах, в основном, розовые царапины.

Нам всем по 13 лет, мы не только одноклассники, но и друзья. Дикая для нас ситуация.

– Били вас они? – вопрос ко мне, потом к Фае.

– Нет. Не они. – Для убедительности машу отрицательно головой и незаметно прижимаюсь к плечу Файки – для поддержки.

– Нет, – хлюпя разбитым носом, выдавливая Файку.

Мы победили! Не выдали наших мальчишек. Не сдали. Но подлость-то была совершена. И эта разборка у директора – следствие того отвратительного предательства.

Случилось это, когда мы все учились в 6-м классе и жили в одном при заводском посёлке. Конечно, мы и тогда уже были разными, но главное было общим – наша дружба.

В начале года к нам в класс пришёл новый ученик Валерий Ослов. Сынок военного, поговаривали, полковника. Он сразу стал выделяться среди нас своей заносчивостью и апломбом, девчонок задирает, громко сквернословил и старался держаться вожак. Мы отнеслись к нему с прохладцей, не признавая в нем лидера, интуитивно чувствуя в нём что-то «чужеродное».

В то время нашей страной правил Иосиф Виссарионович Сталин. Страна захлёбывалась от любви к Вождю, а мы, дети, боготворили его совершенно искренне. Перед его кончиной закрутилась очередная людская трагедия, так называемое «Дело врачей». Обвинили и репрессировали ряд лечивших его (а по стране – и не лечивших) врачей-евреев.

Мы, шестиклассники, национальность Файки знали, потому что она немного картавила и носила трудновыговариваемую красивую еврейскую фамилию, но принимали это спокойно, просто не замечали. Знали и то, что отец у неё погиб на войне. Всё было спокойно вплоть до появления такого вот «бравого» сынка с живым полковником-отцом.

Вот он-то и начал свою подстрекательскую деятельность, избрав незащищённую Файку своей жертвой (я думаю – в основном, из-за своих комплексов): ходил, подталкивая, задевая плечом, говорил какие-то гнусности, припевал похабные частушки, обзывался обидными для всех евреев словами. Стал нашёптывать ребятам что-то нехорошее, от чего они, не зная как реагировать, смущённо хмыкали.

Сначала мы не обращали на задиру внимания, отпихивая его и толкаясь в ответ, потом некоторые постепенно начали менять свое отношение к Фае: стали повторять шутки, уже с оттенком превосходства, с оттенком унижения; как сейчас говорят, повелись даже девчонки, никогда прежде злобностью не отличавшиеся.

Фая, чувствуя всё это, иногда стала ближе прижиматься ко мне, ища хоть какую-то защиту. Мы с ней сидели за одной партой и крепко дружили.

Однажды зимой к концу уроков ко мне подходят, как-то бочком, наши девочки и начинают таинственно шептать:

– Линка, пойдём сегодня пораньше с нами домой, не жди Файку.

– Почему? – вытаращив глаза от неожиданного предложения, спрашиваю я.

– Файке сегодня мальчишки будут «тёмную» устраивать в раздевалке.

– Не пойду!

Развернувшись, я бросилась в раздевалку и догнала Фаю. Сорвав свои пальтишки, мы уже вместе бросились к выходу из школы. План нападения был сорван! Но в коридоре наши мальчишки меня от Файки оттёрли, и я увидела её только на улице. Она стояла, вывалянная в снегу, портфель валялся тут же, затоптанный и перекошенный. Шапка съехала набок. Из носа шла кровь. Она стояла и редела.

– Больно?

– Да, – Фаечка заревела ещё безутешнее.

– Ты видела, кто это был?

– Да, – она назвала троих наших друзей. наших! Друзей!

Вышли мы с ней на дорогу и побрели к дому. Вдруг вдалеке выглянули знакомые фигурки и, увидев нас, мигом исчезли. А потом навстречу нам, уже вернувшись, подошли наши девочки и наперебой стали участливо спрашивать, что случилось. Заохали, негодуя, и поинтересовались, не знаем ли мы, кто бы это мог быть.

Конечно, мы были наивными, неискушёнными человечками, и моя Фаечка, обрадованная сочувствием, всхлипывая, простодушно назвала фамилии погромщиков.

Девочки сразу заторопились и ушли. Зайдя за поворот, мы увидели трёх наших одноклассников, которые явно никуда не спешили. Вовка, старший из них, приступил сразу к допросу.

– Ты видела? Ты зачем сказала, что я тебя бил? – из чего следовало, что «разведчицы» добросовестно пересказали наш разговор. – Линка, отойди, не мешай, а то и тебе влетит...

Далее началась общая потасовка. Тут досталось не только Файке и мне, но и противники наши в ближнем бою понесли потери...

Потом ребята разбежались. Ревя в два голоса, волоча за собой портфели и размазывая кровь по лицам, мы ввалились к нам в квартиру. Видок у обеих был ещё тот. Моя бедная больная мамочка, увидев нас, чуть не лишилась чувств. С работы сразу же прибежал перепуганный папа и хотел вызывать милицию. Мы заревели ещё пуще, прося не делать этого. Дело в том, что отцу часто грозили и зарезать его, и убить: время было очень тяжёлое, вот он и подумал, что расправились с нами какие-то бандиты. Войдя в курс дела, отец ограничился звонком директору школы...

Окончили мы десять классов, отгуляли выпускной бал и ни разу больше не собирались. Не очень тянуло. Заноза осталась – предательство не прощают.

А с моей Фаечкой мы дружили всю жизнь.

Дорогие люди! Берегите детей! Любите и оберегайте от всякого рода подлецов и любителей делать грязные дела чужими руками. Будьте бдительны!

Голубкова Ольга Ивановна Самара

Родилась 7 сентября 1978 года в маленькой деревушке в Самарской области. Поэт, член РСПЛ, автор текста официального гимна Кошкинского (родного) района.

В 2020 году выпустила личный сборник стихов «Три года в поисках пути», посвящённый близким людям и землякам. Произведения Ольги публиковались в коллективных сборниках: «[С] Мыслители», «Сокровенные души... спецвыпуск «Самородки», «Поколение XXI века», «Стихия», «Новое слово», «Зимние узоры», «Священная война» и других. Лауреат литературных конкурсов, победитель 2022 года в творческом конкурсе «Поэтическая радуга».

ШИРЯЕВЦУ

Абрамову А.В.

Велика моя Русь! Глянь – раскинулась ивой плакучей
над полями бескрайними, светлыми водами рек.
Я восторгом делюсь, обходя Жигулёвские кручи,
ведь на Волжских просторах счастливый живёт человек.

Я горжусь, созерцая богатство природы и края,
соловьём воспеваю пейзажи самарских красот.
И, Ширяевца нежные строки с любовью читая,
восхищаюсь, как новокрестьянский поэт нам поёт.

Как звенят в его лёгких стихах колокольчики лета,
и волна за волною бежит на горячий песок.
В простоте – гениальность, источник манящего света –
только близкий к народу высказывать чувства так мог!

Наш поэт – человек из народа, рождённый на воле.
У ширяевской вишни изба о нём память хранит.
Жил, любил беззаветно лихое степное раздолье...
На Ваганьковском кладбище тишь, да холодный гранит,
а живая душа вместе с ветром над Волгой парит...

* * *

Особый запах у родного края,
Там дышится свободно и легко,
Шагаешь, аромат лугов вдыхая
Любимого посёлка своего.

Луга раскинуты ковром цветущим,
Так хочется прилечь и отдохнуть.
Раскинуть по его просторам душу
И сердцем к матушке земле прильнуть.

Послушать тишину сквозь птичий щебет,
Сквозь мирное мычание коров,
А где-то на полях, богатых хлебом,
Комбайнов гул стоит и тракторов.

Особый запах у родного дома,
Там пахнет детством, что давно ушло.
Скользит по телу сладкая истома,
Когда ступаешь в отчее тепло.

Там со двора дымком сзывает баня,
На кухне горка дрожжевых блинов,
И аппетитно запахи дурманят
Бесхитростных домашних пирогов.

Особый запах у родного края,
Туда ведут пути любые вновь.
И пусть красива родина чужая,
Лишь со своей взаимная любовь.

Гражданкина Наталия Александровна Самара

Родилась 16 августа 1955 года в Куйбышеве, поэтесса, певица, композитор, лауреат многих городских, областных и международных литературных и вокальных конкурсов. Член Российского союза профессиональных литераторов, член Союза писателей Крыма.

Является обладателем Сертификата международной премии «Филантроп» за выдающиеся достижения в области культуры и искусства (2010 г.).

С 2008 года занимается концертной деятельностью, является постоянным участником православных выставок по всей России. Проводит концерты-беседы в домах престарелых, колониях, школах и детских домах, педагогических колледжах, больницах, библиотеках, а также, по благословию духовных лиц, на Соловках, в Дивеево и других святых местах.

Выпущено 12 авторских альбомов песен, 2 книги стихов. Н. Гражданкина – активная участница творческих проектов ЛТО «Лира».

ОСЕННЯЯ САМАРА

Пройдусь по улицам Самары,
Листва танцует легкий блюз...
По Ленинградской бродят пары,
И с плеч моих слетает груз.

Вливаюсь в музыку чуть слышно,
Звучит знакомой песни текст:
«Цветёт раскидистая вишня,
И нет прекрасней наших мест».

Самара – вотчина родная
Над Волгой-матушкой рекой,
Ты распростёрлась вширь без края
И бережёшь земной покой.

Софийский храм, раздвинув небо,
Пленит величием своим
Душе и телу на потребу,
Где мы пред Богом предстоим.

Моя осенняя Самара!
Парят над Волгой два крыла,
Огни домов – словно стожары,
В полон ты душу забрала!

ДАЛЁКИЙ КРАЙ

На рассвете я выйду тайком,
И весна мне откроет объятия.
Побреду по земле босиком,
Где все люди мне сёстры и братья.

Там, где небо – сама бирюза,
И ручьи чистотой своей манят.
Там, где люди глядят вам в глаза
И словами смертельно не ранят.

Отыщу этот край вдалеке,
Километров отмерю не пару,
Проплыву по реке налегке,
Вспомню город любимый Самару.

Отыскать дивный край нелегко,
Он сокрыт от зловещего мира.
Где-то спрятан в душе глубоко,
Там, где тайно рождается лира.

МОЯ САМАРА (песня)

Мою Самару снегом припорошило,
А я бреду по улице родной.
И в памяти моей бывшее ожило,
И пронеслись виденья чередой:
Вот давний сквер с деревьями белёными
И отчий дом, скамейка у крыльца.
И мы сидим вдвоём с тобой влюблённые,
И радостно стучат у нас сердца.

Припев: Самара, мой город родной!
Я с детства сроднилась с тобой.
Куда бы судьба ни звала,
Я сердце тебе отдала.
Здесь дом мой, родная семья
И лучшие рядом друзья.
Душа тут парит над волной.
Самара – мой город родной!

В аллею улыбались даже сосны нам.
Гуляли мы когда-то там вдвоём.
Летели дни и зимами, и веснами,
И сад подрос под маминым окном.
Теперь Самара вся в огнях неоновых,
Но сохранилась улочка моя,
Что помнит песни Юрия Антонова.
Как дороги мне милые края!

ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ

Черёмуха цвела в моём саду,
Всё полыхало нежно-белым цветом!
«Андрюша!» – повторяла, как в бреду,
И стала верить в разные приметы.

Вот птица постучала мне в окно:
«Быть может, он вернётся?! Пусть калека...»
О, как же это было всё давно,
И рядом нет родного человека.

Наверное, сегодня будет весть,
Я чувствую, объявишься любимый!
Не верю, что тебя настигла смерть,
Молитвой нашей ты всегда храним был.

Война нас разлучила, где твой след?
Искать в каком краю, сама не знаю...
Разлука – это долгих десять лет...
Он без вести пропал в далёком мае.

«Пропал без вести» – страшные слова.
Одно письмо, не шлют мне похоронку,
А по селу за мной идёт молва:
«Как жаль её – она почти девчонка!»

Вечерней улицей иду я вдоль села,
Встречают дети, четверо, с порога.
О, сколько принесла война нам зла!
Нас поддержала только вера в Бога.

Бегут года, и прядки седины
Не спрячешь от детей, что повзрослели.
Мой милый, если б не было войны,
То мы с тобой бы вместе постарели.

Уткнулась бы сейчас в твоё плечо
И рассказала про свои печали.
Я благодарна Господу за то,
Что счастливы мы были хоть вначале.

Добрусин Виталий Аркадьевич Самара

Родился 25 ноября 1957 года, с 12 лет живёт в Самаре (Куйбышеве), окончил филологический факультет Куйбышевского педагогического института, отслужил в армии. Журналист, писатель, автор статей, очерков, телевизионных сюжетов и передач, кинодраматург. Заслуженный работник культуры РФ.

В 1993 году создал телекомпанию «РИО», став её генеральным директором. С 2006 года на «РИО» Добрусин выпускал еженедельный документальный сериал «Самарские судьбы» и, параллельно, издавал одноимённый журнал.

С 2012 года занимается интернет-порталом «Самарские судьбы», организует международные творческие конкурсы, в том числе «Планета признаётся в любви Самарской губернии», «Самара детства моего» и другие. Автор 20 книг.

В 80-90-х годах XX века являлся активным сторонником возвращения городу исторического имени Самара.

БОРЬБА ЗА САМАРУ (фрагменты)

Современные молодые люди привыкли слышать фразу «В январе 1935 года Самара была переименована в город Куйбышев, а 25 января 1991 года городу было возвращено его историческое имя». И многие из них, даже знакомые с историей самарского края, не знают, что стоит за этими нейтральными словами.

Три с половиной столетия чудесное место у Жигулей горделиво именовалось Самарой. Когда 25 января 1935 года скоропостижно скончался советский партийный и государственный деятель Валериан Владимирович Куйбышев, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза решил немедленно увековечить его память. Вечером 26-го люди легли спать в Самаре, а 27-го утром проснулись уже в Куйбышеве. А в постановлении Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета СССР указано, что Самару в Куйбышев переименовали по просьбе партийных и советских органов. И эта формулировка не оставляла сомнений: Самару в Куйбышев переименовали не по просьбам трудящихся, а по решению власти.

В то время города и веши переименовывали часто, так образовалось несколько Кировых, Калининых, Куйбышевых.

Понятно, что все эти новые имена носили идеологический характер, чтобы старинные названия у людей ассоциировались только с «тяжёлыми пережитками прошлого». И пусть слово «Самара» ассоциируется с грязным, заштатным, купеческим городом. А новым, светлым, современным, советским может быть только Куйбышев. В тридцатые годы за упоминание на улице исконного имени города могли даже оштрафовать.

Но уже в 1962 году к руководству области обратилась группа старых большевиков с вопросом: почему название города

Самара, связанное с началом революционной деятельности В.И. Ленина, не может остаться за этим городом и впредь?

Кроме того, стал известным тот факт, что при обороне Самары от белочехов в июне 1918-го Валериан Куйбышев, будучи руководителем обороны города, уехал, оставив свой пост. Письмо старых большевиков осталось без ответа, и ещё долгие 25 лет поднимать тему переименования было небезопасно.

Одним из тех храбрецов, кто начал борьбу за возвращение городу исконного имени Самара, был Александр Завальный, представитель самой мирной профессии – библиотекарь, библиограф, – но одновременно принципиальнейший человек. Он был основателем Клуба любителей истории Отечества «КЛИО-87» и уделял большое внимание «белым пятнам» в краеведении. В конце 80-х вместе с писателем Андреем Павловым и проректором госуниверситета Петром Кабытовым он стал одним из руководителей общественного комитета «Самара», мощной организации, добивавшейся возвращения нашему городу его подлинного исторического названия.

Инициаторы проводили конференции, пикеты, митинги, демонстрации, собирали подписи.

8 июня 1990 года депутаты Городского совета получили обращение этого общественного комитета с просьбой рассмотреть на сессии вопрос о возрождении первоначального имени города. Несмотря на жесткое сопротивление руководящих лиц, вопрос был рассмотрен, и принято Обращение горсовета в Верховные Советы РСФСР и СССР с предложением поддержать мнение общественности о возвращении городу его исторического названия.

Борьба за Самару разворачивалась нешуточная. Через несколько дней после отправки предложения в Москву Областной совет принял решение: считать обращение Городского совета принятым без глубокого изучения общественного мнения. Было от чего впасть в уныние – столько сил потрачено на подготовку и, оказывается, всё впустую. Но сторонников Самары уже не остановить: в кратчайший срок горожане собрали 65 тысяч подписей в поддержку возвращения городу исторического имени.

В 1990 году инициативная группа обратилась к председателю Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцину с открытым письмом и просьбой рассмотреть вопрос на ближайшей сессии. Письмо по «неудобному» вопросу опубликовали во многих центральных газетах.

Отступая под натиском общественности, горсовет принял решение: «восстанавливая историческую справедливость, вернуть городу историческое наименование Самара». Победа! Не легкая победа. Она воспринималась как политическая, как реформаторская.

25 января 1991 года появился долгожданный Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании города Куйбышева в Самару, а Куйбышевской области в Самарскую.

С тех пор эта дата очень значимая для всех, кто участвовал в деле восстановления исторической справедливости. Они преодолели не только политическое противостояние,

но и, что самое трудное, равнодушие многих горожан. Помнится, как на конференции, посвящённой возвращению городу имени Самара, одна бабушка встала и сказала: «Да нам что... Нам всё равно, где жить и как называться, лишь бы кормили».

Чтобы мой рассказ не вышел чёрно-белым, а точнее красно-белым, считаю важным проявить уважение и к позиции людей, которые хотели бы и дальше жить в Куйбышеве. И абсолютно неправильно считать их твердолобыми ортодоксами и непатриотами. Были, конечно, и политиканы, боровшиеся против имени Самара по указке сверху, но соглашались с советским названием и самые обычные горожане, родившиеся и выросшие в Куйбышеве. Их позиция тоже заслуживает понимания. Но я убеждён: возвращение Самары всем нам было необходимо – исторически и нравственно.

Самара... Загадочное, незабвенное, чудное слово... Может быть, одно из самых красивых на свете. Есть оно даже в Библии. Именно через Самарию лежал путь Иисуса Христа из родного Назарета в Иерусалим, именно там встречали его радушно добрые самаритяне. А в переводе с арабского «Самарра – радуется всякий, кто видит тебя». Мне очень нравится именно этот вариант перевода на русский язык. Самара! Радуется всякий, кто видит тебя. Кто видит твои улицы, твои храмы и парки, твоих девушек, Волгу и Жигули.

Завальный Александр Никифорович Самара

Родился 20 августа 1954 года в Нижнем Новгороде (Горьком). В Куйбышев переехал в детском возрасте. В 1977 году с отличием окончил Куйбышевский институт культуры по специальности «библиотекарь-библиограф», отслужил в армии. Работает в Самарской областной универсальной научной библиотеке главным библиографом краеведческого отдела. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Губернской премии в области культуры и искусства. Заслуженный работник культуры России. Имеет более 10 государственных, региональных и общественных наград. Автор 15 книг, составитель более 20 историко-краеведческих сборников. Активно участвовал в борьбе за возвращение городу исторического имени Самара.

Наиболее интересной считает серию из 7 книг, которая включает свыше полутора тысяч историй, основанных на реальных событиях из жизни самарцев. Многие истории вызывают улыбку, другие заставляют задуматься, но все вместе они отражают узнаваемые черты самарского характера.

АРБУЗЫ-ТО ГНИЛЫЕ!

Как сделать так, чтобы хороший и крепкий арбуз самому продавцу гнилым показался?

В 1880-х годах ученики Самарского реального училища поступали следующим образом. Среди них был слабый на вид и маленький ростом Федя Крышкин. Федя, однако, увлекался борьбой и так натренировал свой указательный палец, что мог легко проткнуть им самый толстый арбуз. Компания подходила на базаре к возу с арбузами, и Федя спрашивал хозяина:

- Дядька, арбузы у тебя, небось, гнилые?
- Какие такие гнилые? – возмутился торговец.
- А вот какие, гляди!

И протыкал несколько арбузов, после чего на глазах у изумлённого мужика бросал их своим друзьям.

ЗРЯ СКАЗАЛ

Как-то на приём к врачу Вениамину Осиповичу Португалову пришел купец.

– Доктор, умоляю, помогите! У меня в голове всё время что-то тикает. Вся надежда только на вас!

Португалов задумался.

– Хорошо. Помогу, но необходима операция.

Купец дал расписку. Его усыпили хлороформом. Сделали на голове царапинку, помазали йодом, забинтовали. На том операция и закончилась. Когда купец очнулся от наркоза, Португалов при ассистентах вручил ему карманные часы-луковицу:

- Вот, достали. Больше у вас в голове тикать они не будут.
- Скажите, доктор, а что, разве такое бывает?
- Всё бывает.

Прошло несколько лет. Случайно столкнувшись с бывшим пациентом, Португалов поинтересовался его здоровьем.

«Спасибо, благодетель, – ответил купец. – Не тикает». Тогда врач счёл возможным рассказать, как всё было на самом деле. Купец побледнел и схватился за голову: «Доктор, оно снова затикало!»

ГОРЬКИЙ КАК ЧИТАТЕЛЬ

Алексей Максимович Пешков (будущий писатель Максим Горький) работал корреспондентом «Самарской газеты». В январе 1896 года он заглянул в городскую публичную библиотеку. Раздевшись и взяв книгу, вошёл в переполненный читальный зал. Едва только новичок разместился на краешке стола, как получил удар по затылку висевшей лампой и услышал недовольный голос:

- Позвольте, милостивый государь, вы сели на мою книгу!
- Извините, – сказал Горький и встал.

Тут же на свободный пяточок плюхнулся человек и весело засмеялся: книги-то не было. Горький, молча, пошёл искать

Самара

Соборная улица

новое место. Нашёл, сел и... провалился в музейную витрину. Извлечённый оттуда, он вконец расстроился и, пятясь задом, выбрался в коридор.

На вешалке неудачник увидел, как кто-то из посетителей, приняв горьковскую шапку за галошу, пытается натянуть её себе на ногу. И в довершение всего Алексей Максимович обнаружил, что нет его собственных галош.

– Где мои галоши? – спросил бедолага упавшим голосом у сторожа.

– Я их положил в карман вашего пальто, – утешил старик. – Чтоб не потерялись.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

В 1899 году началось строительство знаменитого дома Чельшова на Алексеевской (Красноармейской) улице. Раз утром подрядчик собрал мастеровых: «Братцы! Нынче у нашего хозяина День ангела. Давайте сделаем ему подарок».

К пяти часам вечера на стройку приехал Чельшов. Созвав рабочих, объявил: «Ребята, сегодня у меня именины. Я сам не любитель по части спиртного, но угощаю вас вином и пивом. Выпейте за моё здоровье!»

– Дмитрий Ермилович! – обратился к нему подрядчик, – по случаю ваших именин мы положили дополнительно три ряда кирпичей бесплатно.

Улыбнувшись, Чельшов поклонился: «Спасибо, люди добрые! Спасибо, что помните про мой праздник, и благодарю за усердие».

А наутро хозяин вновь появился на строительстве и подозвал подрядчика:

– Те три ряда, что вчера бесплатно положили, разберите.

– Да почему же, Дмитрий Ермилович?!

– Мне нужна не быстрота, а качество.

КОРРИДА ПО-САМАРСКИ

9 сентября 1909 года на Троицком рынке появился козёл. Воинственно мотая бородой, он бросался на дразнивших его мальчишек, брыкался и громко блеял. Один из босяков, заметив проходившего рядом господина с дамой, предложил продемонстрировать им свое единоборство с козлом. Господин было замаялся, но дама настояла на поединке. В случае победы инициатор получал 50 копеек.

Раздразнив до предела свирепое животное, самарский тореадор отбежал на приличную дистанцию и, нагнув голову, кинулся на козла. Увидев атаку, рогатый ринулся навстречу сопернику. Неповторимый звук сшибшихся лбов привёл в восторг торговцев и посетителей рынка. Ошарашенный мощным ударом козёл жалобно заблеял и поскакал с поля боя.

Кроме бурных аплодисментов победитель получил полтинник и дополнительно ещё десять копеек. Наверное, с тех пор уважение самарцев к губернскому гербу было подорвано на несколько десятилетий.

САМАРСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ XIX-XXI ВЕКОВ

Кумысолечебница

В 1858 году под Самарой открылась первая в мире кумысолечебница с применением научной методики лечения. Её организовал доктор медицины Н.В. Постников. Она была признана самой благоустроенной лечебницей, сюда приезжали больные из Германии, Франции, Италии, Англии, Португалии, несколько великих князей.

Самарское земство

Первое губернское земское собрание в Российской империи открылось в феврале 1865 года в Самаре. Самарское земство стало одним из самых активных в России, оно играло значительную роль в развитии местного самоуправления и пробуждении народной инициативы.

Самарское знамя

В апреле 1876 года в Болгарии, почти 500 лет стонавшей под османским игом, вспыхнуло антитурецкое восстание.

Самарская городская Дума решила изготовить боевое знамя и послать его повстанцам. По эскизу художника Н.Е. Симачова оно было безвозмездно вышито монахинями Иверского женского монастыря. На одной стороне красно-бело-синего полотнища в чёрном кресте, украшенном золотыми арабесками, были изображены славянские первоучители Кирилл и Мефодий. На другой – икона Иверской Божьей Матери.

Однако турки смогли быстро подавить восстание, и вручать знамя пришлось уже в 1877 году, когда Россия, объявив войну Турции, стала спешно формировать болгарское ополчение. После освящения знамени самарский городской голова Е.Т. Кожевников и гласный Думы П.В. Алабин доставили его в Кишинёв, а через пять дней в лагере болгарского ополчения около румынского города Плоешти знамя торжественно вручили третьей дружине под командованием подполковника П.П. Калитина.

19 (31) июля Самарское знамя получило крещение в бою под городом Стара Загора. Оно стало исторической реликвией болгарского народа.

Александровский мост

Железнодорожный мост через Волгу около города Октябрьска на момент постройки в 1880 году был самым большим в Европе. Писали, что мост «составляет славу русского строительного искусства, и сама Европа признаёт это. В целом мире сыщется мало сооружений, которые могли бы стать наряду с ним по своей грандиозности». Мост способствовал промышленному развитию самарского края, оправдав самые смелые надежды его строителей.

Пастеровская станция

В 1885 году французский микробиолог и химик Луи Пастер сделал первую предохранительную прививку от бешенства. В 1886 году в Самаре была открыта Пастеровская станция, первая на территории современной России. Самарские врачи два

месяца изучали в Париже технологию приготовления вакцины и методику прививок, после чего Пастер и дал разрешение открыть прививочную станцию. Для приобретения оборудования Самарское губернское земство выделило соответствующие средства.

Самарская пастеровская станция обслуживала население восточно-европейской части страны, всю Сибирь и Среднюю Азию, а также жителей Северного Китая. На базе Самарской пастеровской станции впоследствии был создан Научно-исследовательский институт гигиены.

Комуч

В январе 1918 года большевики разогнали Всероссийское Учредительное собрание, сделав тем самым ещё один шаг к братоубийственной Гражданской войне. Через несколько месяцев демократические силы предприняли попытку сформировать в стране правительство, которое смогло бы учитывать интересы всех слоёв и групп населения. В мае легионеры сражавшегося с

немцами Чехословацкого корпуса, отправленные после заключения Брестского мира на Дальний Восток для эвакуации из России, были спровоцированы на вооружённое выступление. 8 июня чехи при поддержке подпольной офицерской организации заняли Самару.

Находившиеся в городе члены Учредительного собрания образовали «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч), который провозгласил своей целью создание Российской демократической федеративной республики. Однако найти золотую середину в тогдашней политической жизни было уже невозможно. Самарское правительство оказалось неприемлемым ни для красных, ни для белых. 7 октября в Самару вошли части Красной армии, закрыв интереснейшую страницу самарской и отечественной истории.

Запасная столица

В октябре 1941 года Куйбышев почти на два года стал фактически второй столицей Советского Союза. В связи с тем, что немецкие войска подошли вплотную к Москве, в Куйбышев были эвакуированы часть аппарата ЦК ВКП (б), Президиума Верховного Совета СССР и Совнаркома, ЦК ВЛКСМ, дипломатический корпус. В городе сооружается бункер для Ставки Верховного главнокомандующего. Сюда же эвакуируются заводы, творческие коллективы, деятели искусства и культуры. Среди них великий Д.Д. Шостакович, который окончил здесь свою Ленинградскую симфонию.

Чтобы поднять боевой дух народа и продемонстрировать волю к сопротивлению, 7 ноября 1941 года в Куйбышеве проводится военный парад, посвящённый 24-й годовщине Октябрьской революции. Парад войск принимал маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, командовал парадом генерал-лейтенант М.А. Пуркаев. Куйбышев получил широкую известность в странах антигитлеровской коалиции и вошел в историю Второй мировой войны.

Жигулёвская ГЭС

Идея создания гидроузла в районе Жигулёвских гор прорабатывалась много лет. В августе 1937 года было принято соответствующее решение, подтверждённое XVIII съездом ВКП (б). Однако начавшиеся работы по сооружению грандиозного объекта приостановили в 1940 году. Стройка возобновилась лишь через десять лет. Постановлением правительства была создана специальная организация – Куйбышевгидрострой.

Сооружение Куйбышевской ГЭС стало крупнейшей стройкой СССР. Рабочие выполнили около 180 миллионов кубометров земляных работ, 8 миллионов – бетонных, смонтировали 500 тысяч тонн арматуры и металлоконструкций.

Во время строительства были протянуты первые в Советском Союзе линии дальних электропередач: ГЭС – Урал (1049 км), ГЭС – Москва (918 км). Торжественный пуск гидроэлектростанции состоялся 10 августа 1958 года. С 2004 года электростанция называется Жигулёвской, она и сегодня является одной из крупнейших в мире.

Первый космонавт

12 апреля 1961 года впервые в истории человечества гражданин Советского Союза Ю.А. Гагарин совершил космический полёт. Космонавта, приземлившегося юго-западнее города Энгельса, на самолёте Ил-14 доставили в Куйбышев. Здесь он отдыхал на обкомовской даче на Первой просеке. На другой день прошло заседание Государственной комиссии под председательством С.П. Королёва. Гагарин подробно рассказал о своем полёте, а вечером доложил о нём Н.С. Хрущёву по телефону. Две первые ступени гагаринской ракеты-носителя «Восток» были собраны на куйбышевском заводе «Прогресс».

12 апреля 2007 года на проспекте Ленина открылся музейно-выставочный комплекс «Самара космическая». Его главной достопримечательностью стала ракета «Союз», единственная в Европе вертикально установленная ракета-носитель в собранном виде.

АвтоВАЗ

Волжский автомобильный завод – один из крупнейших производителей легковых автомобилей в России и Восточной Европе. В 1966 году было принято партийно-правительственное решение о строительстве нового автозавода в городе Тольятти, в том же году заключён контракт с итальянским концерном «FIAT».

3 января 1967 года ЦК ВЛКСМ объявил строительство Волжского автозавода Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Тысячи людей, в основном молодежь, направлялись в Тольятти. 21 января 1967 года был вынут первый кубометр земли, а 19 апреля 1970 года с главного конвейера завода сошли первые шесть автомобилей ВАЗ-2101 «Жигули». 28 октября 1970 года в Москву был отправлен первый эшелон с автомобилями «Жигули».

Чемпионат мира по футболу 2018 года в Самаре

В 2018 году чемпионат мира по футболу впервые прошёл в России. Самара стала одним из 11 городов-организаторов этого грандиозного спортивного состязания. Здесь в самой высокой точке города был построен футбольный стадион «Самара Арена» на 45 тысяч зрителей. Его купол напоминает космическую тарелку, что подчеркивает роль Самары в ракетно-космической промышленности страны.

*Текст подготовили сотрудники СОУНБ:
главный библиограф А.Н. Завальный,
ведущий библиотекарь А.И. Елисеев*

Карякин Александр Сергеевич Сызрань

Родился 9 февраля 1959 года в городе Ялуторовске Тюменской области. С 1983 года живёт в Сызрани. Работал на заводах «Тяжмаш», «Пластик», на Крайнем Севере (г. Урай). В настоящее время работает в филиале СамГТУ города Сызрань, там же руководит литературным клубом.

Стихи А. Карякина публиковались во многих журналах страны, он автор поэтических книг «России маленькая часть», «Пристани», «У родного порога», «Дорога», для детей «В королевстве у букашек».

РОДИНА

Иду ли полем или через лес,
Я знаю: это Родина – Россия!
Меня хранит незримо Бог с небес
И мама-ангел мой Анастасия...

За океаном счастья не хочу,
Мне мать и Родина всего дороже.
Я счастлив здесь – пою ли иль молчу –
И знаю: Родина в беде поможет.

Я для неё слов добрых не ищу,
Они – в душе... А если враг?.. Так что же...
Из своей кожи сделаю пращу,
И в этот час стать камнем сердце сможет.

У СЫЗРАНА

Ветер тронул поплавок –
Потревожил гладь Сызрана,
От костра плывёт дымок
В сеть рассветного тумана.
Заплескались караси,
Цапля ходит, будто пава.
Я в объятиях Руси –
Храм налево, храм направо.
Клёв пошёл, карась в сачке!
Значит, верен вкус примана...
Да и сам я на крючке
У притихшего Сызрана...

СЫЗРАНЬ – ГОРОД

Прекрасен город Сызрань над рекой,
Как в сказке, от восхода до восхода.
Недаром он, подаренный судьбой,
Мне нравится в любое время года.

Когда его укутывает снег
От зимней стужи белым покрывалом,
Хоть целый день, счастливый человек,
Я топаю по стареньким кварталам,

Где дух веков гуляет по дворам
И снег на куполах церквей искрится,
А в окна древним низеньким домам
Зима, что красна девица, глядится.

Люблю, устав от северных дорог,
Я днём весенним в город возвращаться,
Когда в садах костров седой дымок
И яблонь цвет вновь обещает счастье.

НА КРЫМЗЕ

Вскопав на даче клин земли,
Иду я к речке на разведку..
Клюют и в Крымзе голавли –
Бывают крупные, но редко.

А много мне и ни к чему:
Хотя бы дюжиной разжиться.
Кастрюльку старую возьму –
И выйдет знатная ушица.

Хлебать уху из голавля,
Дышать легко прохладой сада
И молча слушать соловья...
Порою большего не надо!

РОДНОЕ НЕБО

За полем – луг, за лугом – бор,
Над ними небо голубое –
Большой безоблачный шатёр,
Хранитель счастья и покоя.

Под ним уходит прочь беда,
Когда склоняюсь к незабудке
Иль зайцу быстрому когда
Свищу вдогонку ради шутки.

Под ним я бодр не по годам...
Дышу в бору озоном вволю.
Иду в поля, на луг к цветам,
Где для меня нет лучшей доли,

Как вторить птичьей песне в тон,
Что льётся с неба, как в воронку,
И видеть мне со всех сторон
Мою родимую сторонку:

Цветущий луг, зелёный бор
И их хранителя покоя
Большой безоблачный шатёр –
Родное небо голубое!

В ЛАДОНЯХ РОДИНЫ

Когда румянятся рябины
И спит в амбарах урожай,
Люблю, вернувшийся с чужбины,
Я обходить мой отчий край.
Ещё, сложив костёр у речки
Возле раскидистых ракич,
Люблю смотреть, как дым колечком
Стремится трепетно в зенит,
Где солнца луч бежит лисицей
За поздним клином журавлей.
И петь о них ручной синицей
В ладонях Родины моей!

НА УСЕ

В осеннем пламени леса
Вдоль радостной дороги,
Где речка малая Уса
Течёт к великой Волге;
Где, как в раю, стоят сады,
Ломясь от яблок спелых,
И воздух райской чистоты
Звенит от птичьих спевков.
Там отражает гладь воды,
Как в зеркале огромном,
И лес, и поле, и сады,
И луг в наряде скромном.
Уносит воды вдаль Уса,
Но остается это:
Сады, поля, луга, леса –
Родной земли приметы.

**Кижайкина Татьяна Веняминовна
Чапаевск**

Родилась 9 октября 1955 года в селе Большое Томылово, живёт в Чапевске. Поэт и прозаик, художник, член Союза писателей России, автор 8 книг.

Имея художественное образование, Т. Кижайкина всю свою любовь к людям, природе, родным местам передает в изобразительном и литературном творчестве, много лет работает преподавателем изобразительного искусства в школе.

* * *

Замыкается снова кольцо,
Птиц тревожных закружатся стаи.
Мудрость дедов и сила отцов
Добрым знаком во мне прорастают.

Отшумели сады, отцвели.
Я несу в себе каждое имя,
Тайну неба и трепет земли,
Их никто у меня не отнимет.

И благую желанную весть,
И реки убегающей ленту.
Всё, что было со мною и есть,
То не канет беспмятно в Лету.

Потому не страшна и гроза,
Нет ни края у жизни, ни точки,
И я счастлива тем, что глаза
Моей мамы у младшенькой дочки.

УТРО

Ранний час... Дремлют совы и дождик,
И сопит в своей норке сурок.
Неизвестный на небо художник
Бросил тёплый и робкий мазок.

Спят деревья, фонтаны и люди,
Тишина над землёй и рекой,

И Господь осторожно нас будит
Своей верной и чуткой рукой.

Миг, и солнце в оранжевом платье!
– Здравствуй, утро! Гляди, это – я
До небес раздвигаю объятия
Для любви и для нового дня,

Для земного и светлого Чуда,
Не стихающих вечных огней,
Для матрёшки, невесть знать откуда,
И горошин весёлых на ней.

Чтоб «сносило» почаще нам «крыши»,
То есть просто «сходили с ума»!
Я люблю тебя, солнышко, слышишь?!
А за что, и не знаю сама!

РОДНИКИ

Городу Чапаевску посвящается

Где бы нас по земле ни носило
Вдалеке от родных берегов,
Этот маленький город России
Манит песней своих родников.

Единит с ним и травка, и кустик,
И речушка с железным мостом.
Наша Родина нас не отпустит
Никогда: ни сейчас, ни потом.

Может, здесь и неяркие звёзды
Будоражат сердца и умы,
Да в свои возвращаются гнёзда
Журавли после долгой зимы.

Видно, правда – ни людям, ни птицам
Не порвать эту тонкую нить.
Здесь нам выпало счастье родиться,
Здесь и будем творить и любить!

* * *

Готовы посох и сума,
Пора уже идти по свету,
А те, кто выжил из ума,
Любили тоже землю эту.

Её задумчивую грусть,
Лесов предзимнюю тревогу.

А что не сладилось, и пусть,
Мы все – под Небом и под Богом.

И каждому – своя стезя,
Свои падения и росты,
Но забывать никак нельзя
Дождём омытые погосты,

Небес лазурный окоём,
Озёр хрустальную прохладу.
Покуда на земле живём
Любить и помнить это надо.

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО

Моему деду Савелию посвящаю

С потемневшего старого фото
Дед всегда улыбается мне.
Мы же редко в делах и заботах
Вспоминаем о прошлой войне.

Но я мысленно снова и снова
Обращаюсь, коль горе-беда:
– Дед, скажи мне заветных два слова,
Хоть не знала тебя никогда.

Сколько новых пришло поколений
Со времён той далёкой войны.
Ты меня не держал на коленях,
Не берёг мои детские сны.

И не гладил шершавой ладонью
Шёлк девчоночьих русых волос.
А душа моя плачет и стонет,
Хоть никто и не видит тех слёз.

Мне терять в своей жизни не ново,
И летят, словно листья, года.
Я беднее на эти два слова,
Что не скажешь ты мне никогда.

* * *

И зачем свою жизнь я гублю
Среди чуждых привычек и люда,
Когда тихо, по-детски, люблю
Я крестьянскую хватку и удаль?

Речку Мочу, губашевский мост
И луга, что скосили под бритву,
И церквушку, и старый погост,
И от скорбей душевных молитву.

Я люблю, как шумит детвора,
И в цветастом убранстве иконы,
В этих избах и этих дворах
Русский дух, неподдельно-исконный.

Оттого на душе и светло –
Нет нигде такой дали и сини,
И живёт в моём сердце село
Отголосками прежней России

Кирюхин Сергей Владимирович Сызрань

Родился 1 декабря 1949 года в городе Сызрани. По окончании средней школы № 22 пошёл работать учеником электромонтёра в Кашпирское сланцевое рудоуправление. Окончил вечернее отделение Куйбышевского политехнического института.

Поэт, член Союза писателей России, председатель Правления городской писательской организации, зам. руководителя Сызранского отделения Союза писателей России. Публиковался в различных изданиях Москвы, Самары, Пензы, Ульяновска, Тольятти и Сызрани. Автор 4 поэтических сборников.

В Сызрани основал городской клуб авторской песни и поэзии, которым руководит по настоящее время. Участник многих песенных фестивалей.

За общественную деятельность по продвижению русской литературы награждён грамотами, благодарностями и благодарственными письмами, а также почётным нагрудным знаком «За заслуги перед городом Сызрань».

ТИШИНА

Река покрылась неокрепшим льдом.
Ложится снег. Природа засыпает.
Дымки над сельской улицей витают.
День угасает в мареве седом.

Вот здесь бы жить-то. Жить и умереть.
Так этот край душе и сердцу дорог...
Но если нас и отпускает город,
То лишь на чудо это посмотреть.

* * *

Всё ближе ночь. Темнеют небеса.
Я словно погружаюсь в чёрный омут.
А вдалеке огни рассыпал город...
Заката догорает полоса...

И потянуло запахом полей...
Полынью, лебедою и ромашкой...
А красный диск луны – как будто чашка.
И тихо-тихо стало на земле...

Мерцают в небе звёзды. Млечный Путь
Влечёт меня в глубины мироздания.
И выплывает мысль из подсознания:
Вдруг и на нас там смотрит кто-нибудь?

ЛУНА

Вышла тихо, словно кошка,
Любопытная луна.
В облаках нашла окошко,
Чтоб земля была видна.

Смотрит вниз. А люди рады
Устремить свой взор к луне.
И встречаются их взгляды
В необъятной вышине.

Глянь, луна, как в речке летней,
Где так просто утонуть,
Весь, до звездочки последней,
Отразился Млечный Путь...

Я плыву, хотя и поздно,
В лодке лёгкой за селом.
И разбрызгиваю звёзды
Металлическим веслом.

РАССВЕТ

Уж сколько лет, уж сколько лет
Я вижу дивную картину,
Как по утрам идёт рассвет
На среднерусскую равнину.

Лучи светила по пути
Перемахнули через Волгу.
Им через реку перейти,
Что для меня через дорогу.

И здесь, на правом берегу,
Встречается с рассветом Сызрань.
Минуты эти берегу –
Мне с ними радостней по жизни

Идти и слушать, как вдали
Шумят составы на разъезде...
И знать, что нет милей земли,
Чем эта, в Сызранском уезде.

НАД ВОЛГОЙ

Над Волгою, лучам своим вослед,
Всплывает на востоке солнце шаром.
И над водой, покрытой лёгким паром,
Скользит лучами изумрудный свет.

Сонинская гора на Волге

И тишина. И никого вокруг.
Не так уж часто ходят пароходы.
Лишь ветерок – дыхание природы...
Всё выше, выше раскалённый круг.

И крики чаек, и плесканье рыб...
И всё слышней урчащие моторы...
То рыбаки выходят на просторы.
И ухает в затоне Чёрном выпь.

Промчались утки низко над водой,
И в камыши упали перламутром...
– Самария! – кричу я. – С добрым утром!
И с новой, чистой, доброй красотой!

УТРО

Плывёт над Волгой утренний туман.
Едва заметно светится восток.
Вдали костра мерцает огонёк.
Барж самоходных виден караван.

Там в клюзах отдыхают якоря.
Зевает, но не дремлет рулевой,
Качает лодку ветерок живой.
Всё ярче разгорается заря...

Её лучами прорванный уже,
На сеть рыбацкую туман похож.
Денёк, наверно, будет вновь погож,
И оттого светлеет на душе.

Кокарев Максим Сергеевич Самара

Родился 19 февраля 1980 года. Окончил Самарскую духовную семинарию и исторический факультет Самарского государственного университета. Священник, работает ректором в Самарской православной духовной семинарии.

Основные публикации: «История Самарской епархии в предсоборный период 1894–1917 гг.», «Православные святыни Самарской митрополии», «Поместный собор 1917–1918 гг. о церковном хозяйстве».

Отрывки из статьи об особенностях богослужения в самарском крае

Самарский край всегда был многонациональным, при этом мало кто хорошо знал не только церковно-славянский язык, на котором ведётся богослужение в христианских храмах, но и русский. Это было препятствием для духовно-нравственного просвещения простых прихожан.

Невозможно переоценить ту роль, которую играли в миссионерском деле богослужение и проповедь на так называемых инородческих языках. С конца XIX века такое служение стало активно вводиться по инициативе местного духовенства. В 1893 году дьякон села Ибряйкина Бугурусланского уезда Антоний Иванов просил благословения читать по-чуваши Евангелие, шестопсалмие, а также произносить ектении.

В следующем году последовало уже общее указание по данному вопросу в форме резолюции епископа на консисторском журнале. В данной резолюции содержалась рекомендация «установить такой порядок: одну ектению произносить по церковно-славянски, другую – на инородческом наречии; шестопсалмие читать половину на церковно-славянском наречии, другую на инородческом и т. п.». Кстати, впоследствии в приходах с большим числом сектантов (особенно баптистов) в миссионерских целях дозволялось и употребление русского языка.

Осуществление дела миссии на родных для инородцев языках требовало соответствующих кадровых решений. Епископ Гурий (Буртасовский) активно занимался подготовкой, не только рукополагая в священный сан местных инородцев, но также привлекая в епархию выпускников Казанской духовной академии, Симбирской чувашской школы и Казанской крещено-татарской школы.

В 1901 году в Самарской епархии было уже 90 священников, которые свободно владели разными языками: 60 из них были собственно инородцами, а 30 – русскими. С 1904 года в епархии проходили съезды таких священников.

Согласно правилам, разработанным Бугульминским уездным наблюдателем церковных школ священником Антонием Ивановым (ещё дьяконом он в 1893-м начинал служить по-чувашски), проходили общепархиальные, уездные и окружные съезды священников-миссионеров инородческих приходов.

Следует заметить, что не все приходские священники с энтузиазмом воспринимали идею о совершении богослужения на инородческих языках. Встречались и случаи прямого противодействия нововведению. Так, в 1898 году благочинный 8-го округа Бузулукского уезда доносил епископу Гурию, что священник села Яшкино отец Жемчужников всячески препятствует духовно-нравственному просвещению чувашей своего прихода.

Дело в том, что в Яшкино незадолго до этого был прислан дьякон Весновский, переведшийся из Казанской епархии. Дьякон был прислан как раз для работы с чувашским населением прихода и прекрасно знал язык. Он сразу активно включился в работу, начав употреблять инородческий язык за богослужением и обучать грамоте сельских мальчиков. Однако настоятель всячески препятствовал открытию школы грамоты, прогнал всех чувашских певчих, а вскоре запретил Весновскому служить на чужом языке. Но самое страшное, что настоятель настраивал против деятельности дьякона русскоязычную часть прихода. При этом отец Жемчужников говорил чувашам, чтобы они строили свой храм или шли в соседнее село и «не мешали православным людям молиться».

Епископ Гурий подобного рода действия пресекал решительно и жёстко. Настоятель Яшкинского прихода отец Жемчужников был переведен на другое место под строгий надзор благочинного. Прихожанам же Гурий велел передать, что не даст им другого священника до тех пор, пока они всем сельским обществом не составят приговор о том, что никогда больше не будут противиться духовно-нравственному просвещению чувашей, в том числе и богослужению на их языке. Такой «интердикт» подействовал быстро, и требуемый приговор лег на стол архиерея. Вскоре смягчившись, Гурий вернул на приход священника Жемчужникова, велел при этом благочинному сохранить за ним особое наблюдение.

Колмогорова Наталья Ивановна
станция Клявлино

Родилась 6 июля 1963 года в Куйбышевской области, станция Клявлино, где живёт и работает по настоящее время. Поэт, член Российского союза профессиональных литераторов.

В шесть лет написала первое стихотворение, посвящённое маме. Серьёзно взялась за перо и бумагу в зрелом возрасте. Автор 10 книг стихов и прозы, печатается в коллективных сборниках.

После окончания Куйбышевского педагогического училища вернулась в родное село, устроилась на работу в детский сад воспитателем, затем методистом. Позже работала журналистом местной газеты, экскурсоводом в музее, директором центра ремёсел «Светлица», организатором культурно-массовых мероприятий в Доме культуры.

Н. Колмогорова – победитель многих российских литературных конкурсов в номинациях поэзии и прозы, автор мастер-классов по стихосложению.

ЖИВИ, МОЙ КРАЙ!

Над Клявлино – высокий купол неба,
И солнца золотого – каравай,
Земля большая, где я только не был!
Но снова возвращался в отчий край.

Моей души – начало и истоки,
Моей души – святые родники,
Здесь храмы златоглавы и высоки,
И облака, как в небе челноки.

Какое б ни случилось лихолетье,
Какая ни случилась бы беда,
Сильны мы тем, что, словно братья, вместе:
Чуваши, и татары, и мордва.

Какие тут рассветы и закаты,
Какая сердцу божья благодать!..
Мы не забыли каждого солдата,
Ушедшего однажды воевать.

Над Клявлинским районом небо ясно,
Лишь вьётся стайка белых голубей,
Живи, наш край, и долго-долго здравствуй,
Встречая долгожданный юбилей!

КУПИЛА БАБА ТАНК (История награды)

Женщины тыла военной поры... Простые русские бабы – жёны, матери, сёстры. Самоотверженным трудом, неустанными молитвами, стойкостью духа приближали час Победы. В сёлах нашего района бабы работали слесарями, трактористками, комбайнёрами. Забывая про сон и отдых, они сеяли хлеб, растили детей. Женщины тыла – истинные героини!

Из двенадцати тысяч клявлинцев, ушедших на фронт, домой не вернулись более семи тысяч. Редко можно было найти семью, которую бы не коснулось страшное горе – смерть.

Трудное было время, лихое, но доброты хватало на всех...

Вот и Елене Григорьевне Шаповаловой, уроженке села Средняя Речка, принесли страшную весть: её сын, Шаповалов Алексей, погиб, освобождая город Будапешт.

Окончил Алёша школу в сорок первом и восемнадцатилетним мальчишкой ушёл на фронт добровольцем, стал танкистом. Казалось, родился под счастливой звездой – прошёл всю войну целым и невредимым. До счастливого дня Победы не дожил всего четыре месяца и один день.

– Остался лежать мой Лёшенька в дальней сторонешке... Эх, кабы обернуться мне птицей белою да положить на могилку его белые ромашки, – причитала поседевшая мать. – Отольются проклятому немцу материнские слёзы!

В память о сыне решила Елена Григорьевна собрать средства на строительство танка. И собрала по тем временам деньги немалые.

С тяжёлым вещевым мешком пришла Мать погибшего солдата на почту. Долго всем отделом считали и пересчитывали собранные средства.

– Ровно пятьдесят тысяч рублей, – подтвердил начальник почты, такую огромную сумму он видел впервые в жизни.

Елена Григорьевна приложила к денежному переводу телеграмму следующего содержания:

«Товарищу Сталину. Все собранные средства перечисляю в Красную Армию, на строительство танка. В память о сыне, сгоревшем в танке под городом Бадапештом. Мать погибшего солдата – Елена Григорьевна Шаповалова, село Средняя Речка Куйбышевской области».

Случилось это в феврале 1945 года, а в апреле этого же года в колхоз имени Кирова пришла телеграмма под грифом «срочно»: «Спасибо Вам, Елена Григорьевна, за Вашу заботу о Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии. Иосиф Сталин».

Я держу в руках пожелтевший от времени, истлевший до дыр клочок бумаги.

И словно бы время – остановилось...

В этой телеграмме – слёзы Елены Шаповаловой, слёзы всех матерей, их бессмертный подвиг во имя Победы...

Так и не довелось Матери побывать в далёком городе Будапеште и положить на могилу сына его любимые полевые ромашки...

Лишь телеграмма, что держу в руках, напоминает нам о самоотверженном подвиге Матери.

Только сердце никак не хочет смириться с тем, что нет в Клявлинском районе ни памятника, ни стелы в память о подвиге обычной деревенской женщины – моей землячки Елены Григорьевны Шаповаловой, отдавшей последнее ради торжества справедливости.

Хочется верить, что найдётся толика средств – исправить ошибку, допущенную временем и людьми, и на станции Клявлино, у Вечного огня в парке Победы, на мраморном обелиске мы увидим лицо простой крестьянской женщины. А внизу – надпись «Елена Григорьевна Шаповалова».

КУПИЛА БАБА ТАНК

Случилось однажды так:

Жила-была одна баба,

И купила та баба танк;

Провожала – не голосила,

Одиннадцать олухов родила,

Двенадцатого носила,

Война – она ж не спросила:

косила, косила, косила...

Средняя Речка,

через речку – брод,

в крайнем доме Алёна живёт,

своя скотина да свой огород.

Спросили Алёну:
«Откуда деньжищи взяла?»
«Корову да тёлку,
Да пару овец продала,
Да мать с отцом накопили.
Провожали – не голосили...»
Гордилась:
Сталин прислал телеграмму лично!
Писал ей, мол, так и так,
Воюет ваш танк отлично!
Бьёт фрица то в левый, то в правый фланг,
А Алёна: «Подумаешь, танк!»
К награде приставили – не голосила...
Одиннадцать – ни дать ни взять,
А двенадцать – уже сила!
Даже родня мужнина сказала: «Нужна дюжина!»
А фрицы – они от лукавого...
Жила-была баба одна, по фамилии Шаповалова...
Сейчас время не то или люди не те –
Удавятся за евро да франк,
А вы бы смогли так:
Двенадцать по лавкам, а Родине – танк?

КОНЬ

Красная уздечка,
Жёлтая супонь,
Мне у синей речки
Повстречался конь.

На попоне – злато,
На копытах – пыль...
Конь ты мой кудлатый –
Небыль или быль?

Шагом или рысью,
Разгоняя грусть,
Только ветер свистнет –
Поглядим на Русь!

Только б над стремниной
Был ещё мосток,
Чтобы в край былинный –
По канве дорог.

В те места, где жито
Полнит закрома
И в платках расшитых –
Русская зима.

В те края, где щёлок
Мыло заменял,
И в штанах холщовых
Каждый щеголял:

Нищий и вельможа,
Мальчик и старик...
Там ещё, быть может,
Не иссяк родник?..

А ржаное «море»
Плыть – не переплыть!
Догорают зори,
Отцветает сныть...

Тонкая подпруга
Память – ну и пусть,
Рассупоню друга,
Помолюсь за Русь!

Краснов Семен Васильевич Тольятти

Родился 13 октября 1962 года в городе Ставрополь Куйбышевской области, живёт в Тольятти. Окончил Тольяттинский политехнический институт, учился в Литературном институте им. Горького, мастерская Инны Ростовцевой. Член Союза писателей России. Работает заведующим лабораторией литературного творчества Тольяттинского государственного университета.

С. Краснов автор книг «Поэтический путеводитель по Тольятти», «Чудо Лукоречья» (по фольклору Самарской Луки), «Поэты в Ставрополе на Волге», «Глоток правобережной тишины» и др.

ЛУКОРЕЧЬЕ

За рекой, за Волгой – Лукоречье,
Сказочная дивная страна.
Закрывает ласковую вечность
Древних гор зелёная стена.

Жигули в тумане, в паре, в дыме –
Пеленой окутаны леса.
По ущельям пятками босыми
Бродит эхо, будит голоса

Молчаливых каменных утёсов,
Тишина висит по-над водой.
В зеркалах небесно-синих плёсов
Чёлн плывёт с изящною ладьёй.

Запах трав больную душу лечит,
Красота ласкает слух и взор.
Сторона родная – Лукоречье,
Вотчина Хозяйки Девьих гор.

* * *

Осень забирается на Царёв курган,
Журавли сверяют карты дальних стран.
Изучая небо, мánят синеву,
Слушая столетнюю мудрую сову.

Чертят журавлята линии дождя,
По багряным прóписям перьями вода.
Тоненько курлыкая, вторят колдовству,
Катятся хрустальные звуки на траву.

Царев Кургань.—р. Поляк. № 38.

На курган Усінский выпал первый снег.
Бродит по бечёвнику снежный человек.
Нити паутины на висках блестят,
Паруса надежды ищет сирий взгляд.

УЕХАТЬ...

Побродить по Жигулям,
в дороге встретить первый луч рассвета.
Подняться по росистым ковылям
на Молодецкий.
Горький запах лета
вдохнуть.
И слушать песни бурлаков,
бредущих по бечёвнику гурьбою.
Косые космы снежных облаков,
висящие над самою водою,
увидеть.
И продолжить торный путь,
в чащобе отыскать святой источник,
испить воды, как истины хлебнуть,
в конце строки поставив многоточье.

В тумане Монастырская гора,
Дорога вдоль реки ведёт к Верблюду,
В лесу вопит истошно Чудо-юдо,
Не предвещая Страннику добра.

С вершины заглянуть в небытие,
В седую бездну волжского простора,
В протоках разглядеть судьбы узоры,
Спуститься вниз по скользкой колее.

На старый сесть колёсный пароход,
Сойти на Куньей Воложке на пристань,
Успенской церкви купол серебристый
Увидеть в отраженье тёплых вод.

СЕЛО ЗАПЛАВНОЕ

Мокрые доски пахнут дождём,
Лавки у сельского храма.
Через Самарку старый паром
Переползает упрямо.

Бор Бузулукский течёт за рекой,
Прямо в предгорья Урала
Струи стволов, как поток золотой,
Устремлены от причала.

С бабушкой юным ведём разговор.
Липовый чай из бокала.
Здесь я обрёл и приют, и покой.
...Разве же этого мало?

УСОЛЬЕ

Каркают вороны
В старом графском парке,
Дремлет жеребёнок
Под кирпичной аркой.

Лазают козлята
По домам-руинам,
Мягко пахнет мятой,
Грустно и пустынно,

Сонных листьев шорох,
Лишь река синее.
Память – дряхлый сторож
Бродит по аллеям.

* * *

Осиновка. В руинах древний храм.
Июньский дождь, как помин по усопшим;
Щербатых окон шелестящий шёпот:
«Молитесь, дети, верьте. Аз воздам!»

Пустой причал. Молчащая река.
Поля, поля... Пустынная дорога.
С немой душой нельзя дойти до Бога.
...Земля моя – Самарская лука.

КРАСНЫЕ (АРХАНГЕЛЬСКИЕ) КЛЮЧИ

Здесь Архангел хранит
Ключ заветный от чистого неба,
И закаты-беседники
Прямо с душой говорят,
Тут встречают тебя
Караваем горячего хлеба,
Потому-то порою
Так тянет вернуться назад.

Крыш соломенных шорох,
Тревожащий сердце доньше;
В храме ровно мерцает
Икон обновлённых оклад.
Здесь, в полынных степях,
Я стою посредине России,
Вековечной виной
Перед ней навсегда виноват.

Ланина Надежда Анатольевна Самара

Родилась 25 июня 1960 года в городе Алапаевске Свердловской области, окончила Куйбышевский политехнический институт, ФАИТ. Работает в ракетно-космическом центре «Прогресс» (в ЦСКБ) инженером-конструктором. Живёт в Самаре.

Поэт, печаталась во многих коллективных сборниках и журналах, в том числе: «Русское эхо», «Камертон», «Симбирскъ», в газетах «Вестник РКЦ», «Графоман» и других.

Посещала литературные семинары поэтов Дианы Кан и Евгения Семичева. Участница творческой мастерской Евгения Чепурных при СОУНБ.

В 2016 году вышла её первая авторская книга стихов «Тихо вечер ушёл синеокий».

ВОЛЖСКИЕ ПЛЁСЫ

Золотистые волжские плёсы
Льдом покрылись холодной зимой:
То – равнины, то – льдины-торосы.
Лодки нет, что послали за мной.

Я решила пойти ей навстречу.
Словно море, река широка.
Я накинула ветер на плечи,
А вокруг только льды да снега.

Я иду день-деньской через Волгу.
Видно, в путь я ушла сгоряча.
Хватит сил отыскать эту лодку
С парусами алей кумача?

Не видать ни людей, ни селений,
Убегает позёмка, маня,
Преграждают дорогу сомненья,
Что не ждут уже больше меня.

Обжигают дыханье морозы,
Подо льдом цепенеет река,
Освещает замёрзшие плёсы
Россыпь звёзд, серебря берега...

Но, рассвет над рекою встречая,
Я в душе затаённо храню
Веру в то, что вблизи от причала
Ставят парус на лодку мою.

ЖЕРЕБЁНОК

Тихо вечер ушёл синеокий.
Жеребёнка веду вдоль реки.
Пусть напьётся воды из протоки
Там, где чистые бьют родники.

Длинноногий ступил осторожно,
Разбежалась кругами вода.
Отражаются звёзды тревожно
И плывут неизвестно куда.

Он нагнулся. Горячие губы
Потянулись навстречу воде...
Вдруг отпрянул, метнулся в испуге,
Задрожал: быть сегодня беде!

Небо тихо в реке отражалось...
Замер он на пустом берегу.
Лишь тревога в глазах задержалась:
Испугался, что выпил звезду.

ИЗ ДЕТСТВА

По лучику света босыми ногами
Вернуться бы в прошлые светлые дни,
Когда наша печка топилась дровами
И ярко светились в поленьях огни,

Когда по ночам ёж разыскивал сласти,
А кот на диване мурлыкал вовсю,
И звёзды на небе с рассветом не гасли,
А тихо в подушку спускались мою.

Я днём вдоль забора рвала вороняшку,
И бабушка с нею пекла пироги.
А дед возле дома ворчал на дворняжку:
Опять утащила с крыльца сапоги.

Малина в саду за сараями спела
И таяла слаще конфеты во рту.
А я рассказать долго взрослым не смела,
Как прямо на крышах играли в лапту.

Растаяло детство туманом на Волге,
И в прошлое тропку засыпал песок.
Но вдруг, невзначай, как жужжание пчёлки,
Тех дней зазвучит золотой голосок.

СНЕГУРОЧКА

Солнышко – рыжая курочка –
Снег поклевало к весне.
Мчится на льдине Снегурочка
Вдаль по бурлящей волне.

Волосы в косы уложены,
Синие льдинки-глаза.
В них поселилась непрошено
Зябкой весны бирюза.

Снежные бабы ей мётлами
Машут, стремясь напугать:
«Стой, непутёвая! Вёдрами
Горе придётся таскать!»

Что они знают, потешные? –
Только ведро да метлу.

Ты их не слушай! Нездешние
Пусть тебя дали влекут.

Речка, весной говорливая,
Сказки не знает твоей.
Там, за речными разливами,
Солнце и ярче, и злей.

Там, за речными разливами,
Нежно свирель теребя,
Лель белокурый под ивами
Ждёт не дожётся тебя.

ВОРОНА

Ворона потеряла воронёнка,
В глазах – растерянности нет конца.
И каждый дом, и каждая избёнка
Ей кажутся темницей для птенца.

Во всём себя корит: не углядела!
Пока в раздорах проводила дни,
С воронами на улице галдела –
Пропал сынок, поди, его найди!

Она во все заглядывает окна,
По ним стучит – о помощи молит!
Совсем замёрзла и насквозь промокла,
А бросить поиск – сердце не велит.

Забыты распри и азарт трезвона,
Чем раньше жизнь её была полна.
Над миром кружит белая ворона –
Седая одинокая луна.

Леонова Диана Лукинична
Кинель

Родилась на Украине 22 марта 1963 года, выросла в Узбекистане. С 2000-го живёт в Кинеле. Член Союза журналистов России, Международного союза писателей «Новый современник», Российского союза профессиональных литераторов. Состоит в Конфедерации деловых женщин России.

Д. Леонова пишет стихи и песни для маленьких детей и больших людей, статьи для газет и журналов. Работает музыкальным руководителем в детском саду «Сказка» города Кинеля. Продолжает сотрудничать с местными и областными СМИ.

* * *

Высокие песни летят над Россией,
В них искренний голос народа звучит.
Ты слышишь, Россия, как верно и сильно
В груди твоей сердце Самары стучит!

Мы именем этим гордимся по праву,
Талантами тысяч своих земляков.
Научную доблесть, рабочую славу
Несём на серебряных крыльях веков!

Мы строим машины, станки и ракеты,
Ведём теплоходы, ведём поезда.
В культуре и в спорте за нами победы!
Цветут наши сёла, растут города.

Леса и озёра, просторы без края,
Великая Волга – святая река.
Щедра и добра ты, земля дорогая,
Народам Поволжья дана на века!

* * *

Что-то такое в душе сотворилось
В дни, когда шёл по реке теплоход.
На теплоходе явилась мне милость –
Вдруг осознать: настоящее – вот!
Вот что, пожалуй, всего мне дороже:
Небо над Волгой, её берега,
Ленточки вдаль уходящих дорожек,
К этой земле, что мне так дорога!

С чувством любви и сыновнего долга
Я утверждать, что всех лучше, берусь,
Эта река под названием Волга,
Эта судьба под названием Русь!

И по течению, и против течения,
Между рассветом и алой зарёй,
Шёл теплоход – просто в пункт назначения,
Я же на нём просто шёл за собой.
Рядом со мной были близкие люди,
Близкие люди и на берегу.
Пусть что угодно со мной ещё будет,
Но эти дни я в душе сберегу.
Это награда моя, а не бремя.
И глубина, и бездонная высь –
Эта река под названием Время,
Эта судьба под названием Жизнь.

Лыков Николай Терентьевич
посёлок Рощинский Волжского района

Родился 20 июля 1950 года в деревне Умёт Вадинского района Пензенской области. Окончил историко-филологический факультет Куйбышевского государственного педагогического института.

Трудовую деятельность начал в Таджикской республике в горном поселке Алтын-Топкан, что в переводе означает «Золото нашёл». «И это – правда, я нашёл там золото, свою жену», – говорит Николай Терентьевич. С тех пор они вместе.

Отслужил в армии, затем всю жизнь Н. Лыков посвятил педагогической деятельности: работал учителем, директором школы, до сих пор ведёт литературный кружок в школе. Заслуженный учитель Российской Федерации, награждён знаком «Отличник народного образования РФ».

В 2017 году вышел его сборник стихов «Гроза в январе». С 2016 года – активный участник литературно-творческого объединения «Лира».

СПАСИБО ЗА ПОБЕДУ

Мой дед твердит, что он ещё не старый,
Решил на праздники поехать на парад,
А День Победы город наш Самара
Встречает уже много лет подряд.

Ну что с того, что деду девяносто
Придётся разменять, не в этом суть.
Его желанье объясняю просто,
С парада здесь был начат его путь!

Он баек о былом травить не любит,
Но тот парад частенько вспоминал,
Как падал снег, от стужи стыли люди,
И как от площади шагали на вокзал.

Он утверждал, что слышал мамы голос,
Что сорок вёрст тогда прошла она
С ним попрощаться, но товарный поезд,
Увёз туда, где правит бал война,

Где стыла кровь от яростного воя,
Где в ледяной земле окопы рыл,
Где, ошалеv от горя, после боя
Он земляку рукой глаза закрыл,

Чтоб ужасов войны никто не ведал,
Клал жизнь свою в войну на плаху он,
Мы скажем: «Дед, спасибо за Победу!»
От нас, потомков, низкий Вам поклон.

ВETERAN

Площадь Славы – центр Самары,
В сквере расцвели тюльпаны.
Пели парни под гитару
На площадке у фонтана.

Ветеран седой, но бравый,
Сжав в руке букет сирени,
Слушал песню Окуджавы
Со слезами от волненья.

Вспоминал, как в сорок первом
Шёл на фронт совсем мальчишкой,
И потом играл со смертью
Он два года в кошки-мышки,

Как валялся в лазарете,
Раненный осколком мины,
Где по божьей воле встретил
Он вторую половину.

Как вернулся он в Самару
С черноглазою девицей,
Как работал с ней на пару
Он в клинической больнице.

И сегодня в День Победы
Заглянул на площадь Славы,
Будто знал, что парни эти
Споют песню Окуджавы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА САМАРКУ

Посвящается В. Долгану

В жизни каждый из нас ищет тихую пристань,
Где усталой душе есть желанный приют.
Где рождению дня переливчатым свистом
Соловьи росным утром хвалу воздают.

Где шиповник цветёт, тихо шепчутся клёны,
Плавно плещется речка – отрада души,
Вот я снова стою, тишиной оглушённый,
Наблюдаю, как цапли летят в камыши.

Напиталась Самарка, проснувшись весною,
Набежавшей с полей свежей талой водой.
В колдовских тайниках от напастей укроюсь,
Очарованный странник, пленённый тобой.

Здесь уйдут, хоть на миг, будней злые тревоги,
Боль нелепых обид и ненужных разлук.
Здесь, как дым от костра, растворяюсь в природе
И пылинкой её себя чувствую вдруг.

Только здесь, на реке, звонко иволга плачет.
По ночам манит в омут русалочий смех.
Здесь признаний слова очень многого значат,
Жаль, что их никогда не хватает на всех.

Будет сердце стучать, разрываясь от счастья,
Будут слёзы солёные в горле першить.
До чего же приятно к тебе возвращаться,
Моя речка Самарка – отрада души!

* * *

От горячих лучей белый пар от земли,
На опушке лесной тянет запахом прели,
Над проснувшейся Волгой трубят журавли,
Возвращаясь домой в середине апреля.

Серенада весны – треск разломанных льдин –
Пробуждает в груди боль щемящей тревоги.
Трудно с совестью выйти один на один
И прощенья просить уже поздно у Бога.

Кто я есть на Земле? Неприметный герой?
Смелый рыцарь, закованный в латы?
Может, выпадет счастье мне этой весной,
Как шальная любовь выпадала когда-то.

Это был наш с тобой сумасшедший апрель,
Пахла мёдом земля, отогревшись от стужи,
За окошком капризно стучала капель,
Жаль, любовь, как кораблик, умчалась по лужам.

Макашова Светлана Вадимовна
Самара

Родилась 4 июля 1977 года в городе Куйбышеве. Живёт и работает в Самаре специалистом Центра по мониторингу загрязнения окружающей среды. Ответственный секретарь Самарского отделения Российского союза профессиональных литераторов, член РОО «Союз писателей Крыма».

Стихи пишет с детства. Поэзия была опубликована в журналах и периодике: в литературно-художественном альманахе «Параллели», альманахе «Крылья», журнале «Русское эхо», книге «Наш Бессмертный полк» и других коллективных сборниках.

Имеет авторскую книгу стихотворений «И звёзды под ногами», сборники стихотворений для детей «Разноцветные рифмы», «Рыжий дождик» и другие. Является лауреатом и призёром всероссийских и международных литературных конкурсов.

ТЕПЛА ОГНЕЙ СТОЛИЧНЫХ МНЕ НЕ НАДО

Тепла огней столичных мне не надо,
Пусть ярко светят в дальней стороне.
Покой провинциального уклада
Намного ближе и понятней мне.

Пиитами во все века воспета,
Земля родная, я – твоя раба.
Судьба провинциального поэта –
Во многом незавидная судьба,

Но нет иного счастья мне, поверьте,
И радости натруженным ногам,
Чем жизни путь с рождения до смерти
Пройти по вольным волжским берегам

И над печальной тягостной юдолью
Взмыть птицей в небо, распутив крыло,
Дышать своей земли степным раздольем
И петь ей песнь! И пить её тепло!

И в благодарность за подарок царский
Хвалить богов, молитвою звеня...
Как я – твоя частица, край самарский,
Ты, сторона родная, часть меня.

ЛАДЬЯ

425-летию Самары посвящается

Там, где скрывается земля,
Издавека, всё так же долго,
Спешит, в излучине бурля,
Свой нрав показывая, Волга.

Где не видны небес края,
А ветер волны хлещет плетью,
Плывёт самарская Ладья
Четыре с четвертью столетья.

Уж не её ль точёный стан
Стоял над волжскою водою,
Покуда Стенька-атаман
Резвился с вольницей лихою?

Когда Самара торг вела
Среди купеческого братства,
Уж не Ладья ль опять плыла
Приумножать её богатства?

И, гордым профилем чиста,
Среди иных годов суровых
Звала, как белая мечта,
Достигнуть горизонтов новых?

Порой, бывало, грянет гром,
Но вопреки седой пучине
Самара белым кораблём
Через века плывёт и ныне.

ОСЕНЬ В САМАРЕ

По выцветшим скверам, остывшим бульварам
Осенней порою брожу дотемна.
Я снова шагаю по улицам старым,
Забутым и словно пришедшим из сна.
Промокшие листья – ковром под ногами,
От редких дождинок – по лужам круги.
Я тихий бульвар измеряю шагами,
И глухо слышны по асфальту шаги.

В уме безустанно рождаются строчки,
И нет, мне не нужно дороги иной.
А осень в дождливой своей оболочке
По старой Самаре гуляет со мной.

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ

Старому самарскому вокзалу

Линия рельсов сплетается с вехами шпал,
Быстрым блестящим броском уходя в бесконечность,
Старый вокзал... Здесь минутою кажется вечность,
Вечность, застывшая в стуке колес о металл.

Сколько же судеб людских он за вечность узнал,
Сколько людских разговоров за вечность услышал,
Сколько весенних дождей простучало по крышам
Путникам тихо прошепчет самарский вокзал.

«Здравствуй! – скажу я ему. – И прощай, старина,
Истинно счастливы те, кто всё время в дороге,
Кто испытал боль сомнений, утраты, тревоги,
Те, о которых скорбили во все времена».

Он не ответит, усталые стены молчат.
Ночь, словно ворон, распушит крылатые тени,
Знаю, он слышит, и кисти душистой сирени,
В путь провожая, поклонами благословят.

МОЙ ГОРОД

Я снова здесь судьбе наперекор.
В Самару возвращаюсь, как беглянка,
Мой славный город, вставший спозаранку,
Ведёт со мной неспешный разговор.

Опять ныряю в утро с головой,
Вдыхаю полной грудью свежесть улиц.
Проснулся город, жители проснулись!
Он тоже дышит, значит, он живой!

Он шелестит весеннею листвой,
Деревьев тени стелет, где придётся,
И щурится от ярких бликов солнца,
Что отразились в лужах мостовой.

Нас разлучат, но я к тебе вернусь,
Преодолев печаль и километры,
К тебе, где на просторах плачут ветры,
Где катят волны ласковую грусть.

Так было, есть и повторится впредь –
Омыв ладони волжскою водицей,
Я вновь пойму: здесь стоило родиться,
Чтоб вырасти, и жить, и умереть.

Минкина Ирина Семеновна Жигулёвск

Родилась в Грозном 19 ноября 1957 года, окончила Ивановский энергетический институт и аспирантуру МЭИ, живёт в Жигулёвске. Занималась технологическими системами управления Жигулёвской ГЭС. Имеет отраслевое звание «Почётный энергетик», а также звание «Заслуженный энергетик Самарской области».

В настоящее время И. Минкина – руководитель художественно-поэтического салона «Любава» в городе Жигулёвске, член Союза писателей России.

Автор поэтических сборников «Флейта», «Эстафета», исторических поэм «Преданья старины глубокой...», «Поющие славу...», сборника поэм «Сказы Кавказа», книг для детей «Жигулёвская сказка», «Рифма», повестей «Поединок», «Дневник Татьяны Лариной», «Аксиомы Любви», сборника басен «ОСА».

Лауреат энциклопедии «Лучшие люди России», победитель областного конкурса «Женщина Самарской области 2017 года» в номинации «Общественный деятель».

ГИМН ЖИГУЛЯМ

На земле есть богаче края
И повыше встречаются горы,
Но один край особенно дорог,
С ним судьба обручилась моя.
Воедино легенда и быль
Тут сплетаются, верою полны,
Серебрится по склонам ковыль,
Зачарованно шепчутся волны.

В стоне чаек и ропоте волн
То отрада, то горечь потери;
Стоит выбраться утром на берег,
И таинственный слышится звон.
Обретая душевный покой,
Всё гляжу, не могу наглядеться
На простор над могучей рекой –
Откровенье счастливого детства.

Возвращают обратно всегда
Из разлуки короткой ли, долгой

К жигулёвскому берегу Волги
Самолёты, суда, поезда.
Рассужденьям иным вопреки,
Что в России места есть чудесней,
В стольном граде Самарской Луки
Отвечаю признательной песней:

Жигули вы мои, Жигули,
Вы особенной статью красивы,
Жигули вы мои, Жигули,
В самом сердце любимой России.

ЖИГУЛЁВСКАЯ ВЕСНА

И снова, и снова весна в Жигулях,
На склонах, в оврагах, в лесах и полях;
И снова нечаянно вроде бы, вдруг
Вскипает цветочная пена вокруг,

И вновь, обретая желанный уют,
Солисты пернатые песни поют.
И сердце опять замирает до слёз
Среди ароматов, под сенью берёз.

И снова на праздник цветенья земли
Радушно встречают гостей Жигули...

ЛЮБАВА (легенда Жигулей) (фрагмент из поэмы)

Раскроются первые почки весной,
Шелками раскинутся травы,
Цветы разбегутся широкой волной –
То горной хозяйки забавы.

Свивает Любава из тонких ростков
Венок жигулёвским курганам,
Вплетает нектары их в розу ветров
И шлёт окружающим странам.

А летом, когда разливается зной,
Ковыльное марево вьётся,
Поля земляничные в чаще лесной
Она от палящего солнца
Хранит, поливая на зорьке росой;
Бывает, под яблоней дикой
Заметив нору, где лисята с лисой,
Густой оплетёт повиликой.

Малину при случае пустит в овраг
В тенистой низине куститься,
С рябиной боярышник высадит так,
Чтоб всем пролетающим птицам
Заметен был яркий по осени плод;
Зайчата, ежата, волчата...
Немало у горной хозяйки хлопот
С рассветных минут до заката.

Осенней порой золотятся леса,
Румянятся гордые клёны,
Прощальные птичьи звенят голоса,
Взмывая в редяющих кронах;
Хозяйка обходит лари-закрома
В компании дятла и белки,
Следит, чтоб врасплох не застала зима
Больших обитателей, мелких.

Последний подарок от щедрой судьбы
Хозяйское полнит лукошко –
Глядят из-под вянущих листьев грибы,
Да сеется дождь понемножку.

Кому довелось побродить по горам,
Наверно, признает по праву,
Что сердцем нередко говаривал сам:
– За щедрость спасибо, Любава!..

Когда закружится, завоюет метель
И землю окутает снегом,
Досадна кому-то пурги канитель,
Хозяйке – желанная нега.
Выходит она на раздольный простор,
Закутана в шубе пушистой,
Шутливо с Морозом ведёт разговор,
Улыбкой сияя лучистой.

Кто хочет увидеть Любаву, идёт
В глухие места луговые,
Где озеро блещет, где липа цветёт,
Где горы стоят меловые.
Но малые пташки – надёжная связь,
Хозяйку всегда предупреждают;
Незванные гости, случалось не раз,
Напрасно её поджидают.

Однако поверье живёт до сих пор:
Мол, в ночь на Ивана Купалу
В укромном лесу среди обрывистых гор
Возможно увидеть Любаву.
Она выбирает среди шёлковых трав
Цветы удивительной силы
С молитвой, чтоб жил, лихолетья поправ,
Чарующий образ России...

ГОРОД ЖИГУЛЁВСК

*По мотивам стихотворений
Натальи Михайловны Пасичник*

Милый и любимый с детства двор,
Тихий парк, берёзовая роща,
Волга, и над Волгой склоны гор,
Площадь Мира и Победы площадь.
Город Жигулёвск, ты дорог нам,
Крохотная Родины частица;
Жигули – Природой данный храм,
Чтобы в нём любовью причаститься.

В трелях птиц и шелесте берёз
Столько жизни, радости и счастья,
Что невольно чувствуешь до слёз
И себя неотделимой частью
От неброской этой красоты,
От тепла, гармонии и света,
Дарит нам чудесные цветы
Быстро пролетающее лето.

В золоте осеннем и в мороз,
Под зимы покровом белоснежным,
Ты всегда прекрасен, Жигулёвск;
Но особенным, невыразимо нежным
Предстаёшь ты в кружеве садов
По весне, и чудо, и отрада.
Много есть на свете городов,
Но иного к счастью нам не надо.

Только здесь любимый с детства двор,
Комсомольский парк, Победы площадь,
Тут с горы Могутовой простор,
Что представить невозможно больше!
Город Жигулёвск, ты дорог нам,
Крохотная Родины частица;
Жигули – Природой данный храм,
Чтобы в нём любовью причаститься.

Московский Вячеслав Викторович Тольятти

Родился 31 июля 1949 года в городе Куйбышеве, после окончания школы работал электромонтёром на заводе им. Масленникова. Окончив Смоленский государственный институт физической культуры, попал по распределению в Тольятти, был тренером по конькобежному спорту. Отслужил в рядах Советской Армии. После окончания Всесоюзного юридического заочного института работает адвокатом. С 1983 года является председателем коллегии адвокатов. Награждён медалью «За заслуги в защите прав граждан», орденом «За верность адвокатскому долгу» и юбилейным нагрудным знаком «150 лет российской адвокатуре».

Член Союза писателей России, руководитель Тольяттинской городской писательской организации, редактор ежегодного литературного альманаха «Стрежень». Автор поэтических сборников: «Люблю тебя всем бедам вопреки», «Повенчанные счастьем», «Солнечный луч», «Свет любви», «Откровения души», «Подкова», «Неразгаданная Русь».

* * *

Я родился под знаком Льва,
Маме нравилось имя Слава,
Рыжий мальчик, в глазах синева,
И с тех пор началась забава.

Летом – Волга, горячий песок,
Пацанов загорелых ватага.
На день – хлеба ржаного кусок
Да воды родниковой баклага.

Беззаботное детство моё
Не могу я назвать босоногим –
Было всё: и еда, и жильё,
Да ещё подавали убогим.

Сколько было всего на веку
Не опишешь и в сотне романов,
Только дикий чеснок на лугу
Был намного вкуснее бананов.

Разлетелись, как искры костра,
Все, кто были со мной с малолетства.
Золотая, шальная пора!
Все мы родом из этого детства.

МАЛЬЧИШКА

Надев золотое монисто,
Цыганкой по полю ржаному,
Касаясь земли невесомо,
Шло солнце, сияя лучисто,
Навстречу мальчишке босому.

Он плюнул украдкой в ладошки
С довольной улыбкой хитрюги,
И быстренько вытер о брюки
Следы от печёной картошки,
И вверх протянул свои руки.

И солнце ладошек коснулось,
Узоры судьбы заплетая,
И линия жизни, сверкая
Стрелой золотой, протянулась
В ладошках до самого края.

Зафыркали лошади где-то,
Глотая остатки тумана.
Остались в душе мальчугана
Ночное, картошка и лето.
Пусть сбудется всё без обмана!

СОН

Приснился мне как-то недавно
В Самаре наш старенький дом,
В котором безопасно и славно
Текла наша жизнь чередом.

Сирень в палисаде клубилась,
Как облако в небе, бела,
И, словно небесная милость,
Тогда со мной мама была.

Всё было, как раньше, на месте.
Был, кажется, день выходной,
Мы снова во сне были вместе,
И мама сидела со мной.

Мы чай со смородиной пили,
Друг друга касаясь плечом,
И долго во сне говорили,
Вот только не помню о чём.

На всё в мире воля господня.
Ах, как мы сейчас далеки.
Но чувствую я и сегодня
Тепло материнской руки.

* * *

Грянул гром, и Жигулёвск затих
У горы Могутовой под боком,
Паутина улиц городских
Скрылась вмиг под дождевым потоком.

Серой шерстью вздыбилась волна.
Волга, как матёрая волчица,
Голодна, безумна и страшна,
Нипочём ей берега граница.

Дождь утих, гроза ушла рывком,
Только слышно грома отголоски,
И опять прохладным языком
Волга лижет ноги Жигулёвска.

* * *

Я прирос к Жигулёвску душой,
Как и вольная Волга-красавица,
И хотя городок небольшой,
Он российским характером славится.

Горы здесь с незапамятных пор
Стерегут это место заветное,
И хозяйка живых этих гор
Удержать меня хочет, наверное.

А забыть его просто нельзя,
Несмотря на условности личные,
Потому, что живут в нём друзья,
Дорогие друзья, закадычные.

ЗАПАХ ХЛЕБА

У дороги берёзы невестами
Под зелёной вуалью весны.
Жаль, в деревне бывают наездами
Посбежавшие в город сыны.

Породнясь с городскими замашками,
Всё ж представить себе не могу,
Что забуду поляну с ромашками
И дурман диких трав на лугу,

Старый дом, палисадник ухоженный,
И сухую поленницу дров,
И жердями загон огороженный
С пёстрым стадом ленивых коров,

Неглубокой речушки течение,
От невидимой рыбы круги.
А рыбалка – моё увлечение –
Лучший способ проветрить мозги.

Я хочу, чтоб деревню запомнили
Даже те, кто родился вдали,
Чтобы души потомков заполнили
Запах хлеба и русской земли.

* * *

На пригорке забытый, брошенный
Старый домик стоит на краю,
От погоды и бед перекошенный,
Сверху надпись на нём: «Продаю».

Дверь закрыта доской приколоченной,
Ну а ставни стучат на ветру.
Две берёзы листвой позолоченной
Плачут рядом с крыльцом поуутру.

А за тихую речкой извилистой,
От людей любопытных вдали,
Собираясь в дорогу, отрывисто
Всё кричат и кричат журавли.

Клин поднялся над сонными плавнями.
Гонит осень морозная плеть.
Старый домик всё хлопает ставнями,
Словно хочет за клином лететь.

Никульшин Иван Ефимович Самара

Родился 10 июня 1936 года в поселке Сосновка Кинельского района Куйбышевской области. Учился в сельской школе, ремесленном училище, заочно окончил отделение работников печати Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Служил в армии, участвовал в строительстве Дороги Дружбы через пустыню Гоби.

Работал трактористом, киномехаником, заведовал сельским клубом, был сотрудником Кинельской объединенной газеты, редактором Куйбышевской студии телевидения, корреспондентом областной газеты «Волжская коммуна», литературным консультантом Самарской областной писательской организации. Известный писатель, автор 12 прозаических и 7 поэтических книг.

И. Никульшин – Заслуженный работник культуры, удостоен почётного знака «За труд во благо Земли Самарской».

* * *

Над церквушкой, облезлой до крыши,
Приспособленной с пользой под склад,
Вечерами летучие мыши
Свой воздушный справляют обряд.
Сброшу майку у липовой кадки
И представлю, что я молодой,
И сведу до озноба лопатки,
Перед тем, как умыться водой.
В стороне над просянником где-то
Умирает закат полосой,
И, рассеявшись, линии света
Шевелятся, как дождик косой.
И темнеет, безмолвствуя глухо,
Деревянной избы колыбель,
Где на печке вздыхает старуха,
И сверчок в свою дует свирель.
Потревоженной птицы рыданье,
Самолёта пронзительный след
И холодный дымок мирозданья
От движенья небесных планет.
Время минет, дымок растворится,
И кого-то умчат поезда,
И потянутся горестно птицы
За моря из родного гнезда.
И листва, отпылавши, завянет,
И запашется чьё-то жнивье.
И останется разве лишь память,
Если только достоин её.

* * *

Светило лучами с небес потекло
В долину.
Вот тени на липах обвисли...
Вот стало вокруг до испуга светло,
Как это бывает при истовой мысли.
И дрогнул терновник,
И веер крыла
Тяжёлой тетёрки
Взмахнул над тропинкой.
И, кажется, вспыхнув, тропа поплыла,
Сверкая пронзительно
Каждой травинкой.
И свежестью запахов луг одарил
Деревню.
Запахли цветы и коренья.
Мир в каждой росинке себя повторил
И был необычен в своем повторенье.
Не ведаю, что меня ждет впереди,
Но этот восход, и взлетевшая птица,
И роща с весенним ручьём посреди
Когда-нибудь снова
Должны повториться.
И вновь облаков грозовые плоты
Погонит на север усердное лето.
Взметнется тетерка.
И вспыхнут цветы.
Качнется терновник под кипами света.
И вновь затрепещет под ветром трава.
И больше смириться душа не захочет,
Что белою стала моя голова,
А тропы счастливых свиданий – короче.

Я жил, эту землю безмерно любя,
Горланя, плутал по лесам и левадам.
Вот так же плутает, не помня себя,
Молочный лосёнок, отбившись от стада.

А следом шагает размашисто сын,
Продолжив живое звено поколений, –
Надежда, опора, одна из вершин
Негромких моих на земле повторений.

В ПОБЕДНЫЕ ДНИ

Золотилась песками дорога,
Зацветал у забора ранет.
И печальному страннику строго
Две старушки смотрели вослед.
Побросав и тетради, и книжки,
Ошалевши от воли с утра,
Проносились гурьбою мальчишки
Вдоль дворов и кричали: «Ура!»
Что ж, Победа, славяне?
Победа!
Дед ходил разодетый, как франт.
И горел у нарядного деда
На груди
Революции бант.
Под девичье весёлое пенье
Ликовала гармонь под горой,
Как и должно во дни замиренья
После страшной войны мировой.
Ну а где-то ещё голосили,
Хотя кто был Победе не рад?
И хлеб-соль из дворов выносили,
Утомлённых встречая солдат.

И В ПЕСНЕ, И В СЕРДЦЕ НАРОДА

В сорок третьем у нас в деревушке,
В крайнем домике смирно жила
Из приезжих глухая старушка,
Что провидицей судеб была.

И, бывало, украдкой дворами
Безутешной тоской по отцу
Наша мать уходила с дарами
К колдовскому косому крыльцу.

Бабка карты раскинет сердито,
По-недоброму зыркнет на них
И утешит скрипуче:
– В убитых
Нет его... Значит... где-то в живых...

Краем тучи под солнцем рыжея,
Грохотала гроза вдалеке,
И с тревогой, как с камнем на шее,
Мать тропинкой спускалась к реке.

Здесь течений прозрачные кольца,
Завиваясь, неслись без следа,
И звенела вода колокольцем,
И куда-то бежала вода.

И вокруг всё светилось и жило,
И свистало коленцем тройным...
Как живая, вода ворожила,
Будто не было в мире войны.

Были только деревня, да поле,
Да луга, да гнездовия птиц,

Да нелёгкая русская доля –
От границ и до самых границ.

Я не знал, почему, но с надеждой
Возвращалась домой всякий раз
Наша мать,
И с заботою прежней
Обнимала и нежила нас...

От баталий планета остыла,
Отгудели фронтов провода.
Мы, питомцы военного тыла,
Не забудем войну никогда.

И однажды, нагрывшись в дом свой,
Захмелев от речей и вина,
Я опять своей маме напомнил
Про войну,
И смутилась она.

Я напомнил про карты, про бабку
И про то, как весной, налегке,
Наломавши сирени охапку,
Шла она, молодая, к реке.

Мать глаза на застолье скосила
И сказала, не пряча лица:
– Я тогда ведь всю землю просила...
Вот она и вернула отца...

И от слов её ласково стало,
Потянуло в простор, за луга,
Где весна, как мальчишка, свистала,
И толкалась река в берега.

И бродил я, весь мир обнимая,
За себя, за отца своего...
Я, Россия, теперь понимаю:
Нет надёжней тебя никого!

Ты и в сердце, и в песне народа,
И в моей повседневной судьбе,
Как железо, сцепившись с породой,
Мы живём:
Ты – во мне,
Я – в тебе!

СУДЬБА

Вот он, давний Сосновский угор,
Где дороги смыкаются детства.
А вокруг неоглядный простор –
Даже радостно ёкает сердце!

Я и сам не заметил, когда
Остудилась душа, отупела.
А ведь было, как в поле вода,
И светилась, и сладко звенела.

А ведь было, гулялось без дел.
А ведь было, оралось и пелось.
За какой укатилось предел
И куда это, братья, всё делось?

Онемело лежит тишина
Над покинутым станом баштана.
И ненастного неба луна
Красным диском ползёт из тумана.

Дорогие мои земляки!
Дорогая до боли округа!
Всем законам любви вопреки
Из привычного вырвала круга

Нас велений казённых рука,
Разорившая церкви и села,
Что стояли в России века
На пригорках вдоль речек весёлых.

Потому и бунтует в нас кровь
Самой горькой на свете любовью
К этим далям,
К которым любовь
С молоком мы впитали и с кровью.

Только выпало нам на беду
По дорогам российским катиться,
Чтобы в горьком каком-то году
Скорбным прахом назад возвратиться

И навеки в земле этой лечь
Средь священного прадедов праха
Под уныло надгробную речь,
Под слезу лицемерья и страха.

ЛЕСНОЙ КОЛОДЕЦ

Всё гуще полуденный зной
Нещадно палящего лета.
А вот и колодец лесной
Чернеет среди бересклета.

Пусть он и не бросок на вид,
Но в створе осевшего сруба
Такую водицу хранит,
Что ломит от холода зубы.

Когда-то без всяких затей
Два сына земных богородиц
По собственной воле своей
Поставили этот колодец.

Копали его мужики
По осени в добром запале,
В четыре копали руки,
Надумали – вот и копали.

Всходила над ними луна,
Как сказочной Сивки копыто...
Неважно, что их имена
Теперь безнадежно забыты.

Всё это от щедрой души,
Что скупы в делах не бываем,
Что люди у нас хороши, –
С того и легко забываем.

А доброе дело живёт
И служит нам с пользой большою.
И кто из колодца попьёт,
Тот сам хорошеет душою.

Плотников Владимир Иванович Самара

Родился 25 сентября 1963 года в городе Новотроицке в степном Оренбуржье, с 1974 по 1979 год жил с родителями на Колыме в магаданском посёлке гидростроителей Синегорье. Окончил Куйбышевский университет: диплом историка.

В 11 лет написал первую историческую сказку, потом многочисленные фэнтези... С 1996 года – в журналистике, имеет несколько наград всероссийских конкурсов, преимущественно за острую социальную публицистику. Член Союза писателей России, Союза журналистов России, пишет романы, повести, рассказы, эссе и стихи. Более 25 лет активно сотрудничает с ведущими отечественными и региональными СМИ. Автор сценариев к документальной серии «Города Самарской губернии», художественным фильмам «Трасса судьбы», «На мишени. Нулевая терпимость».

Автор книг в разных жанрах, из них напечатаны: «Ты был первым», «Ночной кошмар с Николаем Сванидзе», «Степан Бердыш», «Московит и язовит», «Капель наш часовой. Книга лирики», «Самарские тайны российского кино», «Крещённый в огненной купели», «Билеты встреч и разлук. Сборник малой прозы».

СТЕПАН БЕРДЫШ (отрывки из романа)

...Струг причалил к подножию пологого склона. В непросветной чащобе, червоней древесною опадой, узко вилась пройма. Стрельцы и Степан углубились в лес. Трое остались с караульщиками пяти судёнышек, застывших на причале, надо полагать, до весенней ледотечки.

– Далёко? – узнал Степан у переднего, Рябова.

– Да помене двух поприщ.

Трижды за время езды слушали недалёкий вой волков.

– Заточные места, – качнул головой Бердыш.

Лесная «улочка» оборвалась как-то сразу. Выбрались на обширное пустопесье. Посреди разбросаны сиротливые постройки. Больше всех – бревенчатая изба, крепкая, в два жилья – воеводская. Тут же – прикидки под храм, амбары и приказ. Рядом помечена земля, вероятно, будущего детинца, забранная вместо высокого частокола колышками и рогатками едва потолще среднего прясла.

Поодаль колодцем сложены четыре бревна. Под башню – крайнюю левую к серевшему над кронами поясу реки. Почва иссечена сакмами и вмятинами от брёвен. Мужики, отдыхая на толстом незамшелом лежне, опутанном ремнями-вервями, хлопают глазами на галиц, что деловито копошатся по верхам плотно пригнанных слег. Четверо сбивают крепкое перевесище – рычаг для взъёма брёвен.

– Бог помочь, мужички, – окликнул Степан.

– Какой помочь? – мрачно отозвались из избы. – Втору неделю лежень валяются. Половина мужиков кровянкой мучится, другие на замётах охотничьих. А на носу пух небесный. – Из низкой двери вылез толстый низкий середович. Седоватая борода, рачьи глаза. Синий засаленный кафтан туго перепоясан расшитым, но линялым кушаком.

– Эге, никак к нам прибавка, – жизнерадостно пропел он, зорким глазом выдернув новоприходца.

– Степан Бердыш, нарочный из Москвы, – спрыгивая с коня, поморщился от рези в зашибленном мосле.

– Господи! То не моя вина, что дело стрянет. Народишки-то – с котий котях. А тут холода, – торопыжливо залопотал толстяк. – И князь Григорий Осипович Засекин, коего прочут в воеводы, как заехал сюда по весне, сдвинул застройку от реки на эту вот вышину и напрямки в Казань подался, улаживать там всякое. А мне велено сготовить жильё для работного и тяглого люда и лежней навалить для стен, сколь удастся. Но весь крепостной лес плотами по весне сверху пригонят. Князь суров, да с опытом: засечную черту в Алатыре вёл, черемисов гонял, Шанчури-град делал.

– Полно. Не с тем сюда, – пресекая стариковский воркоток, Бердыш уже правил дозор, – знамо дело, осенью детинец не поставит, – с любопытством глянул за угол дома – по виду не младенец. Там, за ним, имелись ещё длинная приземистая изба с волоковыми окнами – явно для стройщиков, пригон для домашнего скота и жердяная коновязь, её уже начали сносить, верно, для замены добротным зимним вороком. Иных следов городского зодчества на холмистой залысине не наблюдалось.

– Радостно видеть свежего человека, – лукаво отметил старик, дыша часто, но не тяжко. Тут спохватился, что давно пора представиться, – Иван Стрешнёв. Голова, то есть почти голова, по... общей как бы управе.

– Угу, – кивнул Бердыш и продолжил осмотр. – И сколько мыслите башен?

– Да вить по сей части я... того, значит, не того... я более не по разметке домищ, а по хозяйской, значит, стороне дела. Дьяк приказной. Иное – князь Григорий Осипович али Федя Елчанинов... извиняюсь – Фёдор Елизарьевич, приятель мой старый, первый голова, да второй воевода. Вот они люди военны и в крепостном деле сведущи. Фёдор – знатный градоделя. А я хоть в Ливонии и бывал в самые жаркие денёчки, да как начинал сотским в вотчине князя Засекина,

так и по сей день себя тем же мню, – уклончиво плёл Стрешнев. – А тут нате вам – голова. А, вообще, не суди облыжно, но вдругорядь незнакомому человеку не след про дело слёта сказывать. Оно, конечно, и лицо у тебя в меру, значит, достойное и стать...

Льстивые гимны оборвал хохот. До Бердыша дошло-таки: увёртливый старик вроде и опасается разгневать царского гонца уклонами, а с другой стороны, и в самом деле не доверяет.

Опасная грамота успокоила дьяка. Он даже порозовел от довольства. Виделось: по норову человек добрый и радушный, на непривычном стуле чувствовал себя он неуютно. Язык Ивана Петровича развязался. Степан узнал уйму новостей. О переходе Мещеряка на Яик и о тотчас нанесённом его ребятами уроне улусным мирзам. О застройке крепости. По мысли Стрешнева, стены острога удобнее ставить четырёхугольником – 100 на 120 сажень – с восьмисажёнными башнями по углам.

Обойдя просторное пустопесье, Бердыш в целом одобрил эту затею, но внёс предложение: смотрящие в степь стены усилить парой дополнительных башенок, что отвечало, оказывается, и задумкам князя Засекина.

В данное время по месту самарского градостроительства кормилось до двух сотен стрельцов и мужиков, свыше сотни голов лошадей, немного домашнего скота. Войсковой набор располагал сорока самопалами, полусотней пищалей, четырьмя пушечками. Пороху не хватало. Подножного корму тоже в обрез. А, хошь не хошь, нужно дотянуть до весенней оттепели, дабы приготовить всё требуемое для воздвижения крепости и по возможности раньше начать закладку стен.

Известия о выкрутасах казаков встревожили и омрачили Степана. Не ко времени, совсем не ко времени взялись они злобить «шалостями» ногаев. В любой день разъярённые орды могут хлынуть на урочище Самарское. И тогда: прости-

прощай давняя мечта правительства об оборонительном орешке в этом пустолюдном, но бесподобном месте.

До вечера Бердыш со Звонарёвым успели съездить к реке Самаре, что в двух с половиной верстах от застройки. Убедился в редкостно выгодном расположении будущего городка. В самом деле, что может быть лучше? С двух сторон – большие реки. Отличная гавань. Широкий холм, с которого на многие поприща просматривается степная низина. Самара, безусловно, обещала стать незаменимой перевалкой для торговых кораблей и воинских частей, крепостью-портом, а также дозорной высотой за степями и реками Волгой и Самарой.

Ближе к ночи Стрешнёв, Бердыш и десятские расселись на длинных ослонах в огиб гладко струганной столешницы. К полному изумлению Степана, хлебосольный «почти голова» выставил подносы с жареными гусями, козлятиной и два кадушкообразных сосуда с невесть откуда взявшейся в такой глуши царской романеей.

Выпили крепко, закусили жирно, толкнули самые замысловатые здравицы. За здоровье Государя, Ближнего боярина Годунова и всех вельможных бояр, за сидящих за столом и за погибель всяких супротивников, начиная от Батура и кончая малоизвестными ногайскими султанчиками. За славу Москвы – третьего Рима. За процветание Самарского городка...

...Начало марта выдалось некстати суровым. Лютые холода неволили дни и недели, стреножив круто и сердито. Но в одночасье узда ослабла, разрешась оттепелью. Спешно доготавливались стенные брёвна: на случай пропажи меченых. В зиму мимо главной избы проложили длинную одиарку – рядок изб для ожидаемого подспорья из Астрахани и Казани: воеводская, приказная, зелейный амбар. Построить стены так и не спелось: оцифиренный под башни лес ждали северным сплавом, с воеводой. Народу убыло: плод изнури-

тельного зимнего труда. А вот войско приросло за счёт кольцовского подкрепления. Семейка возглавил казаков и отряд иноземцев. Сил теперь, глядишь, и для отпора заблудному супостату достанет.

Сгинул месяц холодов. Изживая зимнюю хворь, природное пробуждение напугало снежную унылку, вытряхнуло из шубы заспанную свежесть, подзудило силу, ещё далекую от буйства.

С волнительным возбуждением ждали прибытку: строительного и военного.

И вот! В конце кветеня-месяца, лишь стаяли последние крыги, один за другим приплыли плоты и насады. Сначала с севера, попозже – с юга. Разлившись, Волга и Самара близко-близко подкрались к месту возводимого детинца, что облегчило выгрузку и доставку меченых (близ Казани подогнанных, собранных и снова разобранных к сплаву) брёвен для острога. Не обошлось без накладок. Одно судно с короткими башенными заготовками напоролось на скрытые паводком топляки, и местно запасённые комли впору пришлись.

В мае заселили протянутую наскоро одинарку. Рядом раскинулась охалка временных куш. В трёх верстах к юго-востоку – селище для лесорубов. Лес там отборный, крупный. Блесткая медь рудовых сосен. Корабельный клад. В строящемся городке отныне жило до двухсот работных людей, до ста военных: треть – иноземцы, в основном русичи из Литвы. Что важно – набиралось десятка полтора пушкаррей.

У Степана хлопот хватало. Заездился. Тоже вот помогал Стрешнёву посвящать в дело князя Засекина, которому выпадали долгие отлучки: дозоры, разъезды, объезды, побывки на дальних засеках, сношения с начальством. Притом, что прямого указа о произведении в воеводы ещё не было. Оно и понятно: не было и самого города.

Засекин был тучноват, кряжист, далеко не глупый человек. Правда, малость резок и суров, что в поступках, так и, чего греха таить, в образе мыслей. Знамо дело... Из древне-

го рода ярославских князей, давно утративших свою былую силу, всю жизнь тянул Григорий Осипович военную лямку. Пятнадцатилетним отроком впервые примерив латы, уже довольно скоро проявил себя толковым военачальником в Ливонской войне. С начала 70-х не раз руководил лихими вылазками отборных сорвиголов в финских уделах. Отличился и в крупных боях. Сметка, властность и бытовая предугадливость оставляли надежду, что воевода не только освоится с особенностями новостроя, но и поправит в лучшую сторону крепостные недоглядки.

В стройке главным ему помощником был второй воевода Елчанинов, давний знакомец князя.

По-мужски суровую внешность Григория Осиповича портила надорванная в боях губа, обнажая левый клык. За что и прозвали Зубком. Впрочем, эта наружная примета недурно подкрепляла зубастость княжьего нрава, его умение держать зуб на неугодника.

Прямоту и неласковость Жирового выгодно смягчал деловой Елчанинов – дяденька услужливый, но без угодливости, расторопный, но без мельтешенья. С его приездом возведение кремля ускорилося. За новенькой стеной, обращённой к степи, рыли добавочные шанцы. В пяти местах поблизь наладили страховочные укрепления, два – в Девьих горах. Городок оброс пригонами для скота. За время поводи настругали пять паузов для скорейшей речной переправы. На пяти башнях – из одиннадцати – настилались роскаты для пушек. Всё вокруг встрепенулось.

Поутру бабы в утеплённых шугаях стирали бельё в реке. Казаки и вои бойко заигрывали с молодками, одаряя нажитым службой, а то и татьбой: сапоги, убрusy, накосники, шёлковые головные ленты...

В новой часовенке, храм-то ещё не был готов, обосновались поп и два дьячка. Сразу по приезде набожный Жировой-Засекин участок в середине осадного двора отвел под храм Пресвятой и Живоначальной Троицы. Под навесом у княжеского дома выстроилась череда тяблов – киотных рядов.

После выстрелившей за сотню сажений одинарки все силы были брошены на исторопную подготовку крепостных основ.

По ходу строительных работ Степан близко сошёлся с Елчаниновым. В будущем голове всё и нравилось, и влекло: дружелюбие, толковость, редкая приспособляемость, вплоть до полной при необходимости аскезы.

ПЕЧАТЬ ХОЗЯИНА ОРДЫ (отрывок из повести)

Воевода скатал читаный верх свитка.

Брр! Вовремя же нагрязнул он в Самару: переписать заставил, как надо, а не как у них. Оно, конечно, Лалов и Елчанинов, олухи невместные, смикитили и без него чуток.

Но верный делу ход и правильное наклонение способен дать лишь воевода.

И нынче первый в сыске кто? Конечно, он.

Татарский, из трёх оковренных скамей, топчан завешен пологом в лазурь из алтабаса. Под брюхом столик, за спиной река. Откушав мушкателя, окинул глазом путевые яства. В ведёрке клюквенно-капустного рассола дразнились горстки из солений. А с блюда плакал кус копчёной лососины, весь в усиках белужьей визиги. На крошечные перлы расползлся чёрный островок икорки с лиманчиком из студня, да в масляных груздёчках, с укропчиком. А прямо на столешнице лакомо дымится блинный ком с пригорками рубиновой икры. Ну, жареные рябчики, сметанные ерши, завяленная глухарятина и всяка мелочь – кулебяки-пирогги...

Всё так себе, конечно, но, бог даст, перебьёмся. Чего-чего, а закусить он был горазд. Что, впрочем, службе не мешало. Где только не отвоеводил. И, в общем, целко бил врага. А сколько суждено ещё? Допустим, нынче не какой-нить шлях Изюмский – Первопрестольная Гришатку ждёт, об чём самой не до ума! Хи-хи!

Воевода хитро прищурился в кубковую бронзу: мол, вот каков я, гость самарский. Без упреждения начальства прямоходом в Кремль наладился – из первых уст донести! С кубка зайчик спрыгнул: скок-поскок по водной ряби, смешался с тьмой близняшек. За кормой бугрились, оседали, шли в разлёт пенные «полозья».

Хруписто почавкав арбузом, он распустил роскошный пояс, заголилось пузо.

«...Ногаи никогда ханством не были, завсегда оставаясь кочевой ордой с выборным набольшим князем, бием. Ихний мангытский боярский собор (курултай из мирз) заведен был великим темником Эдигеем. Мирзы, сии улусные князья ногаев, и есть потомки Эдигея, но у новых биев дети тоже мирзы. Оттого круг их для выбора изрядно узок. Иное дело крымский хан, от бия у ногаев тем отличный, что титул ихний

наследный, ибо даден Чингис-ханом, ещё верней царевичем Ногаем из Джучиева колена. Вот и пресловуций бий Урус владел некими знаками власти над ордой ногайской. Как то есть панцирь с мордой волчицы и 70 хвостами по числу ногайских родов. То первый знак. Второй знак – это есть колчан Эдигея с волчьей головой. И третий знак – это есть налуч Ногая, коему с тылу не хватает трёх зубьев тамги Джучи (первенца Чингисхана и батюшки Бату-хана). Тремя сими зубьями искони владеют крымские Гиреевичи. В недавней сече...»

Воевода ухмыльнулся: «Сеча – слово внушительное, лучше сшибки».

«...сече под Самарой ногайский мурза Канай, улепетывая от наших казаков, обронил сей саадак, но его отбил его слуга Ящурка-батырь. Сей батырь спрятал колчан с налучьем в лесу и потерял. Трёхрогий же гребень Ногая и Джучи притомил царевич крымский Гиреев Муратка, коего ты, Государь, четвертого года поставил владетельным князем на Астрахань. Однако негодящий сей Муратка заимел нечестный умысел подверстать под свой жезл ногаев, а равно Крым, чтоб воскресить Золотую Орду. Под ту злокозлую затею он скрытно набирал поплечников. Князь Большой Ногайской орды Урус, чуя, что дни его сочтены, передал Муратке тамгу с золотым волком, а другую волчью тамгу на панцире своём дал своему племяннику Уразмахмеду. Впрочем, эти все предосторожности не уберегли Уруса от скорой гибели, где не ждал, произведенной в Казыевом улусе здешним бием, также свернувшим себе шею».

– О, как! – с восторгом хмыкнул воевода и всосал со всхлопом хрусткую визигу. – Пасут Муратку волк ногайский и пастух кремлёвский.

«А верным подельником Муратки Гиреевского в Больших Ногаях стал властительный мирза Кучумка. И ономясь, идучи водою с Москвы, царевич Мурат на речке Сок проведдал о гибели Уруса и взял в голову передать тому Кучумке трезубый ханский знак с тем, чтобы сей Кучум-мирза под все

три знака (Эдигея, Ногая, Джучи), и следственно под Мураткин бунчук, собрал верников новопреставленного Уруса-бия ногайского. При этом лукомудрый царевич сию передачу придумал замарать нашими руками, искусив на то шлюшку астраханскую Деменшу, а также безвинно подложив Семейку, служилого казачьего начальника на Соку. Однако Господь Бог наш Иисус Христос не дал супостатам до победы дотыкаться. И сроду не дотычутся, покуда Троица заедино на страже веры нашей, православной, и слуг ея беззаветных. А всё так потому хорошо наладилось, что бдительным оком нонешнего самарского воеводы Овцына все каверзы были прозорливо предувращены. По велимудрому наущению того воеводы, Григория Семёновича, я, Лалов Пелгушка, подьячий приказной самарский, устроил недалече свалку никудышных бортей. А подговоренный держальник бывшего воеводы астраханского и нонешний самарский приказной староста Колотов Фалалейка байку лукаревую пустил, отчего, кто ведал что про клад Ящурки батыря, то и уверился, что сии пчелиные дома связаны с тайником хозяина Орды. А кто не ведал, то и вовсе запутался»...

Так-то, Пелгуша, «по велимудрому наущению воеводы», а не по твоей подьяческой выдумке. Туда же, заячья подмышка, хи-хи... Но дальше:

«...Муратка же Гиреевский верно высчитал: сдам ногаям Астрахань и Самару, за что наберу орду присяжников для восшествия в Крыму, где верну себе стол отцов. А уж тогда малому отродью Уруса в Больших Ногаях одно то лишь останется, что ко мне приткнуться. А поелику и Казыев улус без головы теперь, то Муратка бы клич метнул, и за него бы встали Малые Ногаи, равно как мансурульская конница крымского хана, вся как есть ногайская. Таков был, полагаю умишком невеликим, умысел князя Муратки, что и ныне ждет вестей от своего холопишки Кыдыра, коего войско...»

До чего ловко заставил Пелгусия «полста» на «войско» перебелить – звучит!

«...коего войско мы ночью порубили в лесу самарском, а убёг лишь оный сыч ногойский Кыдыр к жунгарцам, коих тем же днём к предкам наладил воевода Овцын и безо всякого урона нам»...

* * *

Синева расплеснулась вдали.
Небо, Волга – особенный сказ.
В сердце Русской заветной земли
Город радует душу и глаз...

В его имени нежность и крик,
В нём история, подвиг и боль,
Песнь разбойника, Ангела лик...
Он – Самара, наш гимн и пароль.

Славный город больших перемен,
Где святой и бурлак – все равны,
Обошёл тебя вражеский плен,
Город Куйбышев – гордость страны.

С правой верой Святитель венчал
Город Солнца на Волге-реке,
И космической вахты причал
Притаился на древней Луке.

День прекрасен и ласкова ночь,
Светел путь, будто клин журавлей.
Нам с Самарой расстаться невмочь,
Не прожить без седых Жигулей...

Портнягин Олег Алексеевич Сызрань

Родился 20 октября 1948 года в Мариинске Кемеровской области. Служил на флоте водолазом-глубоководником. Окончил филфак Иркутского госуниверситета. Работал грузчиком, электриком, учителем русского языка и литературы. Последние 40 лет – в журналистике. Живёт в Сызрани. Руководитель Сызранской организации Союза писателей России, редактор ежегодного литературно-художественного альманаха «Сызранская излучина».

Стихи О. Портнягина печатались во многих литературно-художественных изданиях страны. Автор 6 поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И. Дмитриева и Губернской премии в области культуры и искусства в 2017 году. Член Союза писателей России.

* * *

Рвани стоп-кран!
Колёса с визгом
Рассыплют искры между шпал.
А то – гляди! – проедешь Сызрань,
Вокзал которой ты проспал.

Рвани, пока в окне вагонном
Не промелькнула Сызрань-два,
Пока состав, не взяв разгона,
Стучит колесами едва.

Начальник поезда капризно
Начнёт ворчать: мол, стыд и срам.
Но он не знает город Сызрань,
А то бы сам рванул стоп-кран.

Все города ему и веси –
Лишь остановки на пути.
Тебе же не сойти здесь если –
С ума сойти!

В ПОЕЗДЕ

На казанском поезде
Едем из Самары.
Маловато скорости
И комфорту мало.
Но колеса крутятся,
Но в вагоне заднем
Нету места грусти –
Все места здесь заняты.

Дочка едет к маме,
Мама едет к дочке,
Едет дед с медалями
К внуку-вертолётчику.
Разговоры разные,
Тары-бары бурные:
О прошедшем празднике,
О футбольной сборной.
Но, привычен к шторму,
С храпом образцовым,
Спит матрос. А что ему? –
Демобилизован.
Перегоны быстрые,
Остановки долгие.
Под колёса выстелил
Рельсы мост над Волгою.
Встретились однажды.
Сызрань – через полчаса.
А прощаться – надо же! –
Нам уже не хочется.

МАЛЫЕ РЕКИ

Сызранка с Крымзой слились, а потом –
Путь им недолгий:
Вешней водою пройти под мостом
К матушке Волге.
Встретила воду большая река
Плеском уклеики.
И возвратились в свои берега
Малые реки.
В здешних местах у погоды всегда
Нрав был капризный.
Но не иссякнет и летом вода
В Сызранке с Крымзой.
Сколько ни выпьет из них летний зной,
Хоть понемногу
Будут поить родниковой водой
Матушку Волгу.
В правобережье великой реки –
С нею навеки.
Знать, вместе с Волгой и вы велики,
Малые реки!
И остаются в душе навсегда
Строки простые:
Это – не просто живая вода,
Это – Россия!

МУРАНСКИЙ БОР

В. Кожемякину

Муранский бор, тропинка узкая,
Берёз и сосен хоровод
Июньским днём в тебе аукнутся
И отзываются весь год.

Забудешь разве лучезарные
Рассветы над Усой-рекой,
Когда и сам ты словно заново
Рождаешься в тиши глухой?

И километров окоlesiца
Как будто вовсе и не в счёт,
Когда тебе под вечер встретится
Коричневый боровичок.

И чай с душицею пахучею,
И плеск уклейки на волне –
Не самое, конечно, лучшее,
Что жизнь дала тебе и мне.

Но вот уедем к морю Чёрному
Иль на хребты Уральских гор.
И все вздыхаем там о чём-то мы.
Не о тебе ль, Муранский бор?

НАВСЕГДА

От Кашпира и до Белова дома,
А далее – до трассы на Москву –
Мне всё до каждой улочки знакомо,
Поскольку здесь давным-давно живу.

По улице старинной где-то в центре,
По Монгоре ль пришлось проехать мне –
То там, то тут блещут крестами церкви.
Всё больше их на сызранской земле.

По-разному живут, конечно, люди:
Некрепок дух, и небезгрешна плоть.
Но город наш Всевышний все же любит.
Жалеет нас и милует Господь.

Не потому ли сызранцы так часто,
Облюбовав другие города,
Не могут в свой родной не возвращаться,
И не на день-другой, а навсегда?

РЫБАК

Берег выходит из мрака.
Ветер на Волге не спит.
Словно шальная собака,
Рвётся моторка с цепи.

Видно, не очень-то скоро
Угомонится вода.
И рыбачок в эту пору
Не поплывёт никуда.

Сядет на камень прибрежный
И погорюет опять:
Рыба всё реже и реже
Стала на Волге клевать.

Правда, берут понемногу
Щука, и лещ, и судак.
Тралами вычерпать Волгу
Не удаётся никак.

Вот потому-то нередко
Ночью рыбаки не спят.
Ждёт, чтобы выйти на реку,
Снявши моторку с цепи.

САМАРА

И Самару-городок, и мегаполис
Я в своих воспоминаньях берегу.
И о будущем Самары беспокоюсь,
Хоть давно живу на правом берегу.

Ну а ты на левом значишься, Самара.
По-над Волгою растёшь и вширь, и ввысь.
Этажей и площадей тебе всё мало,
Как ты больше и новей ни становишься.

Много чем, Самара, можешь ты гордиться.
Ведь не зря теперь гремишь на всю страну.
Только жаль, что ты, губернская столица,
Нови радуясь, теряешь старину.

Сколько б ты преобразиться ни старалась,
Не должна быть всё же память коротка.
Очень хочется, чтоб в будущем осталось
Ну хоть что-то от Самары-городка.

СКОРЫЙ

Скорый поезд «Самара – Москва»
Рассекает со свистом пространство.
Вроде только уснул ты едва,
Как в столице пора просыпаться.

Поголяешь в Москве день-другой,
Подустанешь от шума да гула
И почувствуешь: тянет домой –
Так, как даже в Москву не тянуло.

Ты успеешь опять в скорый сесть.
По пути повстречаешься с Инзой.
Можно было бы выйти и здесь,
Если б не было станции Сызрань.

То и дело глядишь из окна:
Перелески, поля, косогоры...
Где же Сызрань? Да где же она?!
Что ж ты едешь так медленно, скорый?

СТРАНА

Ребята, видно, мы не поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.

Не поняли, зачем на нехристей
Водил дружины князь Донской,
Зачем с такой жестокой нежностью
Кутузов жертвовал Москвой.

А понимать и помнить надо бы
Всё, что пришлось перенести.
И ставить вновь стальные надолбы
У лихоимцев на пути.

Они, проныры закордонные,
И свой, отечественный тать,
Марш похоронный нашей Родине
Готовы запросто сыграть.

Но мы живём назло всем выжигам.
Свой, хоть и горький, хлеб жуём.
И – дайте срок! – не просто выживем,
Не хуже прочих заживём.

Чтоб и они однажды поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.

Портнягин Илья Олегович Сызрань

Родился 23 ноября 1972 года в Иркутске. С четырёх лет живёт в Сызрани, окончил школу и Тольяттинский химико-технологический колледж. Служил в группе советских войск в Германии. С 1993 года работает на сызранской нефтебазе в АО «Самаранефтепродукт».

Увлекался поэзией с юных лет. Стихи публиковались в журналах «Русское эхо», «Сура», «Молодая гвардия», альманахах «Стрежень», «Сызранская излучина», местной периодике. Автор поэтических сборников «Не кончается даль», «Незатихшее эхо».

И. Портнягин – Член Союза писателей России.

ГОРОДОК

Городок мой горемычный –
Захолустные места –
Старомодный и обычный,
Хоть судьба и непроста.

Тут столичным закидонам
Места нет. Без них вполне
Колокольным перезвоном
Храмы греют душу мне.

Чем любовь к тебе измерить,
Дорогая мне земля?
В небо рвётся белый лебедь –
Башня Спасская Кремля.

Городок мой старомодный –
Приземлённые мечты –
Захолустный, но свободный
От столичной суеты.

ПАМЯТЬ

Война, ты оставила рваные раны
В сердцах и на теле Земли навсегда.
Уходят, как тени, твои ветераны.
Но сможет ли память пройти без следа?

Её так усердно стирают порою.
Бывает, и дома, но чаще извне,
Чтоб стало досадно и больно герою,
Что был он когда-то на этой войне.

Не будет досадно и больно не будет!
Скрывать нам не надо ни фактов, ни глаз.
Страна его подвиг вовек не забудет,
Ведь если б не он, так и не было б нас.

ПРОВИНЦИЯ

Как хорошо в провинции моей,
Где глушь, давно привыкшая к безлюдью,
Бродить осенним днём среди полей,
Вдыхая свежий воздух полной грудью.

Раскинув руки, наконец, понять,
Что только здесь так громко плачут птицы.
Когда придёт пора лететь опять
Туда – за горизонты и границы;

Что запах ветра, стынущей земли,
Травы пожухлой и дождей вчерашних
Я различу и в лужах, и в пыли,
В соломинках на жирных чёрных пашнях.

Как хорошо бродить среди полей,
Которые тебе навек родные.
Осенний день в провинции моей
Прекрасен так же, как и все иные.

ДАЛЬ

Пойду, посмотрю, где кончается даль.
Ведь что-то за ней начинается снова.
Узнать я хочу заодно, не туда ль
Спускаются солнце и месяц-подкова.

Пешком по дурманяще свежей траве,
Наполненной летним теплом и покоем,
Иду я с кузнечиком на рукаве,
Пусть будет легко нам в дороге обоим.

Гнездо под ногами случайно найду
И, птаху спугнув, извинюсь я сердечно:
– Прости, дорогая, я дальше пойду.
Крылом та в ответ мне помашет, конечно.

И бабочки будут порхать надо мной,
Затмив пестротой неуклюжесть движений.
И сосны у речки вдруг встанут стеной,
Любуясь в воде красотой отражений.

Как всякий охотник, желая постичь,
Куда же фазан ненароком садится,
А также иная пернатая дичь,
Неплохо б на радуге мне примоститься.

С неё бы увидеть, где бродят ветра,
Услышать шум волн у родного причала.
Ну, хватит мечтать, мне в дорогу пора,
Пойду, посмотрю, где у дали начало.

САМАРСКИЙ ВОКЗАЛ

Купил в Самаре я до Сызрани билет.
Да не в СВ, а на простую электричку.
Я на вокзале этом не был тыщу лет!
И, побывав, решил: сменю-ка я привычку.

Такой красавец из бетона и стекла!
Он тьму народа переваривает быстро.
Волна людская накатила, потекла...
Вмиг схлынула, и на фарватере всё чисто.

Вдруг надвигается как в шторм девятый вал –
Призывники бегут к присяге и поганам.
Но волнорезом быть вокзал не уставал –
Опять расплёскивал народ по всем вагонам.

Скучать не будет он ни по кому из вас
Ни в понедельник, ни во вторник и ни в среду.
Всё потому, что заскучает он сейчас.
А как иначе-то?! Ведь я сейчас уеду.

Прохорова Анна Борисовна Самара

Родилась 13 апреля 1972 года в Куйбышеве. Член Российского союза писателей, представитель творческой группы государственного автономного учреждения Самарской области «Самарское областное вещательное агентство», информационного портала газеты «Волжская коммуна».

Анна пишет стихи и песни. Дуэт супругов Анны и Андрея Прохоровых возник в 2001 году после рождения младшей дочери Александры. С тех пор они принимали участие в различных фестивалях и конкурсах, четырёхкратные победители интернет-конкурсов бардовской песни клуба «Самарские барды», принимали участие в благотворительных проектах и концертах для людей с ограниченными возможностями. С 2019 года Анна постоянная ведущая и соорганизатор проекта клуба имени Валерия Грушина «Грушинские четверги».

В 2018 году вышел сборник стихов А. Прохоровой «Что с тобою случилось, Апрель?..», её произведения размещены в коллективных сборниках литобъединений Самары.

КТО СКАЗАЛ, ЧТО ОСЕНЬ ГОРЬКО ПЛАЧЕТ?

Кто сказал, что Осень горько плачет?
Просто отмывает краски лета.
Просто хочет выглядеть иначе,
Просто любит быть другого цвета.

После сарафанчиков в горошек –
Деловой костюм. Пожалуй, серый,
В цвет небес, что виден из окошек.
Осень – это стиль и чувство меры.

Разве что бордовая косынка
Или модный галстук ярко-рыжий
Выдают характер с чертовщинкой.
Впрочем, Осень может быть бесстыжей,

Полностью сорвав с себя одежды,
Закрутить роман с бродягой-Ветром.
Но, не оправдав его надежды,
Медленно уйти в морозно-светлом.

**Семиколенова Лариса Вячеславовна
Самара**

Родилась 22 января 1958 года в Куйбышеве. Окончила филологический факультет Куйбышевского государственного педагогического института, работала учителем русского языка и литературы. Пишет стихи, делает стихотворные переводы. Она редактор литературно-творческого объединения «Ли́ра», организатор и администратор литературного конкурса «Поэтическая радуга», ведущая сайта lira-samara.ru.

И. Семиколенова – активная участница творческих проектов, автор и редактор коллективных сборников стихов и прозы, выпустила авторскую книгу стихов.

ГОРОД ТРУДОВОЙ СЛАВЫ

К 70-летию Победы.

Воскресный день. В разгаре лето.
К себе манят аттракционы.
Ты заслужил, бесспорно, это.
Отец тобой весьма доволен.

А впереди – одно лишь счастье...
И весело щебечут птицы.
Мечты разбиты в одночасье:
Война в твой дом уже стучится.

И завтра ты в военкомате:
«Прошу зачислить добровольцем».
Накажешь на прощанье брату,
Чтоб мать берёг... И не вернёшься.

«Погиб в бою», – напишут скупю.
Враг у Москвы. Всё строже лица.
А город твой осенним утром
Назначат «запасной столицей».

Надолго отодвинув книжки
И школьные покинув стены,
Пошли девчонки и мальчишки
К станкам, своим отцам на смену.

Снаряды требовались фронту,
Зерно, патроны и машины.
И «чёрной смертью» самолёты,
Враги по праву окрестили.

Работали по две-три смены
Подростки, женщины и дети,
Дежурили под вой сирены,
Чтоб самолёт врага заметить.

Ваш труд в тылу, как подвиг ратный,
Страной отмечен орденами.
И воинской победой славной
Гордится Куйбышев по праву.

СТЕПЬ

Степь... Развесил седины ковыль.
Чайный запах травы чабреца.
Во все стороны – воля и ширь,
Свежий ветер, простор без конца...

Тут давно, приминая полынь,
Силы брал у земли богатырь.
И, быть может, среди этих долин
Объявлялся чудной алатырь...

Здесь, на волжских степных берегах,
Стенька с вольницей верной ходил,
И Ермак, разудалый казак,
Шёл отсюда в поход на Сибирь.

Здесь орёл в поднебесье парит.
Страж степной охраняет века.
Только свистни – услышишь вдали
Ржанье сказочного Горбунка...

ТВОЙ ГОРОД

В этом городе вновь задержалась зима,
И так хочется спелой клубники и вишен...
В этом городе всё ещё живы дома,
Где гуляют коты по карнизам и крышам.

В этом городе всё ещё пишут стихи
О счастливой любви и о встречах беспечных.
И каштаны, шеренгою встав у реки,
Тянут свечки цветочные солнцу навстречу.

Этот город запомнил тебя и меня.
Здесь расскажут о каждом немало историй.
Этот город нельзя на другой променять!
Есть красивей, конечно. Но это твой город.

СЕДЬМАЯ

7 сентября 2019 года в Самаре открыт памятник Дмитрию Шостаковичу. Это событие совпало с музыкальным фестивалем имени Шостаковича.

В погожий вечер сентября
На главной площади Самары
О горьком музы говорят:
Звучит симфония. «Седьмая».

И вновь безумный крысолов
Под прусский марш ведёт колонны.
Фагот взывает: «Будь готов!
Зла в мире всё ещё довольно».

На кадрах старого кино
Враг топчет выжженную землю.
От взрывов страшно и черно.
Терзанию флейт с тоскою внемлю.

В честь Шостаковича аншлаг.
И фестиваль – ему в подарок.
Известность к гению пришла
В военный страшный год блокадный.

Из Куйбышева в Ленинград
Летела птицей партитура.
И не было иных наград,
Чем ноты и клавиатура.

Гремела музыка, звала.
Победной песней пели скрипки.
И в каждый дом она вошла,
Неся надежду и улыбки.

Отринув голод, страх и смерть,
Она дала такую веру:
Да будет уничтожен зверь,
И выметена будет скверна!

И «Днём Победы средь войны»
Стал день звучанья «Ленинградской».
От ярой «огненной» волны
Враги стремились в землю вжаться.

И ни один снаряд чужой
Не разорвался в Ленинграде,
Пока звала на смертный бой
Симфония, прорвав блокаду.

Семичев Евгений Николаевич Новокуйбышевск

Родился 5 ноября 1952 году в Новокуйбышевске Куйбышевской области. Завершив обучение в школе, поступил и успешно окончил в 1971 году Куйбышевский государственный институт культуры. Был слушателем Высших литературных курсов при Литературном институте имени А.М. Горького. Работал преподавателем в Самаре, затем директором новокуйбышевского Дворца культуры. Поэт, член Союза писателей России.

Его первую книгу читатель увидел в 1991 году – это была книга стихов «Заповедный кордон». Поэтические произведения Е. Семичева постоянно публикуются в федеральных и региональных периодических изданиях.

Он является автором 12 книг поэзии и 2 книг переводов.

ЮГРА

Проделав путь томительный, неблизкий,
Приветствую тебя, моя сестра,
В Самарове (читай, в Ханты-Мансийске)
Вогульская остяцкая Югра.

Сорвавшийся с лихого крутояра,
Твой волжский брат, растроганный до слёз,
Земной поклон от города Самары
И жигулёвской вольницы привёз.

Готов поклясться нашей общей мамой,
Что не один я нынче с толку сбит.
Раскопанный в степи заволжской мамонт
Своим югорским родичам трубит.

Когда бурлит над Волгой вешний ливень,
Тараня грозовые облака,
Над степью выгибается, как бивень,
Гудящая Самарская Лука.

Когда клубятся волжские туманы,
Вздымаясь до небесной высоты,
Толпятся жигулёвские курганы,
Как первобытных мамонтов хребты.

Самарово – и я самарский, то бишь! –
В любви моё признание прими.
Ведь все мы – дети мамонтовых стойбищ,
По Божьей воле ставшие людьми.

* * *

Лопатино – сельцо родное бати...
Бывало, в детстве хлипкого меня
На хлебосольной струганой лопате
Сажала в печку бабушка моя,

Чтобы в моём мальчишьем теле хвором
Последний уголёчек не затух.
И обдавала квашеным рассолом,
Из тела изгоняя хворный дух.

И тёрла мыльной пеною солёной
Так, что душа пылала горячо...
Я выходил из печки раскалённой
Поджаристым румяным калачом.

Меня снимала с огненной лопаты
И выносила бабка на руке
С поклоном, словно в царские палаты,
В мир Божий на расшитом рушнике.

Я жадно сказки бабушкины слушал
И бабушкины кушал пироги.
Я понял – не совсем был прав Ванюша,
Что не полез в печь бабушки Яги.

О, детство, ты льняной рушник крылатый!..
Пока на белом свете я живу,
Лопатино и хлебную лопату
Недаром милой Отчиной зову.

Пускай ты знаменитостью не стало,
Сельцо моё, но волею судеб

Не на метле по небу ты летало,
А на земле лопатило свой хлеб.

* * *

В городишке уездном
Я живу – не тужу...
По мерцающим безднам,
Как по лужам, хожу.

Высока и отвесна
Надо мной тишина...
Что для русского бездна?
Мать родная она!

Лист кленовый ложится,
Как ладонь, на плечо...
«До свиданья, дружище!
Будет встреча ещё!..»

Здесь, в родном захолустье,
Нестерпимо порой
Пахнет древнею Русью
И землёю сырой.

Как приятель любезный,
Дождь идёт по пятам...
Мир летит ещё в бездну,
Я – давно уже там.

«Что хорошего?» – спросят.
Никаких перемен!
Разве только что – осень
В тихом город эН.

* * *

Привет вам, цветы полевые,
В мой отчий влюблённые край.
Когда вас увидел впервые,
Проснулся в душе моей рай.

Я понял, что рай ещё помню.
И поля шатровый овал,
Как щедрюю руку Господню,
Создавшую вас, целовал.

Простите, анютины глазки,
Татарник, шалфей, иван-чай,
Что прежде без дружеской ласки
Я вас оставлял невзначай.

Поклон вам мой самый сердечный.
В родимой моей стороне
Своей красотой безупречной
Вы сердце утешили мне.

Я вас заключаю в объятия,
Когда на коленях стою.
Мои молчаливые братья,
Мы встретимся в Божьем раю.

Небесной согретые дланью,
Цветущие каждой весной,
Не вы ли земное признание
Всем сущим в любви неземной.

Я плачу по Родине отчей,
А вы благодарно в ответ,
Склоняясь, целуете очи
И сердцу даруете свет.

* * *

Самара – ночная жар-птица,
Родная моя сторона.
Кому – запасная столица,
Кому – записная жена.

Спасибо тебе, фон Вакано,
Хмельной тараканище шлёт,
Что в кухне моей из стакана
Напитки культурные пьёт.

Немецкий расчётливый бургер,
Ты пивом своим знаменит.
А нам грозный сталинский бункер
Дремать-почивать не велит.

Прижились мы сбоку-припёку
У Волги на самом краю.

Но всё же мы ближе к востоку,
А это почти что в раю.

Не будем о дьявольских кознях
Пенять благодарной судьбе,
Пока ещё серенький козлик
Танцует на нашем гербе.

* * *

Из небесного Божьего рая
Я сбежал к тебе, милая Русь,
И, всю жизнь от любви умирая,
Вряд ли в рай после смерти вернусь.

Я согласен на смертные муки.
И сгорю на геенском огне.
Но в посмертной суровой разлуке
Не хватать будет Родины мне.

В судный час со смиренным лобзаньем
В ножки Богу-Отцу повалюсь:
«Не спасеньем казни – наказаньем!
Вороти в ненаглядную Русь».

Повинюсь Богу-Духу Святому.
Богу-Сыну в слезах поклонюсь:
«Отпустите до отчего дому.
Возверните в любимую Русь».

Я согласен на смертные муки.
И сгорю на геенском огне.
Но и в райской небесной разлуке
Не хватать будет Родины мне.

Солоницын Алексей Алексеевич Самара

Родился 22 марта 1938 года в Богородске Горьковской области. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета в Свердловске (Екатеринбурге). Писатель, кинодраматург, член Союза писателей России с 1972 года, член Союза кинематографистов России. Работал в газетах городов: Фрунзе, Риги, Калининграда. С 1974 года живёт в Куйбышеве (Самаре). Принимал участие в работе Куйбышевской студии кинохроники. В 1986-1988 гг. был первым секретарём правления Поволжского отделения Союза кинематографистов России, младший брат актёра Анатолия Солоницына.

В Самаре, Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и других городах России и СССР вышло 50 книг прозы писателя. По его сценариям снято более тридцати документальных фильмов. Произведения Солоницына переведены на болгарский, венгерский, польский языки. На многих кинофестивалях сценарии Алексея Солоницына отмечены специальными призами и премиями.

Алексей Солоницын считает, что одной из главных его книг является роман «Самарское знамя».

Вот что он пишет в предисловии к роману: «Высший духовный взлёт самарского народа я увидел в том порыве, которым была охвачена Самара вместе со всей Россией в 1876 году. Именно Самаре дана была счастливая возможность воплотить этот порыв в создании САМАРСКОГО ЗНАМЕНИ, сотворённого во имя братства народов. Во имя победы добра и любви над злом и ненавистью Россия поднялась на защиту восставшего болгарского народа, который 500 лет находился под османским игмом. И символом этой освободительной войны стало САМАРСКОЕ ЗНАМЯ. Как и почему оно создавалось, как под ним бились русские богатыри духа, я и решил написать. В романе действуют исторические персонажи – известные всей России великие наши полководцы, философы, живописцы: Михаил Дмитриевич Скобелев, Василий Васильевич Верещагин, Иван Сергеевич Аксаков и другие. Они главные и самарские исторические персонажи, и прежде всего Пётр Владимирович Алабин. Среди них есть и Иван Солоницын, который добровольцем ушёл на русско-турецкую войну 1877-1878 годов. О нём я узнал от нижегородских краеведов. Он был барабанщиком у прославленного генерала Скобелева, которого современники ставили вровень с Суворовым. Мой предок погиб в боях при Шипке. Командиром Знаменной дружины был подполковник Павел Петрович Калитин, героически погибший в боях под Стара Загорой».

САМАРСКОЕ ЗНАМЯ (отрывок из романа)

«Николай Васильевич Столетов, оставшийся руководить отрядом, отдал приказ занять оборону города. Дороги, выходящие из города, послужили местами расположения тех сил, которыми располагал Столетов. В центр он поставил Знаменную дружину Павла Калитина с ещё одной дружиной

болгарских ополченцев. Позади них, на ровной площадке, встала артиллерия. Всего у наших оказалось пять дружин ополченцев, один гусарский и два драгунских полка, отряд казаков. Артиллерия состояла из конной батареи и двух взводов горных батарей. Защитникам Болгарии предстояло сражаться одному против шестерых порабитителей.

Павел Петрович поскакал вдоль цепи.

– Братцы! – крикнул он. – С нами Россия, с нами Болгария! С нами Бог! Не посрамям землю славянскую! Землю святую! Знамя – развернуть!

Антон Марчин могучими руками поднял над собой Самарское знамя. Барабанщики Иван и Семён ударили в барабаны. Горнист Ростислав, юноша лет восемнадцати, завёл над головой трубу и протрубил сигнал к атаке. Бойцы вскинули ружья, приготовив их к стрельбе. Пушкари выкатили пушки на исходную позицию. Турки шли в наступление по всему фронту.

Наши стояли на взгорке, турки шли по полю, поросшим травой и цветами. Вот они ближе, ближе...

– Огонь! – скомандовал Калитин. Вспышки огня вылетели из жерл пушек. Раскат залпов разнёсся по зелёной долине. Первый ряд турок поломался, но тут же снова выпрямился: места упавших заняли солдаты из рядов, шедших следом.

– Огонь! Открыли огонь и турки: пушки заработали по правому и левому флангам. В центре турки стали палить из ружей. Они у них были английские, дальность стрельбы превосходила наши ружья системы Бердан – те самые берданки, которые потом стали в России так широко известны.

Николай Григорьевич понял замысел Сулеймана-паши – обхватить защитников города с фланга, зажав его в клещи.

– Наступать! – отдал генерал приказ через ординарца полковнику Краснову, и дончаки, выхватив сабли, лавиной понеслись на своих скакунах на врага. Турецкая конница тоже выдвинулась вперёд и поскакала навстречу казакам. Но – поздно! Казаки скакали быстрее, и вихрь их атаки оказался для турок смертельным. Сулейман-паша отдал при-

каз усилить артиллерийскую стрельбу на правом фланге, и дончаки вынуждены были задержать наступление.

Мощное подкрепление направилось на центр обороны. Однако и эта атака была отбита. Наши ряды редели, но никто не отходил назад. Падали, умирали, но их место занимали живые. И продолжали держать оборону.

...Турки давили числом. Им удалось вклиниться в знаменную дружину, прорваться справа. Они намеревались захватить Знамя, зайдя знаменосцам с тыла. Нападавшие видели, что Знамя зовёт, Знамя реет, как знак непобедимости и негиблемости ополченцев. С расстояния в несколько шагов турок выстрелил Антону Марчину в грудь. Антон откинулся назад, но не упал.

Ещё один выстрел оборвал его жизнь. Древко Знамени подхватил «парижанин» Стоян Санищев и поднял Знамя над собой.

– Юнаки, вперёд! Не отдадим Знамени!

Штык турка вонзился ему в грудь. Стоян, падая, успел отдать Знамя унтер-офицеру Цимбалюку. Горстка ополченцев, ошестившись штыками, била нападавших. И Цимбалюка, не испугавшегося нескольких штыков, направленных на него, сразила только пуля, попавшая прямо в сердце.

Знамя подхватил Христо Минков, защищённый ополченцами, которые начали медленно отступать. Павел Калитин, видя, с какой яростью турки хотят отобрать Знамя, направил коня в самую гущу схватки.

– Братцы, дайте Знамя мне!

Христо, проколотый штыками, успел передать Знамя подполковнику.

– Умрём, но не сдадимся! – Калитин поднял Знамя над собой. Пуля пробила древко Знамени. Вторая пуля ударила в голову Калитина, окровавив её. Он стал валиться из седла на землю. Знамя с куском древка подхватил Фома Тимофеев, унтер-офицер. Его защищали, отходя к виноградникам,

ополченцы Попов, Донеv, Дадаев – все молодые, все в эти минуты опалённые отвагой, перед которой отступили враги и сама смерть. В этой круговерти Тепляков тоже был ранен ударом сабли. Он ощутил тёплую кровь на лице, а боли не почувствовал. Удар пришёлся по голове и лицу вскользь. Склонившись над убитым Калитиным, Иван вместе с другими ополченцами старался вытащить Павла Петровича из гущи боя. Это им удалось лишь на несколько метров: турки наседали, и бойцам пришлось защищаться, сражаясь.

...Дружина, отступая, миновала виноградники, вошла в город. Здесь улицы перегородили баррикадами из телег, домашней утвари, всего, что могло защитить ополченцев. Весь город, от мала до велика, встал на защиту. Бой за город продолжался весь следующий день. Потеряв большую часть отряда, остатки его, вместе с горожанами, которые сражались плечом к плечу с дружиной, вышли из города по дороге к Казанлыку, неся с собой Знамя. Простреленное, опалённое смертным боем, непобедимое, как непобедима сама жажда свободы, братства, любви к Отечеству земному и небесному. Знамя осталось жить и вести за собой освободителей – к Победе.

ВРАТА НЕБЕСНЫЕ **(отрывок из повести)**

С ранних лет ходила Люба с матерью в церковь, и ни одна служба праздничная не обходилась без этой девочки.

Дома, бывало, Любушка пела своей кукле: «Господи, спаси благочестивые и услыши нас...»

И удивительно было даже не то, что девочка запомнила многое из церковных служб, а то, что пение ребёнка было такое чистое, правильное, возвышенное.

Когда в воскресенье в церкви мама рассказала всё отцу Василию и он попросил девочку спеть что-нибудь, Любушка

ничуть не смутилась и в храме пред царскими вратами запела со всюю силою. Голос понёсся к куполу, переливаясь нежно и сладко. Все замерли, будто слышали ангельское пение.

Отец Василий, справившись с волнением, сказал:

– Место ей в храме Господь определил. Будешь петь в хоре, Люба?

– Спаси Господи, отец Василий. Моя бы воля, я бы из храма совсем не выходила.

И все подивились такому ответу ребёнка.

Чем взрослее становилась Любушка, тем звонче и певучей звучал её голос.

Единственное на всё село пианино и нотные альбомы были у учителя Феоктиста Даниловича. Он пытался привить девочке любовь к светской музыке, но не преуспел. Церковные песнопения с их возвышенной небесной гармонией так прочно вошли в душу Любушки, что арии и марши, которые наигрывал и напевал учитель, нравились девочке для домашнего обихода. А для заповедного, к небу устремлённого, от чего слёзы выступают на глазах и душа будто взмахивает крылами, как голубь под куполом, ей нужно было церковное пение.

Когда Люба подросла, посчастливилось ей попасть в Иверский монастырь. Там монахини отметили её чистое, возвышенное пение и предложили переночевать в монастыре, в комнатах для приезжих.

Перед сном Любушка перебирала в уме всё, что произошло за этот длинный день. Не спалось. Она встала, подошла к открытому окну. В небе сияла полная луна. Сад, церкви, колокольня, все дома монастыря были облиты ясным лунным светом.

«Это моё, моё», – поняла Любушка. В красном углу пред иконой теплилась лампадка. Любушка встала на колени. «Богородица, Пречистая и Пресвятая! Сделай так, чтобы я навсегда осталась здесь! Ничего мне не надо, только служить Всевышнему, Сыну Твоему, Тебе».

И молитва её была услышана. Вскоре она стала сестрой Евфросинией.

Сколько видела она удивлённых взглядов, сколько слышала недоумённых вопросов: ну зачем ты ушла в монастырь? Из-за несчастной любви? Из-за какой-то другой трагедии? О Господи, как же далеко нынешние люди отстоят от веры! О жизни монашеской знают из французских романов. Манон Леско, госпожа Бонасье, которую мушкетёры прятали от коварной Миледи...

Как мало встречалось людей, которые понимали, что служение Богу есть призвание, что никакой трагедии и не надо вовсе для того, чтобы уйти в монастырь. Вера – это любовь. Кому-то она даётся, а кто-то проживает всю свою долгую жизнь, а понимание так и остаётся таким, как у гимназистов, которые только что прочитали «Трёх мушкетёров». И так хорошо, что мечта Любушки сбылась, что жизнь прожита так, как того душа требовала...

Господь дал ей такое назначение, и она научилась следовать ему. Научилась молиться не только за ближних, но и за дальних. Ей вспомнилась девушка, которая однажды остановила её после службы и заговорила о том, что ищет

справедливости, праведной жизни. Она говорила горячо, даже страстно: все продали Россию, разорвали её, растерзали. Каждый думает только о себе, а надо думать о Родине. Почему Церковь не призывает бить негодяев-большевиков? Сестра Евфросиния не поняла: то ли – провокатор (а такие встречались), то ли действительно страдающая душа. Спросила её: а она молится о спасении своей души? И не начать ли спасение России именно с этого? Девушка презрительно усмехнулась и ушла.

Как много встречалось таких людей! Им кажется, что победа – это когда ты убьёшь своего врага. Они не представляют победы без насилия. Они не понимают, что сила-то как раз и заключается в том, чтобы суметь выдержать страдания, даже самые тяжкие.

* * *

После Октябрьской революции новая власть не ограничилась закрытием монастыря. В НКВД разработали хитроумный план ликвидации монахинь Иверского монастыря, которые не только остались жить, но и продолжали вести свою «чёрную» работу на дому. Решили дать объявление в газете «Волжская коммуна», что Иверский монастырь вновь открывается. Была твёрдая уверенность, что монахини сами стекутся к монастырю и взять их не составит никакого труда. Потом решили посадить их всех на старую полуразбитую баржу, вывезти на Волгу, за остров какой-нибудь пустынный, и, когда баржа затонет, пусть отправляются к своему Богу прямо в рай.

После объявления в газете в монастыре собрались семь оставшихся в живых монахинь Иверского. В их числе сестры Евфросиния (Любовь), Марфа (Вера), Епистимия (Татьяна), Прасковья и Варвара, Фотиния (Надежда) и Феодора (Александра).

* * *

Ветер напряг все силы, взвыл, а потом засвистел, как Соловей-разбойник. Баржа затрещала каждой своей дощечкой, но с якоря не сорвалась. С сухим треском, раздирая чёрное небо, пыхнула молния. Набирая силу, выстрелил гром, и потоки воды хлынули на землю.

Теперь баржу заливало и снизу, и сверху. Она давно бы пошла на дно, но ветер развернул её так, что под днище, где была самая большая пробоина, воткнулся топляк – плывущее под водой бревно. Вода прибывала медленно, через щели да ту пробоину, которую спиной закрывала одна из монахинь, сестра Марфа.

Когда дождь и ветер прекратились, в наступившей тишине стало слышно, как в щели течёт вода. Накренившись ещё больше, оседая кормой, баржа стала погружаться в воду. Сёстры поняли, что наступила минута прощания, и запели как в храме, дружно подхватив высокий голос сестры Евфросинии.

Из того места, где ушла на дно старая баржа, ударил в небо столп света. Он был таким ярким и сильным, что всё пространство над рекой зацвело.

Семицветный столп дугой выгнулся по небосводу, опустившись за краем поросших деревьями и кустарником гор, как раз там, где был створ Жигулёвских ворот. Семь дивных цветов неба горели ярко и нежно. Они плавно, мягко переходили один в другой, становясь нераздельным целым.

В эти небесные врата улетели лёгкие, насквозь пронизанные солнцем белые птицы.

Терентьев Владислав Юрьевич Самара

Родился 21 марта 1971 года в городе Куйбышеве (ныне Самара) в рабочей семье.

Поэт, публицист. Член Российского союза писателей, член Ассоциации поэтов и писателей «Арт». Магистр Международного Фонда «ВСМ». Автор тридцати поэтических сборников. Член самарского литературно-творческого объединения «Лира», учредитель и редактор поэтического журнала «Волжский стрелок», всероссийских обзоров «Жигули» и «Красная строка». Руководитель литературного клуба «Живое перо поэзии» ЛТО «Лира». Участник литературных семинаров творческих мастерских Е.Н. Семичева и Е.П. Чепурных. Публикуется в периодических изданиях России и за рубежом.

Лауреат литературной премии им. Григория Тер-Азаряна (Международный Фонд «ВСМ»). За работу с молодёжью и творческий вклад в развитие самарской поэзии награждён памятной медалью «Самара – город трудовой доблести», учреждённой Губернатором Самарской области.

Здравствуй, Святыня самарская –
Жизни волжанина нить!
Гордую, вольную, царскую –
Как мне тебя не любить?..

Ты моя суть и значение,
Тем и душе дорога.
Гонишь ты Волгу течением,
Крепишь её берега.

Твёрдая мудрая Старица,
Прочно сидишь ты в седле!
Плачу... и тянет покаяться
Отчей могучей земле.

Трудолюбивая, справная –
Даришь, чего ни спрошу.
Выпью я чарку заздравную,
Хлебом твоим закушу.

Всё, что тебе мною сказано,
Связано общей судьбой.
Ты мне ничем не обязана,
Сам я в долгу пред тобой.

С ДОБРЫМ УТРОМ, САМАРА!

Я прищурился. Солнце навывкате,
Гладит скверы, высотки, мосты...
Ни деньгами, ни словом не выплатить
Первородную дань красоты.

Волга плещет, у берега пенится,
Заиграла в рассвете коса,
А Самара, как девица, ленится
Открывать спозаранку глаза.

Вновь зашаркали мётлами дворники,
Заскрипели петлицы ворот,
Наполняет движением дворики
Работающий самарский народ.

Полчаса остаётся, и заново
Встрепенутся родные края.
Это чувство душой осязаемо,
С добрым утром, Самара моя!

* * *

Всё своё от версты до версты –
И река с камышом, и карасики,
И смородины дикой кусты,
И кусачие пчёлы на пасеке.

Здесь гуляют ветра не спеша
По лугам, где тычинки да пестики,
Прикипела навеки душа
К небесам, где церковные крестики.

Это чувство с годами сильней,
Может, кто на меня обижается,
Но на тихой сторонке моей
Даже звёзды родными рождаются!..

А казалось бы – речка и лес,
Да кустарники мелкой смородины...
...Даже краешек этих небес
Отними – не останется Родины!

ГОРОД ДЕТСТВА

Мой славный давний город детства
Стоит на волжском берегу.
Любуюсь им и наглядеться
На буйство красок не могу.
Но среди той палитры рьяной
Всплывает маленький фрагмент:
Всё те же трубы и фонтаны,
И тот же Славы монумент.

Меж тополиных пышных веток,
Как связь ликующих когорт,
Всё так же стилин, так же крепок
Самарский корабельный порт.
И тихо старенький автобус
Меня, как в детстве, так же ждёт,
Ах, если б не рассудка строгость,
Уплыл ручьём в водоворот!

И не сказать, как это грустно,
Зарос к причалу детства след,
Ведь и ручьи меняют русло
Через каких-то двадцать лет.
А возле берега клокочет
Чернильно-чёрная вода,
Как будто выплакаться хочет,
Но не выходит – вот беда!

Устами волн напоминает
О чём-то позабытом мной,
Моя Самара, ты иная,
Твой светлый образ неземной
Теплом усердно согревает
Сердца поэтов, плоть и кровь,
И к вольнодумию взывает,
Тая свой возраст и любовь.

СТАХАНОВСКАЯ

Сентябрь.
Охалка рыжей опади
Хрустит, как свежее безе.
Вези меня куда ни попадя
Трамвай с эмблемой «РВЗ».
Вагон скрипит.
Мелькают улочки.
Устало дворники метут.
Притормозите на минуточку,
Я на Стахановской сойду.
Здесь всё моё, как будто сызнова
Копейкой выкатился в свет.
И память вдруг слезами брызнула,
Местечко отчее, привет!
Ещё живёшь, мой дворик старенький,
Среди родных карагачей.
Всё тот же стойкий запах драников,
И стук резиновых мячей,
И детвора твоя галдящая,
Что на задорный смех щедра,
И всё такое настоящее,
Как будто я рождён вчера.

Ушло.
Ни отчеств не оставило,
Ни адреска, в каких краях
Скрипит трамвай по рельсам старенький...
В нём едет молодость моя.

ЗДРАВСТВУЙ, ПРИБРЕЖНЫЙ!

Расстояние мне не помеха,
Не осудит небесный Отец,
Я в Прибрежный погреться приехал
Здесь чуткостью русских сердец.

На вопросы отыщем ответы
Да стихами насытимся впрок...
Земляки, не судите поэта
За характер написанных строк.

Человек ко всему привыкает,
Как бы жизнь ни сгибала в дугу,
Мне беседа дышать помогает,
Без людей я прожить не смогу.

Нынче день по-весеннему нежный,
Не загнать мою душу в силок.
Вот и свиделись...
Здравствуй, Прибрежный, –
Милый сердцу земной уголок!

Филимонов Владимир Алексеевич
деревня Дмитриевка Пестравского района

Родился 22 августа 1953 года, окончил Куйбышевский политехнический институт, служил в армии на берегах Енисея, в космических войсках. Работал на химических предприятиях в Новокуйбышевске, Нижнекамске, Шебекино, Баку, Волгодонске, Воронеже, Саратове, Бердянске, Энгельсе на должностях от мастера до начальника установки. В Куйбышеве работал на 4ГПЗ, после перестройки стал гравёром-каменотёсом.

Начиная со школы в свободное время брался за перо или кисть.

В 2008-м переехал в деревню Дмитриевка Пестравского района, где появилось больше возможностей для творчества. Его стихи напечатаны в поэтическом сборнике «Тропинка», в районной газете «Степь». В. Филимонов окончил экстерном художественную школу, его картины отмечены на районных, городских и областных выставках.

Вышли в свет три книги стихов и прозы. Рукоположен в сан священнослужителя (дьякона).

МИР ОГРОМНЫЙ, Я МАЛЕНЬКИЙ

Вот сижу на завалинке,
Наблюдаю закат.
Мир огромный – я маленький,
Телогрейка до пят,

Ноги в цыпках и босые,
Цвет волос как у ржи,
А ресницы белёдые.
Как хотел, так и жил.

И, заботы не ведая,
Бегал день напролёт.
Хлебом с солью обедаю,
Воду пил, словно мёд.

Речка пела осокою,
В зной прохладой маня.
Это время далёкое
Утешает меня.

Что нажил, унаследовал,
Не считая, отдам,
Чтоб на лошади дедовой
Проскакать по лугам

Мимо сада тенистого
И кривого плетня.
Нету более быстрого!
Догоните меня...

Солнце в дол опускается.
Моем ноги и – спать.
Детство с нами прощается...
Завтра с зорькой вставать.

БАТЮШКА В САМАРСКОМ СЕЛЕ ВЫСОКОЕ

В полях село – таких в России тыщи.
С пригорка, влево, хорошо видать,
На точной карте сразу не отыщешь
Высокое*, там тишь и благодать.

Проходит мимо торная дорога,
Проносится чужая кутерьма;
А здесь: трава у самого порога,
Простые, небогатые дома;

Три улочки, у речки – огороды,
Коровы, куры, маленький бычок,
Народ простой, как и везде, породы,
А надо всем – спокойный, мудрый Бог!

И всякий знает, где Он обитает,
В старинном храме, посреди села,
На солнце купол бликами играет,
По праздникам поют колокола!

Служитель в храме выслушает мирно,
Посмотрит через толстые очки;
А лёгкий запах ладана и смирны
Утишит сердца сильные толчки.

Такая ежедневная забота –
Просить у Бога милости для нас –
Его одна и главная работа,
Молиться утром и в вечерний час.

**Высокое – село в Пестравском районе Самарской области.*

Архиерей, архимандрит, священник –
Названий много, как ни назови;
Но люди просят в трепетном смирении,
С любовью: «Батюшка, благослови!»

У КЛАССИКОВ НЕ ЖАЛУЮТ ЗА ЭТО

У классиков не жалуют за это:
Пишу о птичках и красотах лета,
О запахе «эфира» из сарая.
Меня, как видно, это восхищает.

Волнуют кровь и услаждают взоры
Цветущих вишен белые узоры,
Цветущих яблонь розовый туман.
Пусть это – сон, пусть это всё – обман,

Но нет реальней ничего на свете,
Чем соловей, поющий на рассвете,
Чем легкий и прохладный ветерок,
Чем кот, пришедший утром на порог,

Или стакан парного молока,
Или в прохладе утренней – река.
Всё для меня реально и весомо,
Как неба синева, трава у дома,

Дымок из печки, запах пирога
И молодого месяца рога.
Всем дорожу, пожалуй, не напрасно.
Жизнь, согласитесь, все-таки – прекрасна!

ГУДЕЛ ЗАВОД В САМАРЕ

*Памяти самарских заводов:
4 ГПЗ, ЗИМ и других*

Жил завод, гудел, шумел станками.
Запах масла, стали и огня
Проникал и в дерево, и в камень,
До печёнок проникал в меня.

Этот запах будоражил душу,
Горн дышал, как сердце молот бил,
Городскую тишину нарушив,
Утром обывателя будил.

И рабочий знал – завод могучий
Будет вечно двигаться и жить,
Коли маховик раскручен круче,
То его нельзя остановить.

Сплачивались люди и машины,
Образуя крепкий организм,
Покоряя новые вершины,
Беззаветно веря в коммунизм!

Был завод, теперь его не стало.
Вместо цеха – горы кирпича,
Груды проржавевшего металла,
Пыль садится, и станки молчат.

Наступает новая эпоха:
Шум, реклама, яркое стекло!
Может быть, всё это и неплохо,
То, что было, в Лету утекло.

Ну а как же память, судьбы, люди?
Нет одних, иные далеко.

Даже если жизнь другая будет,
Позабыть, поверьте, нелегко.

Забывать, наверное, не надо,
Этот важный, правильный урок.
Пусть стоит в аллеях парка-сада,
Как напоминание – станок!

ЛАНДЫШИ ДЛЯ БАБУШКИ

Лес в наших местах не густой и не дремучий. Он растёт вдоль речки Большой Иргиз, причудливо извивающейся среди бескрайних полей. В нашем лесу невозможно заблудиться, поэтому нас, детей, отпускали без опаски. Мы с братом Вовкой и направились туда за ландышами для бабушки. Нет, не для того, чтобы подарить ей красивый букет. В деревне не дарят цветов для красоты. Ландыши ей годились для того, чтобы приготовить лекарство от сердца.

У бабушки было больное сердце, но я ни разу не замечал, чтобы она жаловалась, охала или ахала. Всё время, с утренней зорьки и до вечерней дойки, она хлопотала по хозяйству. И когда ей удавалось на минутку присесть отдохнуть, то в руках её непременно оказывалось рукоделие. Сама она вроде отдыхала, но руки её были заняты делом. Надо заметить, что и языком своим бабушка умела управлять – лишнего и зазря ничего не говорила. Только добрые и мудрые слова исходили из её уст. Было очень жаль и совсем непонятно, как такое любящее и доброе сердце могло болеть?

В тени дубравы не слышалось пения птиц, листья крон приглушали шум. Зато над самым ухом, и спереди, и сзади, и вокруг был слышен комариный писк, надоедливое зудение. Комаров поналетело превеликое множество. На нас они накинулись, как на желанную добычу. И нам стало не до смеха.

Мы быстро собирали ландыши, а когда комары бессовестно нагтели, то просто отряхивали их, подергивая плечами, мотая головой и дрыгая ногами. Но комары все-таки здорово нас искушали.

Побежали мы из леса домой, размазывая по лицу слезы и почёсывая укушенные места. И птички поют, и сорока трещит, и солнечные зайчики скачут, а нам не весело. И я не знал, чем тут можно помочь, но был уверен в том, что бабушка сумеет это сделать. Скорее к ней!

Завидев нас, бабушка сразу поняла, что с нами что-то неладное. Выслушав сбивчивый рассказ, утерев наши мокрые носы чистым передником, пахнущим ситцем и хлебом, она принялась лечить раны, полученные в неравном бою с полчищами комаров. Она зачерпнула деревянной ложкой кислой сметаны из кринки, обмакнула палец и стала смазывать нам укушенные места, приговаривая:

– Комарики не беда – кыш болезнь за ворота. У кошки заболи, у собаки заболи, у Вовочки заживи.

Конечно, я знал, что так говорят только уж совсем маленьким детям, но было всё равно приятно, и боль укусов проходила, и настроение сразу поднялось, и день уже не казался испорченным. Наша бабушка – самая лучшая на свете. Она умеет всё, даже лечить. Лечить болячки и маленькие детские сердца. Хотя у самой сердце больное.

Вот тебе, бабушка, ландыши для лекарства и наша чистая доверчивая любовь.

Хазанов Ефим Данилович Самара

Родился 26 марта 1949 года в Могилёвской области Белорусской ССР. Детство и отрочество прошли на Брянщине. Окончил Иркутское театральное училище, Самарский институт культуры.

Стихи начал писать в пятнадцать лет. Начиная с 1997 года издал 8 книг, куда вошли стихи, рассказы, монологи, юморески, пьесы. Автор более 50 песен. Член Российского союза профессиональных литераторов. Дипломант конкурса «Поэтическая радуга». В настоящее время находится на заслуженном отдыхе, поэт, сценарист, режиссёр детско-юношеского театра-студии «Дебют». Принимает участие в работе ЛТО «Лира».

* * *

Мир из вагонного окна
Причудлив в ледяном изломе,
И ненадёжней волокна
Забота о далёком доме.

От стужи сбивчив ритм колёс,
Они бренчат, как погремушки.
Мелькают мимо деревушки,
Домами щурясь на мороз.

За поворотом хуторок
Колечком у реки свернулся,
В его заснеженный мирок
Мой взгляд задумчивый уткнулся.

Там печки топятся с утра,
Седым дымком курятся трубы,
Плывут, плывут в барханы срубы,
Как лубяные крейсера.

Там скоро сдвинется засов,
И хлынет в утро запах дома.
Ах, мне до дома шесть часов,
Всего чуть-чуть до чувств излома...

Уже давно сменился снег –
Слежался, потонел и вымок –
А хутор тот, как фотоснимок,
Остался в памяти навек.

* * *

Обернусь на заре вольным стрепетом
И взлечу высоко в небо синее,
И оттуда с волнением, с трепетом
Буду долго кружить над Россиюю.

Я глазами взгляну просветлёнными –
Лишь туман клочковатый истается, –
Как составы ручьями зелёными
По просторам её растекаются;

Как вздымается солнце над борами,
Истончается пар над долинами,
Над церквями и над соборами,
Разливаясь, плывёт звон малиновый...

Пролечу городами да весями
И возрадуюсь выпранным клёкотом,
С хороводами птичьими, с песнями
Устремлю свой полёт я в Далёкое,

Где не будет ни зла, ни отчаянья,
Где добро мне вернётся сторицею...
...Ах, несбыточны помыслы, чаянья,
Не бывать мне вовек стрепет-птицею.

* * *

На полях, спустившись с горных круч,
Тяжело ворочались туманы.
Будто бы фонариком карманным,
Облака ночные резал луч.

Вылиняли тени – и к утру
Обновились запахи и звуки...
На краю земли, раскинув руки,
Я стою на розовом ветру.

А под ним уже синее высь,
А под ним лениво травы гнутся.
Мне глотнуть его – и... захлебнуться
И шепнуть... Нет, крикнуть:
– Здравствуй, жизнь!

...И с восторгом падая в траву,
Поражаясь сини этой выси,
Радостно ловлю себя на мысли:
– Господи, я молод, я живу!

* * *

Я рисовал войну углём,
Густыми, жирными штрихами...
Дед с убелёнными висками
Сидел поодаль за столом.

И я (в том нет моей вины),
Углём рисуя вдохновенно,
Не замечал, как постепенно
Чернел листок мой от войны.

Дед покурил, убрал мундштук,
Затем, прокашлявшись с надсадой,
Взглянул за зелень палисада,
И вдруг сказал: «Не надо, внук».

И он, достав карандаши –
Цветные «Сакко и Ванцетти», –
Шепнул с улыбкой: «На вот... этим
Картину в цвете напиши.

Зелёным – луг наш заливной,
А небеса – голубизною,
Чтоб не чернел листок войною,
Чтоб был цветным рисунок твой...»

И, вновь придвинувшись к столу,
Я желтизной окрасил хаты,
И алым сделал цвет заката,
И всё же вычернил в углу

Углём немецкого солдата.
Взглянул мой дед и... вышел прочь –
Сел под окном поближе к макам...
Потом ворочался всю ночь,

И кашлял.
И беззвучно плакал.

Харитонов Вячеслав Владимирович Сызрань

Родился 14 мая 1942 года в Сызрани Куйбышевской области. Окончил Сызранский трикотажный техникум и Свердловский государственный педагогический институт. Служил в ракетных войсках в Московском округе ПВО. Работал на предприятиях лёгкой, пищевой, химической промышленности и тяжёлого машиностроения в Семипалатинске и Сызрани, а также – журналистом в городской, районной и заводской печати. Ветеран труда, активный общественный деятель.

Поэт, член Союза писателей России. Публиковался во многих изданиях России и СССР, автор 7 книг, редактор альманаха «Сызранская излучина».

САМАРСКАЯ ИЗЛУЧИНА

Исхожена, изучена,
Скажу без похвальбы,
Самарская излучина –
Виток моей судьбы.

Далёких дней события
Здесь проще расценить:
Отъезды и отплытия
В одну связались нить.

Единой цепью скованы,
Живут в моей душе
Берёзы подмосковные,
Боры на Иртыше.

Казахский мелкосопочник,
Ущелья Крымских гор
И галька пляжей сочинских
Мне снятся до сих пор.

Поля, леса дремучие –
Я их познать хотел...
Но лишь в тебе, излучина,
Исток мой и предел.

ЗДЕСЬ КОСМОНАВТОМ МОЖЕТ СТАТЬ ОН...

Вольготно Волга и раздольно
Вписалась в местный окоём.
В просторах этих труд упорный
Мы каждой клеткой познаём.

Пусть не геолог – сын-сызранец,
Но знает всё ж наверняка,
Что есть у нас и нефть, и сланец,
И круч не счесть известняка.

Песков таких нет и в пустыне,
Что так литейщику с руки.
И хоть купайся в щедрой глине,
Хоть из неё лепи горшки.

Точильный камень есть и охра.
И вод запас не оскудел.
Мы инструмент заточим остро,
Перелопатим столько дел,

Что позавидует нам школьник
С мелком и тряпкой у доски,
Мечтая о путях раздольных
На берегах родной реки.

Здесь космонавтом может стать он
Или освоить вертолёт.
И с уважением оплатим
Мы в небеса его полёт.

Старт потому и стал счастливым,
Что каждый рад был сам взлететь.
На заводской и сельской ниве
Так было и так будет впредь!

И пусть соловушка зальётся,
Земное славя естество,
А нам – живётся и поётся,
Как говорится, на все сто!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СЫЗРАНЬ

Опять стучат колёса рьяно.
Остался позади Урал,
Где я царевну Несмеяну
Нашёл и снова потерял.

В купе «козёл» последний сыгран,
И пассажиры льнут к окну.
Широкой Волгой город Сызрань
Свои объятья распахнул.

Издалека плоты и баржи
Несёт высокая вода.
С далёких стен старинной башни
Слетает галочья орда.

Сам город в плаванье пустился
Под белым парусом кремля.
И я горжусь, что здесь родился,
Что это отчая земля.

ВТОРОЕ БАКУ

Когда все силы напрягли,
Враг лютовал, как вор в законе,
Мы нефть – святую кровь земли
Добыли в Сызранском районе.

Людская кровь была не в счёт:
Она лилась рекою красной,
Её познал любой расчёт
В борьбе жестокой и опасной.

Гремели танки, сапоги...
Был нестерпим фашистов гонор...
Наш край любимый, помоги,
Ведь ты – кормилец наш и донор!

И кровь земная помогла:
Источник топлива получен!
В линкоры, в баки потекла,
Наполнив чрева их горючим.

Врага погнали мы взашей
И в фронтовых делах-заботах
Стал безопасней быт траншей,
Не говоря уже о ДОТах.

А нефть нам служит до сих пор.
С гудками в мирной перепалке
От Волги до Уральских гор
Несут свой крест нефтекачалки.

А на высоком берегу
В зенит стартуют эскадрильи...
Второе, стало быть, Баку
Не зря в родном краю открыли!

ВОЛГА

Не всякий даже рудный камень
Переплавляется в металл.
Иной твердит: живу на БАМе,
А БАМа толком не видал.

Вот так и мы: живём на Волге,
Но, не в обиду землякам,

Торим лишь изредка дороги
К её заветным берегам.

Потом роняем вздохи в лодке,
Скользя сквозь сумрак и покой,
О том, что слишком уж коротки
Свидания с родной рекой.

До возмутительности редки
Они на стрежне наших дней.
Такой беды не знали предки
В эпоху вольницы своей.

Не потому ли и не спится,
И грустью полнится душа,
Что Волга-матушка струится
По звёздным камушкам Ковша.

Всё так же отражают воды
Огни земных и звёздных трасс.
И дышат тяжело заводы,
С ней разделяющие нас.

КУБРА

В её долине, что скрывать,
Делившей пригород на части,
Какое в детстве было счастье
Нам ежевику собирать!

Но был ещё азартней шок,
Коль карасями речка Кубра,
Едва в лугах забрезжит утро,
Стучала в ветхий бредешок.

Её ли не перешагнуть?
В иных местах лишь по колено.
Но как манила неизменно
Её струи неспешной муть!

Нрав детворы познав тайком,
Она с пугливостью подранка
Нырляла под крыло Сызранки
За ближним глинистым мыском,

Чтоб позже, где ни окажись,
В краю раздольном и широком,
В мечтах нас возвращать к истокам,
Определившим нашу жизнь.

ВМЕСТЕ СКВОЗЬ ТЕРНИИ К БЛАГУ

Верные гимну и флагу,
В сёлах, вдали от столиц,
Мысли прольём на бумагу,
Чтобы свой путь оценить.

Был он крутым и суровым
Этот нелёгкий наш путь,

Славен и делом, и словом,
Звёзды не сыпал на грудь.

Но землякам легендарным
Всё же хватало наград,
Чтобы в шеренге ударной
Выйти на мирный парад.

Или вздремнуть в плащ-палатке,
В схватках пройдя сотни троп,
В час перемирия краткий,
Не покидая окоп.

Нам же, пути их изведав,
Славя знамён алых шёлк,
Дружно с портретами дедов
Влиться в бессмертный наш полк.

Сызранский восемь десятков
Лет существует район.
В сводках о яростных схватках
Вряд ли встречался вам он.

Но, коль война по планете
Боль разливала и кровь,
Раненые и дети
Свой обретали в нём кров.

Утром в поля на работу
Вместе и стар шёл, и млад.
Всё отдавая фронту,
Голод терпели и хлад.

Верные долгу и флагу,
Не под фанфарную медь
Вместе сквозь тернии к благу
Будем шагать мы и впредь!

Хаустова Людмила Николаевна Самара

Родилась 18 февраля 1954 года в Сталинграде (Волгограде), имеет строительное и экономическое высшее образование.

Автор 4 поэтических книг, публиковалась во многих коллективных сборниках, в журналах «Русское эхо», «Невский альманах» и других. Лауреат нескольких конкурсов поэзии и песни, дипломант конкурса «Поэтическая радуга».

На слова Людмилы Хаустовой написано около 30 песен. Член Российского авторского общества, Многонационального союза писателей, РСПЛ.

Шесть лет, с 2013 по 2019 год, была руководителем литературно-творческого объединения «Лира», сейчас является его редактором.

ЕЩЁ РАЗ ПРО САМАРУ

Все знают про Самару-городок,
Про синие просторы Волги нашей,
Про Жигулёвской вольницы урок,
Про девушек самарских – нет их краше!

Вы приезжайте в гости к нам, друзья!
Мы проведём вас вдоль по Ленинградской,
По Безымянке – без неё нельзя!
Здесь труд сравнялся с подвигом солдатским.

Когда же туристический народ
На Грушинской поляне соберётся,
То вслед за песней в солнечный полёт
Ракета с постамента унесётся!

И как же нам не петь про край родной,
Коль на чужбине не живётся долго,
И отовсюду тянет нас домой,
Где судьбы наши породнились с Волгой.

ПЛЫВЁТ КОРАБЛЬ ПО ВОЛГЕ

*Ширина Волги в районе Куйбышевского
водохранилища достигает 42 км.*

Из энциклопедии

На Волге – светлый день и вольный ветер!
Вдали плывут неспешно облака.
И кажется мне: нет реки на свете,
Что так же полноводна, глубока.
В ней от самой природы величавость,
Свободная славянская душа.

Течёт она сквозь вековую давность
Своей дорогой плавно, не спеша.
На берегах – тенистый лес стеною,
И Жигули все в зелени стоят.
На островок с песчаною косою
Невольно возвращается мой взгляд...

Но вдруг за поворотом вижу море,
Где ни волны, ни ветра – полный штиль!
И в бесконечном солнечном просторе
Теряюсь: неужели это былль?
Откуда эта ширь? И где границы?
До горизонта – небо и вода!
Такой простор не одолеют птицы,
А ветерок умчится в никуда.
Так дерзко развернул поток широкий,
Добавив мощь и силу, человек,
Когда плотиной перекрыл высокой
И изменил волны привычный бег.

...Плывёт корабль по Волге многоводной,
Гляжу на эту синь из-под руки,
И нет родней любимицы народной –
Привольной русской матушки-реки.

РАССКАЗЫВАЙТЕ О ВОЙНЕ

Самарским ветеранам

Рассказывайте детям о войне,
Чтоб память передать и опыт личный.
Пускай представят, как горит в огне
И отчий дом, и целый мир привычный.

Скажите им, что Гитлер поделил
Людей всех на арийцев и семитов,

И неарийцев он приговорил
К уничтоженью. Сколько их убито?!

Не прячьте жуткой правды лагерей –
Гигантских фабрик смерти у нацизма.
Чтоб впредь спасти от страшных бед детей,
Раскройте суть звериную фашизма.

Пусть станет ясно внукам, почему,
В боях, в тылу все силы напрягая,
Поклялся каждый делу одному –
Служить Победе, боль преодолая!

Рассказывайте детям о войне,
О знамени, о Родине советской!
Пусть память остается в глубине
Души большой – лишь ненадолго детской...

ЛЕЧУ!!!

Самаре космической

Средь множества далёких ярких звёзд
Неужто нет другой планеты,
Где кто-то, как и я, во власти грёз
Мечтает полететь к другим рассветам?
Лечу! А подо мной земля
И дом, в котором вырос я,
Лечу, а надо мною вечность,
Сияющих галактик бесконечность.

Конечно, где-то жизнь другая есть
И разум, нам пока что незнакомый.
И ловим мы торжественную весть
По общегалактическим законам.

Летим на зов других планет,
И цели выше этой нет.
Мечтаем мы, земные люди,
О встрече межпланетной, как о чуде.

Как дети покидают отчий кров,
Как в небо рвутся птицы и пилоты.
Так мы на встречу дружеских миров
Мечтаем полететь на звездолёте.
Летим, чтоб расширялся круг
Межзвёздных дружелюбных рук.
Летим, но мы к Земле вернёмся,
В весенние просторы окунёмся!

ШЕЛЕХМЕТЬ

Бывает так: уедем и забудем.
Но вдруг привидится в неясном сне
Село у Волги, на причале люди,
Домишки дачные на крутизне.

Припомнятся стрекоз прозрачных танцы,
Лесной пичужки песенный призыв
И тополя, чьи корни, словно пальцы,
Цепляются в береговой обрыв.

У края свежескошенной поляны
Решаешься исполнить свой каприз:
С разбегу – в стог, такой душистый, пряный!
И по прохладным скользким стеблям – вниз!

С тобою черноглазая девчонка
И полный сил охотник до чудес.

Смеются колокольчики так звонко,
Как будто счастьем переполнен лес.

...А по ночам на озеро лесное
Струится шелестящих листьев медь,
В тумане превращаясь в потайное,
Волнующее душу – «Шелехметь...»

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Млечный путь парит в ночи, как шлейф белёсый
Из немыслимо далёких звёзд чужих.
Отражается в заволжских тёмных плесах
Все сияние таинственное их.

Гулом вечности органное крещендо
Разрастается в торжественном дворце,
Вновь рождая мифы и легенды
О других мирах, пришельцах, о Творце.

Здесь какая-то мучительная тайна,
Неподвластная пытливому уму!
И людские взоры не случайно
Устремляются в мерцающую тьму,

Человек в непостижимом этом мире
Всё надеется, что он не одинок,
И, раздвинув стены дома шире,
К звёздам первый дерзкий делает прыжок.

И летит! И миру радостно сигналил!
Сам – непознанный, вселенная в себе.
...Мирозданье отрешённо сохраняет
Равновесие в космической судьбе...

НАШ ГОРОД САМАРА

Внукам

В городе большом многоэтажном,
Всё спешит куда-то человек,
Но свернём с проспектов ярких, важных –
Время чуть замедлит быстрый бег...

Где-то здесь смеялось чьё-то детство,
На Казанской, Троицкой, Сенной*.
Оглянись: достались нам в наследство
Жигули с Самарскою Лукой

** 200 лет назад улицы Самары назывались по-другому: ул. Алексея Толстого – называлась Казанской, ул. Галактионовская – Троицкой, Хлебная площадь – Сенной.*

И весь город над широкой Волгой,
Наша школа, улица и класс.
Мы все это будем помнить долго,
И Самара не разлюбит нас.

* * *

Живу, занимая высокое
У тех, кто парит в небесах.
Тянусь за летящими строками,
На цыпочки тихо привстав.

Меж долгими взглядами-знаками
Мне слышится трепетный звук,
И в сердце горячими маками
Теснятся восторг и испуг,

Как будто, презрев опасения,
Ступаю на узкий карниз,
Доверив решать провидению
Увлечь меня вверх или вниз...

Какие откроются таинства?
Что станет будить по ночам? –
Всё в небе закатном останется,
На миг приоткрывшемся нам.

Чекунов Сергей Павлович Тольятти

Родился в Куйбышеве 24 августа 1957 года, окончил Куйбышевский техникум железнодорожного транспорта, заочно окончил факультет станковой живописи и графики Народного университета искусств им. Крупской в Москве. Служил в воздушно-десантных войсках. Работал на Куйбышевской ТЭЦ, в звании «прапорщик» сверхсрочно служил в одной из военно-строительных частей Тольяттинского гарнизона. С 1988 года работает в Тольяттинском машиностроительном колледже.

Член Союза писателей России. Издал 5 поэтических сборников и 2 сборника прозы, печатался в тольяттинском альманахе «Стрежень», самарском альманахе «Русское эхо», в журнале «Лампада».

Редактор интернет-издания «Боевое братство – Тольяттинский вестник».

* * *

Слева – Волга, справа – горы,
Впереди – Верблюд-гора.
До неё дойдём мы скоро
И присядем у костра.

Подкрепимся кружкой чая,
Подчерпнув из котелка,
Помолчим под крики чаек,
Что разносит вдаль река.

А потом, расправив спину,
Мы начнём крутой подъём
На горбатую вершину,
Через каменный пролом.

И, вдохнув всей грудью ветер,
Что гуляет в небесах,
Вдруг поймём, что есть на свете
Нечто большее, чем страх.

Это – преданность и дружба,
Что за деньги не купить.
Это то, что очень нужно
Для того, чтоб просто жить.

* * *

Столу В.Н. Полякова посвящается*

Всё тот же стол, и та же мебель,
Хоть статус у неё иной.
Года ушли куда-то в небыль,
Но дух времён ещё живой.

Он бродит по музейным залам,
Листает корешки газет.
Навек судьба его связала
С первопроходцами тех лет.

А стол – ровесник всех событий,
Он помнит, как среди важных дел –
Сам – Главный наш автостроитель
За ним задумчиво сидел.

Он помнит тысячи решений,
Приказов и страстей накал
И споры до изнеможенья,
Где Поляков совет держал.

Ведь стол тогда был полем битвы,
Плацдармом радостных побед,
Где словом красочной палитры
Писался будущего след.

И вот как памятник эпохе
Теперь стоит он не у дел.
Как будто бы застыл на вдохе,
А выдохнуть не захотел.

**Виктор Николаевич Поляков – первый генеральный директор Волжского автомобильного завода.*

* * *

Кто-то любит парус под упругим ветром,
Кто-то любит горы, карабин и крюк,
Кто-то любит поиск вечного ответа,
Где дорога к счастью пролагает круг.

Кто-то любит слушать песни под гитару,
Кто-то просто любит тишь библиотек,
Кто-то – наслаждаться кинофильмом старым,
Кто-то обожает танцы дискотек.

Кто-то любит строки рифмовать в тетради,
Кто-то любит ночью греться у костра...
Я скажу вам просто: «Я люблю – Тольятти!»
И признаться в этом мне давно пора.

Названное выше тоже мне по сердцу,
Всё понятно, близко, всё в ладу со мной,
Но Тольятти – это в мою душу дверца,
Что всегда открыта летом и зимой!..

Мне совсем не надо объяснений страстных,
Ведь куда важнее средь осенних стуж
Находиться в томном ожиданье счастья,
Когда звёзды светят в отраженьях луж.

Следуя дорогой, что лежит под горку,
Где когда-то жили прадеды мои,
Жду, когда за лесом я увижу Волгу,
И меня ведут к ней свечи-фонари.

«Я люблю Тольятти!» – это не кокетство,
Это не причуда праздничного дня.
И с печальной грустью, возвращаясь в детство,
Думаю: «Тольятти... Это – часть меня!»

* * *

Село Гаврилова Поляна
Дышало тёплым ветерком,
Он прятался среди бурьяна,
Играл над крышами дымком.

Шумя листвой, бежал на Волгу,
Как будто что-то там забыл.
А после, охлаждаясь, долго
Водой прибрежную рябил.

Прибился к рыбакам случайным,
Запутал языки костра,
Пропах ухой и мятным чаем,
Уснул, свернувшись, до утра.

Село неспешно затихало
В подкове величавых гор,
Из-под лесного одеяла
Выглядывая на простор.

Где небо растеряло звёзды,
А месяц среди них гулял
И до поры до самой поздней
Ковшом созвездья собирал.

* * *

В Жигулях моё начало,
И я в мыслях каждый день
Там, где лодки у причала
На волну бросают тень.

Там, где Волга провожает
Меня с Девичьей горы.
Там, где осень разжигает
Разноцветные костры.

Там, где молодцы-курганы,
Где течёт река Уса.
Там, где волжских атаманов
Прятали в себе леса.

Где прохладные туманы
Берегами разбрелись.
И где скалы свои камни
Грозно скатывают вниз.

Где горбами с неба звёзды
Достает Верблюд-гора.
И, хотя давно уж поздно,
Мне не спится у костра.

Снова здесь рассвет встречаю,
На меня ты не ропщи,
В Жигулях моё начало –
В Жигулях меня ищи.

В ПАМЯТЬ И.Е. РЕПИНА

Полуденное марево.
Навстречу – ни души.
Лежит село Ширяево,
Запрятавшись в глуши.
Иду по тихой улице,
Иду – смотрю вокруг,
Чтоб под ногами курицы
Не оказалось вдруг.

Плутая, огородами,
Я выхожу к воде.
Припрятанную годами
Ищу дорогу, где,
Бредя ватагой дружную
По берегу реки,
За лямки барки с грузами
Тянули бурлаки.

Я в этой тихой местности
Их образы искал,
Что в грустной неизвестности
Художник рисовал.
Но словно в охранении
И рядом, и вдали
Стоят, застыв в почтении,
Седые Жигули.

* * *

Осторожно, бережно я несу подснежники,
Маленькую баночку, крепко сжав в руках.
В ней немножко Волги прячется и плещется
За прозрачным стёклышком в нежных стебельках.

Неженки-подснежники звёздочками синими
По поляне солнечной разбросал апрель.
В них тепло весеннее, в них прохлада зимняя –
Наша затаённая русская метель.

Я несу подснежники! Первые подснежники!
И лицо обветренное прячу в лепестках –
В запахи лесные, в солнечную нежность,
В утреннюю свежесть в жёлтых огоньках.

Я никак не стану человеком взрослым:
Ведь цветы такие рвать нельзя в лесу.
Извините, ёлочки, извините, сосны,
Что букетик этот я домой несу.

* * *

Как много ног ровняло эти камни,
Как много омывало их дождей,
Что проложили путь по тропам скальным
На горные вершины Жигулей.
Как много глаз ласкало эти горы,
Как много раз их целовал рассвет,
Покуда Жигулёвские просторы
Несли из старины седой привет.
Как много дум и столь же много песен
Рождали эти чудные места
В узоре гор и сказочного леса
Одним понятным словом – красота!

Чепурных Евгений Петрович Самара

Родился 2 октября 1954 года в Чапаевске Куйбышевской (Самарской) области. Учился в Куйбышевском государственном университете, в Литературном институте имени А.М. Горького. Живёт в Самаре. Поэт, член Союза писателей России.

Автор поэтических книг: «Письма», «Свет из окна», «След на траве», «На расстоянии руки», «Картонное копьё», «Маятник», «Новые стихи», «Перелётное счастье», «Снежный человек», «Аритмия». Лауреат премии им. Ивана Дмитриева.

РЕТРОСПЕКТИВА

А была ли улица,
Ситцевая ночь?
Женщина любимая,
Сын и дочь?

Матушка родимая
И отец,
Одуванчик солнечный
И чабрец.

Свист крыла вороньего
В синеве.
Пиджачок, расстеленный
На траве.

Петербург с Самарою
И Москва,
Волга полуспящая
И Нева.

Был ли Пушкин, раненный
Под снежок?
Пугачёв, постриженный
Под горшок?

Может, напридумывал
Друг и враг?
Или снилось утречком,
Или как...

Иль плыву, задумавшись,
В дождь, в грозу.
И не видно Родины
Там, внизу...

МЕТЕЛЬ

Метель
Всегда красива и страшна,
И чуть нелепа,
Будто рифма в прозе.
Ей жизнь моя
Нисколько не нужна.
Ей только б поиграть
И приморозить.

Ей невдомёк, когда в душе тепло.
Ей всё равно,
Где нынче спать придётся.
Летит себе по небу помело
И подметает все,
Что попадётся.

Сто тысяч змеек
Жалят сквозь пальто.
Метель метёт
По всей Самаре разом.
И я, как Одиссей, –
Никто, никто,
Никто
Перед её ослепшим глазом.

РАКУШКА

Я спрячусь в ракушку, упавшую с лунного пляжа,
И стану жить тихо, ни птиц, ни людей не тревожа.
А днём серебристая кисть всю Самару помажет
И спрячет в снегах, как остаток шагреновой кожи.

Каёмка рябиновых ягод обнимет пространство,
Слетятся синицы клевать её нежно и дико.
И станет не нужно ни лирики жгущей, ни пьянства.
Зачем они на фиг, коль жить собираешься тихо?

Зачем этот чайник, гудящий полтретьего ночи?
Зачем эти шлепанцы, мятый диван и подушка?
А то, что ты просишь, придурок, –
Не то, что ты хочешь.
А то, что ты хочешь, придурок, –
То знает ракушка.

ДВЕРЦА

Странное дело.
Как будто рука на затворе.
Маленький дождик в глазах
(или это не дождь?).
Выстрелить в небо?
Иль в море?
А лучше бы в горе.
Только в него,
Как ни целишься, не попадёшь.

Странное дело.
Прошла и хандра, и усталость.
Лишь улыбаться б ещё научиться скорей.
Глядь-погляди,
А уже ничего не осталось
Кроме
Иконы, стихов и Самары моей.

Не раздражают
Вороны, пижоны, законы.

И ничего не предвидится в жизни моей
Кроме
Стихов и Самары, и старой иконы,
И той единственной дверцы,
Что скрыта под ней.

* * *

А глаза мои – обманщики.
Погляжу на белый свет:
Только я да одуванчики,
Никого здесь больше нет.

Как свидетель честный выйдите
Из калитки в добрый час.
Вы ещё кого-то видите
Вдоль дорожки, кроме нас?

Словно шарики-туманчики
Вдоль дорожки, вдоль ручья,
Вам не снятся одуванчики?
Точно снятся?
Ну а я?

Чернецова Людмила Васильевна
село Утевка Нефтегорского района

Родилась 26 мая 1952 года в селе Утевке Самарской области. Работала в школе, преподавала русский язык, литературу, мировую художественную культуру. В настоящее время работает специалистом по туризму и краеведению на туристическом маршруте «Утёвка – родина художника Г.Н. Журавлёва», хранитель музея Журавлёва.

Стихи пишет со школьных лет, первые публиковались в районной газете. Автор поэтических сборников: «Друзья мои, я обращаюсь к вам!», «Старый дневник», печатается в коллективных поэтических сборниках.

ЗЕМЛЯ МОЯ

Из ладони в ладонь
Положу эти строчки.
Слышишь, плачет гармонь
На самарском мосточке.
Видишь, солнце садится,
А месяц встаёт,
Видишь, рожь колосится,
А мальва цветёт.
Видишь, утки в затоне
Выбирают местечко,
А каурые кони
С пастухом возле речки.
Спит курган за селом,
О былом вспоминая,
Кто покоится в нём,
Он того охраняет.
Спят ковыльные степи
И прибрежные ивы...
С вами сердце навеки,
И живу я в России!
Здесь милей и вольней,
И кровиночкой каждой
Припадаю к земле,
Где усну я однажды.

СКАЗ ПРО ГРИГОРИЯ ЖУРАВЛЁВА

Шли по русской земле богомольцы и странники стойко.
Был их светел рассказ, только голос до боли суров.
...Дескать, в волжской степи, в заповедном местечке Утёвка
Пишет Божии лики крестьянин простой Журавлёв.
И что едут к нему заказать образок издалёка,
Сильно верят ему, что поможет и что исцелит.
Говорят, что дарил он царю, губернатору – столько
и столько,
Знаменит, хоть в деревне живёт, от столицы роскошной
вдали...

Есть талант, всё сложилось и дивно, и ладно.
Есть талант – прославляй же отца и творца!
Но изограф утёвский – вот ведь как вышло нескладно,
Не имеет ни рук и ни ног, хоть, что Ангел,
прекрасен с лица!..

– Боже правый! –

Шептали крестьянки чуть слышно
И платок поправляли, не дав осушиться очам.
Ветер колкий поникшие травы колышал,
И песок ударял по натруженным стёртым стопам...
...Богомольцы ушли.

Долго вслед им смотрели крестьяне.

Растревожил сердца об изографе дивном рассказ.

– Нет, явился он в мир неспроста, далеко не случайно.
Он проситель пред Богом за всех заблудившихся нас.

НА САМАРКЕ

Над Самаркой снег идёт...
С той ли стороны иль с этой,
Лета сон, весны приветы,
Тихий ангелов полёт...
Очарованной душою
Растворяемся зимою
В первозданности природы...
Отступают все невзгоды.
Отступает всё, что худо!
Снег идёт – и веришь в чудо!

* * *

Безжалостная, злая доля...
Была великая война...
Выпускников Утёвской школы
На обелиске имени.

У монумента, как на страже,
На вахте памяти святой
Мальчишки и девчонки страждут
Беречь покой страны родной.

Миг радости и миг печали...
Желаю страстно молодым,
Чтоб никогда они не знали
Войны пожара едкий дым.

КОГДА ПРИДЁТ ПУШИСТЫЙ СНЕГ

Когда придёт пушистый снег
И все тропинки запорошит,
Ты мне расскажешь о хорошем,
Чай согревая на огне.

Когда придёт пушистый снег,
Ты мне в глаза заглянешь чутко,
И будет каждая минутка
Желанною наедине.

Когда придёт пушистый снег,
Бессонницу упрямо теша,
Окошко я не занавешу,
Цветы поставлю на окне.

Когда придёт пушистый снег,
Покой и мир вселятся в душу.
Мы будем снег летящий слушать
И отдаваться тишине...

Чистопрудов Александр Юрьевич Самара

Родился 27 июля 1974 года в Куйбышеве (Самаре), с 7 лет занимался спортом – мастер спорта по прыжкам в воду.

С 2000 года пишет стихи, печатался в различных изданиях и сборниках: «Русское эхо», «Самарский Парнас», «Вера, Надежда, Любовь». В 2006-м издал книгу «Простыми словами».

Лауреат Всероссийского конкурса 2020 года, награждён медалью, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Российским союзом писателей награждён медалью, посвящённой 150-летию И. Бунина в 2021 г., лауреат международного конкурса «Главный стих».

Участник литературно-творческого объединения «Лира».

МОЯ СТОРОНКА

Распластанный лежу под облаками.
Земля сухая в жаркий летний день.
Траву степную трогаю руками,
Сморило, и подняться даже лень.

А солнце подбирается к зениту,
И всё сильнее хочется мне пить.
Родник в овраге, многими забытый,
Меня зовёт прохладу пригубить.

И я сорвусь, поделенный на части,
Плутая где-то мыслями в мечтах,
Считая утоление жажды счастьем,
Пойду с травинкой, сорванной, в зубах.

Ступая по зелёному узору,
Желания в реальность воплотив,
Студёною в полуденную пору
Живой водою жажду утолив.

Вернусь обратно и по бездорожью
Под шёпот трав в родимые края
Пойду, поняв, что нету мне дороже,
Чем милая сторонушка моя.

НА РАССВЕТЕ

По узенькой стёжке соснового леса
Иду не спеша босиком.
И дня предстоящего тает завеса
С восходом над быстрой рекой.

По краю его прохожу над обрывом,
Любуясь рассветной красой,
Как солнце, как будто зевая лениво,
Плывёт над песчаной косой.

Присяду на берег в немом ожиданье,
Лицо подставляя лучам,
Вдыхая разбуженных трав сочетанье
С росой на зелёных плечах.

На время забуду я прежние споры
Привычного мира забот,
Как будто сейчас созерцая просторы,
Пускаюсь в свободный полёт.

БЛАГОДАТЬ

По непаханому полю босиком,
Отмеряя вёрсты, медленно пройду
Тёплым, летним, увядающим днём
И вдали от всех тихонько помолюсь.

Не печалью и не радостью гоним,
А обыденностью будничного дня,
Как с собой, поговорю сегодня с Ним,
Представляя, будто слышит Он меня.

И трава мои желанья сохранит,
Даже если вдруг о них забуду я.
Вольный ветер с одиночеством пьянит,
Недосказанного в сердце не тая.

И до ночи-то уже недалеко,
А села почти совсем и не видать...
Мне шагается и дышится легко,
И в округе, и на сердце – благодать.

* * *

Растрепал мои волосы ветер
Уходящего летнего дня.
Я шагаю, свободен и светел,
По траве к деревенским огням

По широкому Русскому полю,
Растворяясь в его глубине.
Я вдыхаю не воздух, а волю,
И от этого радостно мне...

А по следу огромная туча,
Догоняя, сверкая, грозит.
Может, было бы спрятаться лучше,
Вот и дождик уже моросит...

Но меня он совсем не пугает,
Я ступаю, примяв ковыли,
Я родные просторы вдыхаю,
Силу черпая Русской земли.

ВОЛЯ

Рано утром выйди в поле,
На рассвете – тишина.
Не хватало сердцу воли?
Наслаждайся, вот она!

Пей её, лови руками,
Свежий ветер догоняй,
Синью неба с облаками
Промежутки восполняй.

Обнимай родную землю,
Травам лежя говори
Или слушай, им же внемля,
Душу настезь раствори.

Позабудь про всё на свете
Ради мига одного...
В поле чистом, на рассвете,
Где не видно никого.

Волю пей неосторожно,
Ветру с хохотом грозя,
И делись ей, сколько можно
И когда уже нельзя.

ГЕОГРАФИЯ И ЖАНРИРОВАНИЕ

Населённый пункт	ФИО писателя	Форма подачи	Жанр
Самара	Агалаков Дмитрий Валентинович	проза	исторический роман, фантастика, драматургия
Самара	Батюшков Виктор Павлович	стихи	лирика
Самара	Василь Владимир Васильевич	стихи	лирика
Самара	Воробьева Июсса Дмитриевна	стихи, песни	лирика
Самара	Воронков Валерий Александрович	проза	рассказы, повести, фантастика
Самара	Глазкова Эвелина Николаевна	стихи, песни, проза	лирика
Самара	Голубкова Ольга Ивановна	стихи	лирика
Самара	Гражданкина Наталья Александровна	песни, стихи	духовность
Самара	Добрусин Виталий Аркадьевич	проза	журналистика, публицистика, драматургия
Самара	Завальный Александр Никифорович	проза	исторические рассказы, краеведение
Самара	Кокарев Максим Сергеевич	проза	духовный роман, историческое исследование
Самара	Ланина Надежда Анатольевна	стихи	лирика
Самара	Макашова Светлана Вадимовна	стихи	лирика
Самара	Никольшин Иван Ефимович	стихи	лирика, журналистика, публицистика
Самара	Плотников Владимир Иванович	проза	романы, фантастика
Самара	Прохорова Анна Борисовна	песни, стихи	лирика
Самара	Семиколенова Лариса Вячеславовна	стихи, песни	лирика
Самара	Солоницын Алексей Алексеевич	проза	повести, публицистика, журналистика, лирика, драматургия
Самара	Терентьев Владислав Юрьевич	стихи, песни	лирика
Самара	Хазанов Ефим Данилович	стихи	лирика

Самара	Хаустова Людмила Николаевна	стихи, песни	лирика
Самара	Чепурных Евгений Петрович	стихи	лирика
Самара	Чистопрудов Александр Юрьевич	стихи	лирика
Сызрань	Карякин Александр Сергеевич	стихи	лирика
Сызрань	Кирюхин Сергей Владимирович	стихи	лирика
Сызрань	Портнягин Илья Олегович	стихи	лирика
Сызрань	Портнягин Олег Алексеевич	стихи	лирика
Сызрань	Харитонов Вячеслав Владимирович	стихи	лирика
Тольятти	Воронцов Александр Свиридович	стихи	лирика
Тольятти	Краснов Семен Васильевич	стихи	лирика, сказки
Тольятти	Московский Вячеслав Викторович	стихи	лирика
Тольятти	Чекунов Сергей Павлович	стихи	лирика
Жигулёвск	Минкина Ирина Семёновна	стихи	сказки
Кинель	Леонова Диана Лукинична	стихи	лирика
Клявлино	Колмогорова Наталья Ивановна	стихи, песни	лирика
Новокуй- бышевск	Семичев Евгений Николаевич	стихи	лирика
Пестровка	Филимонов Владимир Алексеевич	стихи	лирика
Рошинский	Лыков Николай Терентьевич	стихи	лирика
Усолье	Алексеева Надежда Яковлевна	стихи, песни	лирика
Утевка	Чернецова Людмила Васильевна	стихи, песни	лирика
Чапаевск	Кижайкина Татьяна Веняминовна	стихи	лирика

СОДЕРЖАНИЕ

Агалаков Дмитрий Валентинович	8
Князь Григорий Засекин, или Воевода Дикого поля (отрывок из романа).....	9
Алексеева Надежда Яковлевна	14
Вишенка.....	15
Цветёт тимьян.....	15
«Над Усольем огни, огни...»	16
Паром.....	17
Русская душа	18
Стихи из детской книжки «Соляная ярмарка».....	19
Как Караульный бугор стал Светёлкой	19
Соляная ярмарка.....	19
Батюшков Виктор Павлович	20
Винновка	21
Проплывая Шелехметь.....	22
Весеннее	22
Радиоцентр	23
Василь (Деревенцев) Владимир Васильевич	24
На рассвете.....	25
Летняя зарисовка	25
Удалёнка	26
Деревушка	27
Лицейст	27
Батальоны просят огня.....	28
Воробьева Инесса Дмитриевна	29
Самарская губерния	30
Зверолов. Дикое поле	31
Лунная дорожка	32
Казачи	33
Первый пароход Журавлёва.....	34
Дом со слонами (дача купца Константина Павловича Головкина).....	35
Дом губернатора (дворец Субботиных-Шихобалова)	36
Зонтик кружевной (дом Александры Курлиной – Музей модерна)	37
Уходит старая Самара.....	39
Площадь Куйбышева. Парад 7 ноября 1941 года.....	41
Воронков Валерий Александрович.....	44
Бурлаки: правда и вымысел? или Предисловие к роману «Дешан»	45
Отрывки из романа «Дешан».....	49

Воронцов Александр Свиридович	54
Метеорит	55
Ветер	56
«Не жажду я славы Мессии...»	56
Электросварка	57
Зеркальце	58
Родина	59
Городу Тольятти	59
Глазкова Эвелина Николаевна	61
Память	62
Голубкова Ольга Ивановна	66
Ширяевцу	67
«Особый запах у родного края...»	68
Гражданкина Наталия Александровна	69
Осенняя Самара	70
Далёкий край	70
Моя Самара (песня)	72
Пропал без вести	72
Добрусин Виталий Аркадьевич	74
Борьба за Самару (фрагменты)	75
Завальный Александр Никифорович	79
Арбузы-то гнилые!	80
Зря сказал	80
Горький как читатель	81
После праздника	82
Коррида по-самарски	83
Самарские приоритеты XIX-XXI веков	84
Карякин Александр Сергеевич	90
Родина	91
У Сызрана	91
Сызрань – город	92
На Крымзе	92
Родное небо	93
В ладонях Родины	94
На Усе	94
Кижайкина Татьяна Веняминовна	95
«Замыкается снова кольцо...»	96
Утро	96
Родники	98
«Готовы посох и сума...»	98
Заветное слово	99
«И зачем свою жизнь я гублю...»	100

Кирюхин Сергей Владимирович	101
Тишина.....	102
«Всё ближе ночь. Темнеют небеса...»	102
Луна.....	103
Рассвет.....	103
Над Волгой	104
Утро	105
Кокарев Максим Сергеевич	106
Отрывки из статьи об особенностях богослужения в Самарском крае.....	107
Колмогорова Наталья Ивановна	111
Живи, мой край!	112
Купила баба танк (история награды).....	112
Купила баба танк	114
Конь.....	115
Краснов Семен Васильевич	117
Лукоречье	118
«Осень забирается на Царёв курган...»	118
Уехать	119
«В тумане Монастырская гора...»	120
Село Заплавное.....	121
Усолёе.....	121
«Осиновка. В руинах древний храм...»	122
Красные (Архангельские) ключи.....	122
Ланина Надежда Анатольевна	123
Волжские плёсы	124
Жеребёнок.....	125
Из детства.....	125
Снегурочка	126
Ворона.....	127
Леонова Диана Лукинична	128
«Высокие песни летят над Россией...»	129
«Что-то такое в душе сотворилось...»	129
Лыков Николай Терентьевич	131
Спасибо за Победу	132
Ветеран.....	133
Возвращение на Самарку.....	134
«От горячих лучей белый пар от земли...»	135
Макашова Светлана Вадимовна	136
Тепла огней столичных мне не надо	137
Ладья	137
Осень в Самаре	138
Старый вокзал.....	139
Мой город.....	140

Минкина Ирина Семеновна	141
Гимн Жигулям	142
Жигулевская весна	143
Любава (легенда Жигулей) (фрагмент из поэмы)	143
Город Жигулёвск.....	146
Московский Вячеслав Викторович	148
«Я родился под знаком Льва...»	149
Мальчишка	149
Сон.....	150
«Грянул гром, и Жигулёвск затих...»	151
«Я прирос к Жигулёвску душой...»	152
Запах хлеба.....	152
«На пригорке забытый, брошенный...»	153
Никкульшин Иван Ефимович	151
«Над церквушкой, облезлой до крыши...»	155
«Светило лучами с небес потекло...»	156
В победные дни	157
И в песне, и в сердце народа.....	158
Судьба.....	160
Лесной колодец	162
Плотников Владимир Иванович	164
Степан Бердыш (отрывки из романа)	165
Печать хозяина орды (отрывок из повести)	171
«Синева расплеснулась вдали...»	175
Портнягин Олег Алексеевич	176
«Рвани стоп-кран!»	177
В поезде.....	177
Малые реки	179
Муранский бор.....	180
Навсегда	180
Рыбак.....	181
Самара	182
Скорый.....	183
Страна	183
Портнягин Илья Олегович	185
Городок.....	186
Память	186
Провинция.....	187
Даль	188
Самарский вокзал.....	189

Прохорова Анна Борисовна	190
Кто сказал, что осень горько плачет?	191
Семиколенова Лариса Вячеславовна	192
Город трудовой славы	193
Степь	194
Твой город	195
Седьмая	196
Семичев Евгений Николаевич	198
Югра	199
«Лопатино – сельцо родное бати...»	200
«В городишке уездном...»	201
«Привет вам, цветы полевые...»	202
«Самара – ночная жар-птица...»	203
«Из небесного Божьего рая...»	204
Солоницын Алексей Алексеевич	205
Самарское знамя (отрывок из романа)	206
Врата небесные (отрывок из повести)	209
Терентьев Владислав Юрьевич	214
«Здравствуй, Святыня самарская...»	215
С добрым утром, Самара!	215
«Всё своё от версты до версты...»	216
Город детства	217
Стахановская	218
Здравствуй, Прибрежный!	219
Филимонов Владимир Алексеевич	220
Мир огромный, я маленький	221
Батюшка в самарском селе Высокое	222
У классиков не жалуют за это	223
Гудел завод в Самаре	224
Ландыши для бабушки	225
Хазанов Ефим Данилович	227
«Мир из вагонного окна...»	228
«Обернуться на заре вольным стрепетом...»	229
«На полях, спустившись с горных круч...»	229
«Я рисовал войну углём...»	230
Харитонов Вячеслав Владимирович	232
Самарская излучина	233
Здесь космонавтом может стать он...	233
Возвращение в Сызрань	235
Второе Баку	235
Волга	236

Кубра.....	238
Вместе сквозь тернии к благу.....	238
Хаустова Людмила Николаевна	240
Ещё раз про Самару.....	241
Плывёт корабль по Волге.....	241
Рассказывайте о войне	242
Лечу!!!.....	243
Шелехметь.....	244
Млечный путь	245
Наш город Самара.....	246
«Живу, занимая высокое...»	247
Чекунов Сергей Павлович	248
«Слева – Волга, справа – горы...»	249
«Всё тот же стол, и та же мебель...»	250
«Кто-то любит парус под упругим ветром...»	251
«Село Гаврилова поляна...»	252
«В Жигулях моё начало...»	253
В память И. Е. Репина	254
«Осторожно, бережно я несу подснежники...»	254
«Как много ног ровняло эти камни...»	255
Чепурных Евгений Петрович	256
Ретроспектива.....	257
Метель	258
Ракушка.....	258
Дверца.....	259
«А глаза мои – обманщики...»	260
Чернецова Людмила Васильевна	261
Земля моя.....	262
Сказ про Григория Журавлёва.....	263
На Самарке.....	264
«Безжалостная, злая доля...»	264
Когда придёт пушистый снег	265
Чистопрудов Александр Юрьевич	266
Моя сторонка	267
Благодать.....	269
На рассвете.....	268
«Растрепал мои волосы ветер...».....	269
Воля.....	270
География и жанрирование.....	279

Литературно-художественное издание

САМАРСКИЙ КРАЙ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

Сборник произведений писателей Самарской области

Дизайн обложки – **Воробьева И.Д.**
Компьютерная верстка – **Спиридонова И.И.**
Корректурa – **Ширшова О.В.**

Архивные фото из коллекции **Завального А.Н.**

В некоторых произведениях по просьбе авторов
сохранены орфография и пунктуация.

Подписано в печать 15.12.2022 г. Формат 64 1/8.
Бумага ксероксная. Печать офсетная.
Объём – 17,5 п.л. Тираж 3000 экз. Заказ №161.

Издательство «Инсома-пресс»
443080, г. Самара, ул. Санфириковой, 110а. Тел. 222-92-40.

Отпечатано в типографии ООО «РАКС-С».
443010, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 67/60, комн. 41–43.
Тел. 2-444-822.

Сборник издан
при финансовой поддержке
министерства культуры
Самарской области

